

О. И. БЛИНОВА

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

ЛЕКСИКА

Учебное пособие

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1984

Блинова О. И. **Русская диалектология. Лексика: Уч. пособие.** — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. — 7,21 л. — 50 к. 2000 экз. 4602000000.

Учебное пособие содержит основные сведения о лексике и фразеологии русских диалектов: о ее составе, происхождении, употреблении, системной организации, о типах лексико-фразеологических различий и т. д., а также об областных словарях. В пособии, освещающем соответствующие разделы программы, учтены новейшие достижения в русской диалектологии и смежных лингвистических науках, привлечен большой фактический материал.

Для студентов филологических факультетов.

Рецензенты: кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания Омского университета; проф. Палагина В. В.; доц. Гецова О. Г.

Б $\frac{4602000000}{177(012)-84}$ 139—82

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс «Русская диалектология» занимает своеобразное место в системе вузовских дисциплин филологического цикла. Этот курс не входит в число основных учебных дисциплин, какими являются «Современный русский литературный язык» и «История русского языка», считаясь дисциплиной вспомогательной, как, например, «Введение в языкознание», «История литературного языка», «Старославянский язык» и др. Но роль курса «Русская диалектология» превосходит его назначение вспомогательной дисциплины. Прежде всего потому, что русские народные говоры, изучением которых занимается диалектология, являются средством общения значительной части как русского (преимущественно сельского), так и нерусского двуязычного населения Советского Союза. В приближенном исчислении на местных диалектах или полудиалектах говорит около половины русского и нерусского двуязычного населения нашей страны. Аналогичное соотношение «говорящих сил» характеризует многие другие государства. Имея это в виду, французский ученый и писатель Шарль Нодье справедливо заметил: «Кто не изучил внимательно говоров своего языка, тот знает его только наполовину».

Роль курса «Русская диалектология» в системе филологического образования определяется и тем большим научным и практическим значением, которое характеризует диалектологию. Русская диалектология, зародившаяся в недрах этнографии, в последние тридцать—сорок лет добилась крупных успехов, превратившись из придатка к этнографии, а позднее — к истории русского языка, в самостоятельную лингвистическую дисциплину, уровень которой поднялся до уровня давно сфор-

мировавшихся лингвистических наук. Одно из свидетельств тому — начавшийся процесс дифференциации диалектологической науки, процесс вычленения из нее диалектной лексикографии, диалектной лексикологии, диалектной фразеологии, диалектной фонетики и т. д. (см., например, работы: Р. И. Аванесов. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974; О. И. Блинова. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973; Т. С. Коготкова. Русская диалектная лексикология. М., 1979; Л. А. Ивашко. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981).

В тех вузах, где основным направлением научно-исследовательской работы лингвистических кафедр является изучение народных говоров, диалектология становится одним из профилирующих курсов.

ВВЕДЕНИЕ

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ КАК НАУКА

ПРЕДМЕТ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Диалектология — наука о диалектном языке и диалектах. Название дисциплины происходит от греческих слов *λόγος* 'слово, учение' и *διαλέκτος* 'разговор, речь', что в буквальном переводе означает: учение о разговорной речи.

В диалектологии вычленяется два раздела: описательная диалектология, которая изучает местные диалекты в их современном состоянии, и историческая диалектология, изучающая территориальные говоры в их изменении и развитии. Описательная диалектология и составляет содержание «Русской диалектологии» как учебной дисциплины.

Русский национальный язык, как и многие языки мира, характеризуется неоднородностью. Он известен в разных формах своего проявления, основные из которых представлены литературным языком в двух его разновидностях (устной и письменной), городским просторечием и местными (территориальными) диалектами.

Литературный язык — высшая форма национального языка. Это строго нормированный, образцовый язык нации.

Городское просторечие — особый тип разговорной, обиходно-бытовой речи, имеющей отличия от литературного языка в лексике и фразеологии (например, *легковушка* 'легковой автомобиль', *загóрбок* 'верхняя часть спины', *клíкать* 'звать', *сулíть* 'обещать', *дойти до ручки* 'оказаться в тяжелом безвыходном положении', *продрать глаза* 'проснуться'), в морфологии (*пекёт*, *волокёт*, *делóв*, *местóв*), синтаксисе (*пойти по воду*, *по хлеб*), произношении (*пе/р'/вый*, *зе/р'/кало*, *килóметр*, *современный*) и ха-

рактизирующей слабой локальной окрашенностью. Основные носители просторечия — жители городов, крупных населенных пунктов, не владеющие нормами литературного языка.

Диалектный язык — это также одна из форм народно-разговорного языка. Он имеет ряд отличий от литературного языка.

1. Диалектный язык в отличие от литературного языка территориально окрашен, т. е. различен на разных территориях своего употребления. Так, жители северных областей страны, Урала, говорящие на диалекте, произносят: д/о/ма́, в/о/да́, м/о/ро́з, отчетливо выговаривая предударное О, в то время как жители Подмосковья, южных районов Европейской части страны, центральной Сибири те же самые слова произносят с предударным А: д/а/ма́, в/а/да́, м/а/ро́з. Одна и та же словоформа «руками» только на русском севере употребляется с разными окончаниями: рука́ми, рука́мы, рука́ма, рука́м. Одна и та же фраза «Вчера шёл снег» на севере звучит иначе (/фц/ера́ ш/оу́/ сне/к/), чем на юге (/уча'ра́ шол сне/х/). Одни и те же предметы, процессы, признаки на севере и юге имеют разные названия, например, петух и — ко́чет, белка и — ве́кша, боронить и — скоро́дить, красивый и — баско́й, больной и — хво́рый.

2. Диалектный язык в отличие от литературного языка имеет только устную форму, это в принципе бесписьменный язык.

3. Если литературный язык характеризуется широтой и всеобщностью употребления, — это язык науки и культуры, обиходно-бытового общения и публичных выступлений, основа языка художественной литературы, то область употребления диалектного языка ограничена обиходно-бытовым общением, общением в производственной сфере; диалектный язык — основа ряда жанров фольклорных произведений.

Таким образом диалектный язык — это устная территориально окрашенная разновидность языка народа (народности, нации).

Термин «диалектный язык» (как и «национальный язык») обозначает тип языка. Реальное его проявление — тот или иной диалект или говор. Г о в о р — предельная, далее не делимая единица диалектного языка, характеризующаяся единством всех элементов языковой струк-

туры. Например, говор деревни, села, станицы. В одном населенном пункте может быть несколько говоров, равно как один говор может быть средством общения жителей двух-трех близлежащих сел, деревень. Несколько говоров, имеющих значительную общность элементов структуры, составляют группу говоров, или диалект; диалекты с общностью многих черт объединяют в наречия.

Какова структура местного диалекта в его соотношении с основными формами национального языка? В этом плане в структуре диалекта выделяются:

а. Общерусские элементы, т. е. такие элементы его структуры, которые присущи говору, литературному языку и городскому просторечию. Общерусские элементы структуры диалекта составляет большая часть гласных и согласных фонем, к ним относятся все грамматические категории и большая часть средств их материального выражения, общерусской является значительная часть синтаксических конструкций. В общерусский лексический фонд входят такие слова, как лес, вода река, ходить, читать, белый и др.

б. Диалектно-просторечные элементы структуры говора, т. е. такие элементы, которые присущи и диалекту, и городскому просторечию, но не употребительны в нормированном литературном языке. Диалектно-просторечные элементы характерны прежде всего для лексико-фразеологического состава говора и в меньшей степени — для других его сторон. Примеры: **полушалок** 'небольшая шаль', **чíсленник** 'отрывной календарь', **по-стращáть** 'попугать', **чúточный** 'маленький', **налить глаза** 'напиться пьяным'.

в. Диалектные (собственно диалектные) элементы, т. е. такие элементы структуры диалекта, которые свойственны ему, но не известны ни в просторечии, ни тем более в литературном языке. Диалектные элементы представлены на всех уровнях структуры говора: в фонетике (фонемы γ , w), в морфологии (гуляе, ходи/т', у сестре), в синтаксисе (она разúмши), в лексике и фразеологии (**куржáк** 'иней на деревьях', **расста́нок** 'перекресток дорог', **захма́рить** 'покрыть тучами', **быть недовольным умом** 'сойти с ума').

Сказанное можно представить в нижеследующей схеме, где прямоугольник I символизирует диалект, пря-

моугольник 2 — городское просторечие, прямоугольник 3 — литературный язык; зона А — общерусские, элементы структуры диалекта, зона Б — диалектно-просторечные, зона В — диалектные.

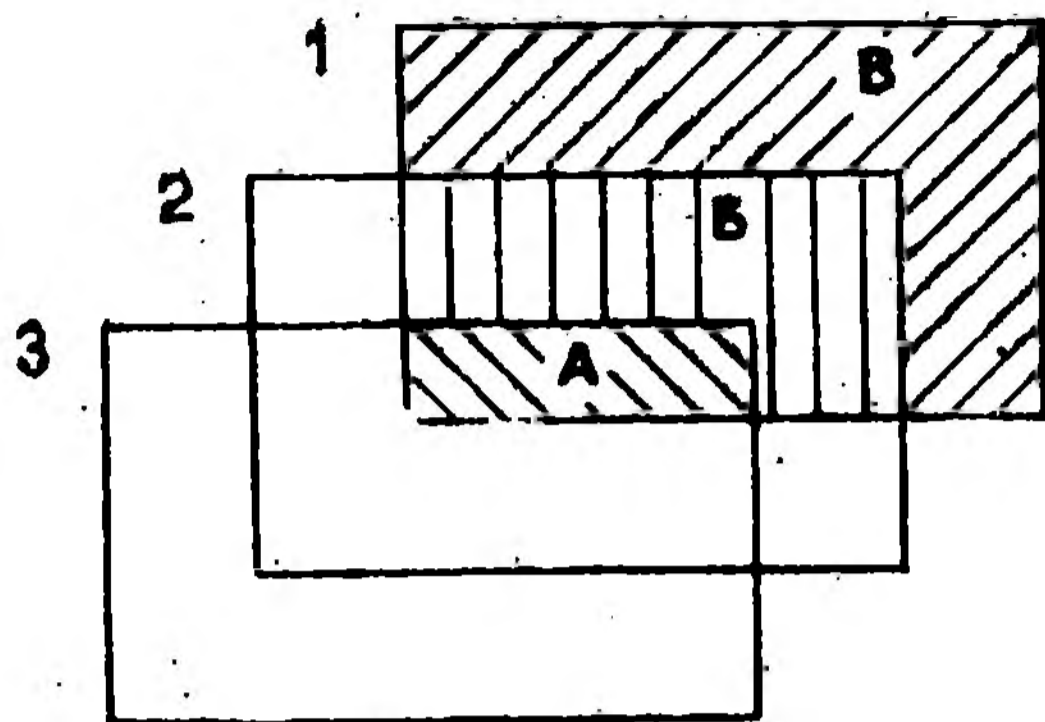

Схема 1

Соотношение названных элементов структуры диалекта различно в разных его сторонах. Наибольшее число диалектных элементов представлено в фонетике, лексике и морфологии, наименьшее — в синтаксисе. Вместе с тем общерусские элементы составляют основу на всех уровнях языковой структуры диалекта. Русские диалекты, в отличие, например, от диалектов немецкого, итальянского, китайского языков, характеризуются серьезной долей общности элементов, что не составляет языкового барьера для говорящих на разных говорах русского языка.

Русская диалектология как научная дисциплина изучает говоры в целом, с их общерусскими, диалектно-просторечными и диалектными элементами структуры. Диалектология как учебная дисциплина знакомит главным образом с теми элементами структуры говоров, которые составляют диалектные различия, противопоставляющие одни русские говоры другим.

ЗАДАЧИ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Цель диалектологии — изучение русских народных говоров в их современном состоянии — может быть достигнута решением следующих основных задач:

1) системным описанием всех уровней структуры современных диалектов (фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики, словообразования), что позволит выявить особенности функционирования диалектных систем, их спе-

цифику, характер взаимодействия с литературным языком, а главное — получить новые данные о разговорном языке, его устройстве, законах;

2) лексикографическим изучением современных говоров, что даст в руки исследователей богатую фактическую базу не только для анализа лексикологических проблем, но и проблем морфологии, синтаксиса, фонетики и словообразования;

3) лингвогеографическим исследованием современных говоров с целью создания диалектологических атласов русского языка, которые дают возможность решать такие важные для диалектологии проблемы, как проблема характера диалектных различий и их типов, проблема диалектного членения языка и ряд других.

Задача составления диалектологических атласов русского языка относится к числу традиционных. Атласы — одно из эффективных средств изучения говоров методом лингвистической географии (нанесение языковых явлений на географическую карту). Сотрудниками сектора диалектологии Института русского языка АН СССР (Москва) составлено 12 томов «Диалектологического атласа русского языка» (первый том опубликован). Достижения лингвистической географии нашли свое отражение во многих публикациях, в том числе в таких научных изданиях, как «Вопросы теории лингвистической географии» (М., 1962), «Русская диалектология» (М., 1964) и др.

Задача составления областных словарей — также одна из традиционных и актуальных задач описательной диалектологии. Словари имеют большое научное, культурно-историческое значение. «Для науки представляет определенную ценность каждое слово, независимо от того, входит ли оно в литературный язык или является только принадлежностью какого-либо местного говора, ибо оно появилось в речи народа для того, чтобы обозначить, назвать какую-то частицу действительности... Потерять диалектные слова — это значит потерять для народа, истории его духовной и материальной культуры, его языка значительную часть того, что составляло содержание жизни миллионов людей в течение многих столетий» (Г. Г. Мельниченко). Вот почему одной из неизменных традиций русской филологии было собирание областных слов и составление областных словарей.

Достаточно назвать такие крупные лексикографические труды XIX в., как «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля (Спб., 1863—1866), «Опыт областного великорусского словаря» (Спб., 1852) и «Дополнения» к нему (Спб., 1858).

Лексикографическое изучение диалектов в нашей стране в 50—80-е гг. текущего столетия достигло небывалого размаха. Созданы и создаются разные типы областных словарей: словари дифференциальные и полные, словари одного диалекта или говора и словари многодиалектные, сводные, словари прямые и обратные. Среди них преобладают словари дифференциального типа, при составлении которых осуществляется принцип дифференцированного отбора лексики в словарь. Областные словари дифференциального типа включают собственно диалектную лексику и фразеологию. Например, пятитомный «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (Томск, 1964—1975), «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» (Пермь, 1973), «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области)» (М., 1969), сводный «Словарь русских народных говоров» (М.-Л., 1965—1983, вып. 1—19), включающий всю зафиксированную лексику и фразеологию русских говоров XIX—XX вв., также сводный «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири» (Новосибирск, 1972). Полный словарь диалекта призван лексикографировать всю лексику, которая зафиксирована в том или ином диалекте. Этот принцип осуществляется в издающемся «Псковском областном словаре» (Л., 1967—1983, вып. 1—5).

Создание словарей разных типов — серьезное достижение советской диалектной лексикографии, которое позволит решать различные проблемы диалектной и общей лексикологии.

Успехи лингвистической географии и диалектной лексикографии создали необходимые предпосылки для осуществления системного подхода в изучении говоров. Научное описание фонетики, грамматики, лексики говоров, а в последние годы и диалектного словообразования, стало предметом пристального внимания диалектологов. В итоге многочисленных исследований создавалась возможность обобщения полученных результатов, что нашло

отражение в монографических работах послевоенного периода: «Очерки русской диалектологии» Р. И. Аванесова (М., 1949, ч. 1), «Очерки по морфологии русского глагола» С. П. Обнорского (М., 1953), «Русские народные говоры в советский период» Л. И. Баранниковой (Саратов, 1967), «Очерки морфологии русских говоров» С. В. Бромлей и Л. Н. Булатовой (М., 1972), «Введение в современную региональную лексикологию» О. И. Блиновой (Томск, 1973), «Русская диалектная лексикология» Т. С. Коготковой (М., 1979) и некоторые другие.

ЗНАЧЕНИЕ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Значение диалектологии как науки определяется а) прежде всего тем фондом фактов, наблюдений, выводов и обобщений, которыми она располагает и которые могут быть использованы в разных областях научного знания, б) практическим применением и, наконец, в) той ролью, которую играют диалекты в их современном состоянии и историческом развитии.

§ 1. Диалектология и современный русский литературный язык

Диалектам принадлежит ведущая роль в сложении, образовании многих литературных языков мира. Так, современный английский литературный язык сложился на базе лондонского диалекта, болгарский литературный язык — на основе восточно-болгарского наречия, украинский литературный язык — на базе полтавско-киевского диалекта и т. д. Многие элементы структуры русского литературного языка восходят к московскому диалекту. Так, из состава гласных и согласных фонем и их позиционных изменений, свойственных московскому диалекту и противопоставляющих его другим русским диалектам, в литературном языке представлены: /г/, а не /γ/, /в/, а не /w/, /ч'/, а не /ч/, /ц/, а не /с/, различие /ц/ и /ч'/, а не цоканье, аканье, а не оканье, иканье, а не яканье и т. д. Из состава словоформ парадигм разных частей речи — у сестры, а не у сестре, большОВО, а не большОГО, идёт, а не идё, у тебя, а не у тебе. Из состава

ва слов—**лаять**, а не **брехать**, **говорить**, а не **гутáрить**, **пелух**, а не **кóчет**, **очень**, а не **дю́же**, **прыгать**, а не **сига́ть** и т. д.

Различные русские диалекты служили одним из основных источников пополнения словарного состава литературного языка. В современном русском литературном языке областными по происхождению являются тысячи слов и фразеологизмов. Только за последние 100—150 лет, в период, когда, по мнению некоторых ученых, диалекты утратили активную роль источника для пополнения лексики литературного языка, из 40 000 слов, помещенных в «Опыте областного великорусского словаря» и «Дополнениях» к нему, по подсчетам Л. И. Балахоновой, в литературный язык вошло более 1 000 слов и фразеологических сочетаний; среди них — названия предметов и явлений природы (**поземка**, **пурга**, **паводок**, **тайга**, **буран**, **марево**), названия видов и сортов растений (**кубанка** 'сорт пшеницы', **ряска**, **облепиха**, **подберезовик**), названия животных, птиц, рыб, насекомых (**лайка**, **битюг**, **вобла**, **муксун**, **гну́с**), названия видов работ, орудий, инструментов (**жнейка**, **ночное**, **окучивать**, **тяпка**), названия одежды, обуви (**доха**, **унты**, **пимы**, **малица**), названия пищи (**бублик**, **сушки**, **хворосг**) и прочие названия (**шумиха**, **неразбериха**, **балаболка** 'болтун', **шустрый**, **неуклюжий**, **бесшабашный**, **второпях**, **сидеть голодом** и др.).

Приток диалектных по происхождению слов не прекращается и в советскую эпоху (**бровка**, **глухомань**, **горихвостка**, **доярка**, **ежевичник**, **жатка**, **замшелый**, **затемно**, **изморозь**, **малахай**, **новосел**, **сказитель**, **сказительница**, **развилка** и др.).

Современный литературный язык испытывает воздействие диалектов и в других своих сторонах: в фонетике, морфологии, синтаксисе, словообразовании. Так, в 20—30-е гг. нашего столетия, когда на нормы литературного языка большое влияние оказывала народно-речевая стихия (период «языковой разрухи»), возникла ситуация, получившая позднее название «территориальных вариантов литературного языка»: в городах Севера под воздействием северно-русского диалектного окружения у носителей литературного языка усилилось окающее произношение, у ленинградцев наблюдалось усиление екающего произношения. В наше время под влиянием говоров, в которых

более последовательно проявляется тенденция к отвердению шипящих, в литературном языке наблюдается вытеснение долгой мягкой шипящей /ж'/, на смену которой приходит долгая твердая шипящая /ж/. Вот данные социолингвистического обследования речи носителей литературного языка, проведенного в городах Белгороде и Курске (число — количество обследованных):

Слово	Вариант произношения	
	(ж)	(ж')
брызжет	76	21
брюзжать	82	16
взгромозжу	83	13
визжать	81	13
жжётся	80	18
можжевелик	90	9

Областной по происхождению в литературном языке является парадигма глагола ткать (ткёшь, ткёт, ткём; ср.: печёшь, печёт и т. д.), с областным прошлым экспрессивный суффикс -ОНУ- (-АНУ-) (сказануть, прыгануть), «проникший в литературный язык из народных говоров» (В. В. Виноградов), к диалектному источнику восходят почти все двойные предлоги в русском языке.

О роли народных говоров для развития литературного языка хорошо сказал акад. Л. В. Щерба: «Если бы литературный язык оторвался от диалектов, от «почвы», то он, подобно Антею, потерял бы всю свою силу и уподобился бы мертвому языку, каким является теперь латинский язык».

Данные диалектологии имеют большое значение для науки о современном русском литературном языке. Значение этих данных заключается не только в том, что диалектология изучает те же вопросы и проблемы, которые составляют содержание науки о литературном языке (например, проблему системной организации всех языковых уровней, проблему экспрессивно-стилистической дифференциации языка, проблему функционирования языка и т. д.), но прежде всего в том, что диалектология поставляет научные данные, полученные в итоге изучения живой разговорной речи, хотя и территориально окра-

шенной, но содержащей в своей структуре в преобладающей мере общерусские элементы. Если учесть, что до недавнего времени исследования лингвистов литературного языка опирались главным образом на материал его письменной разновидности (что во многом было predetermined составом источников), а разговорная речь — основа основ языка — оказалась обойденной вниманием языковедов, то значение диалектологии, изучающей устную разговорную речь, становится очевидным.

Так как процессы, протекающие в сфере диалектного языка, имеют много общего с процессами, свойственными русской разговорной речи, устной разновидности литературного языка, то в связи с этим диалекты представляют собой богатый источник для выявления процессов и тенденций литературного языка, для познания его структуры. Имея это в виду, Р. И. Аванесов пишет: «...изучение норм литературного языка на широком фоне диалектного многообразия способствует наиболее глубокому пониманию закономерностей литературного языка, а также — шире — истории и современного состояния русского языка в целом» (см.: Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974, с. 3).

§ 2. Диалектология и история русского языка

Диалектология имеет большое научное значение и для другой основной дисциплины лингвистического цикла — «Истории русского языка». Не случайно диалектология была составной частью истории русского языка до тех пор, пока не обрела самостоятельность.

Диалекты, по справедливому признанию акад. А. А. Шахматова, представляют собой один из важнейших источников для восстановления истории языка на разных его уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексико-фразеологическом, словообразовательном. Не преуменьшая значения другого важного источника для воссоздания прошлого языка — памятников письменности, следует сказать об их ограниченности: жанрово-тематической (не позволявшей отражение бытовой тематики), авторской (писцы, составители памятников письменности были по преимуществу представителями духовенства) и, наконец, ограниченности, связанной с орфографией. Орфография вообще, русская орфогра-

фия в особенности, будучи приспособленной прежде всего к языку прошлых столетий, слабо отражала и отражает особенно звуковую сторону языка. Кроме того, само начертание букв не говорит о звуках, которые буквы отражают. В то время как говоры обладают удивительной способностью сохранять в течение веков архаику звуков, словоформ, синтаксических конструкций, слов и выражений, за что русские народные говоры нередко называют живой историей языка. Некоторые примеры.

Русские диалекты сохранили такие древние звуки, как О закрытое, свидетель музыкального ударения в языке далекого прошлого; Е закрытое, звучащее на месте древнего /ē/, (Ъ* на письме); /ц'/, которое, как и мягкие шипящие /ш'/, /ж'/, были свойственны древнерусскому языку; /w/, предшествовавшее /в/; /γ/, которое развилось на месте /г/ и характеризует речь жителей южных районов Европейской части страны. Говоры хранят не только отдельные архаические звуки, но и целые системы произношения, например, цоканье (неразличение /ц/ и /ч/: пти/ц/а, ту/ц/а), оканье (различение предударных О и А).

В русских диалектах до сих пор употребляются архаические формы слов: остатки форм двойного числа (рукАМА, ногАМА), энклитические формы местоимений (мя, тя, ся), древние словоформы Р.-В. пп. личных и возвратного местоимений (у тебЕ, себЕ), формы инфинитива на -ТИ (бежати, ходити), которые предшествовали современной форме на -ТЬ (бежать, ходить) и т. д.

В говорах Псковщины экспедицией Ленинградского университета (1959—1960 гг.) обнаружено в живом употреблении большое количество слов (около трети из 120), зафиксированных в Псковской судной грамоте — памятнике средневековья (XIV—XV вв.): **изнёвести** 'неожиданно', **но́ньма** 'теперь', **полулёто** 'середина лета', **тулётся** 'скрываться' и под. Другие говоры сохраняют не только лексические архаизмы типа **но́ньма**, **лолулёто**, но и семантические архаизмы (**горб**, 'спина', место 'город, селение', **леший** 'лесной', **доспеть** 'сделать, изготовить'), грамматические (**облак** — м. р., **лебедь**, **гусь**, **путь** — ж. р.), структурные архаизмы (**бэлица** 'белка'), фонетические (**долбонь** 'ладонь', **жагло** 'жало').

*Здесь и далее в работе буква «Ъ» заменяет «ять».

Диалектный источник имеет определенное преимущество перед литературным, поскольку хранит многое из того, что утрачено в литературном языке. Так, по подсчетам В. И. Чагишевой, слов с древнейшей славянской приставкой СУ- в литературном языке, по данным «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, — 47, в диалектах же, по данным картотек Брянского и Псковского областных словарей и картотеки «Словаря русских народных говоров», — около 500.

Данные диалектологии и объекта ее изучения — диалектов — важны для истории русского языка и потому, что они содержат не только отдельные архаические звуки и формы, слова и конструкции, но и совокупность элементов структуры языка, отражающих последовательные этапы эволюции того или иного явления или элемента структуры языка. Так, современные севернорусские говоры сохранили не только мягкие, но и полумягкие шипящие и их позиционные условия употребления, что иллюстрирует этапы последовательного отверждения шипящих и условия этого процесса; в южнорусских говорах находят свою реализацию различные типы яканья, которые также иллюстрируют эволюцию предударного вокализма после мягкой согласной от типов яканья со сложным принципом реализации в речи (например, диссимилятивное яканье архаического подтипа обнаруживает зависимость предударного гласного от качества гласного под ударением с дополнительным различием /o/ и /ô/, /c/ и /ê/) до типов яканья, не «обремененных» никакими зависимостями (например, сильное яканье); в говорах употребляется одно из древних слов языка — *выть* в значениях, которые позволяют установить этапы смысловой эволюции этого слова (*выть* 'часть сельской общины' → 'группа домохозяев, владеющих участком земли' → 'доля, участок земли' → 'период времени от начала до конца работы' → 'время для еды' — 'еда, пища' → 'количество пищи, которое человек может съесть в один прием' → 'аппетит').

§ 3. Диалектология и этимология

Тесными и многообразными являются связи диалектологии с этимологией — наукой о происхождении слов.

Данные диалектов и диалектологической науки широко используются в этимологических разысканиях. По признанию Ю. В. Откупщикова, ...«изучение диалектных слов — один из самых важных аспектов в работе этимолога». Цель этимологического анализа — объяснить происхождение слова, восстановить его значение и звучание в момент возникновения. В решении этой сложной задачи исследователи опираются на приемы фонетического, словообразовательного, семантического аспектов этимологического анализа.

Возможности диалектного источника для фонетического аспекта этимологического анализа определяются следующим. В диалектах сохраняются многочисленные фонетические архаизмы, позволяющие восстановить древний звуковой облик этимологизируемых слов, пертерпевших действие фонетических и иных процессов в эволюции языка. Например, кедить 'цедить', пустоквет 'пустоцвет', скепать 'щепать', польга 'польза', хитник 'хищник', рудый 'рыжий', пороха 'пороша', стега 'зга' (в выражении не видно ни зги). Причем в современных говорах отражаются иногда последовательные этапы в изменении фонетического облика слова. Так, разные звуковые варианты слов чан и подошва хранят современные русские диалекты (ср. диалектные -- дощан, досчан, тчан, тшан, шчан, шан; подошва, подшва, потшва, пошва).

В диалектном словаре отражаются регулярные фонетические соответствия, на которые может опереться этимолог в поисках верных этимологических решений. Так, например, в говорах представлены лексические соответствия, отражающие мену М — Б: берлога — мерлога, букашка — мукашка, бурлить — мурлить, бугорок — магорок. Эти факты дают возможность этимологизировать такие слова, как блин (из древнерусского млинъ от молоть, приготовленное из молотого, т. е. из муки); басурман (из тюркского *musulman* 'мусульманин'), мусор (из диалектного бусор от бус 'мелочь, сор, хлам').

Диалектология вооружает этимологов знанием фонетических процессов и явлений, свойственных русским говорам, — процессов живых или имевших место в прошлом, которые видоизменили звуковую оболочку слов языка. Поэтому учет этих процессов может оказать

помощь в восстановлении первоначального звукового облика объясняемых слов. Например, учет ряда характерных фонетических особенностей говоров (оканья и аканья, лабиализации предударного О, цоканья, упрощения конечных сочетаний /СТ/ и /С'Т'/) способствовал реконструкции более древнего звучания таких слов, как **забота** (из **зобота** от **зобать** 'есть'), **мусолить** (ср. **мол**), **бултыхать** (из **болтыхать**, ср. **болтать**), **кулебяка** (из **колобяка**, ср. **колоб**), **рысь** (из **ристь**) и др.

Большие возможности содержит диалектный источник для словообразовательного аспекта этимологического анализа. В русских говорах обнаружено много слов, являющихся производными для лексических единиц литературного языка, что позволило их этимологизировать. Выяснилось, например, что **басня** образовано от **баять** 'говорить', **верзила** — от **верзить** 'неуклюже, бестолково, делать что-л.', **вьюга** — от **вьять** 'витья, веять', **копна** — от **копить** 'сгребать', **ласка** — от **ласый** 'нежный', **марев** — от **мара** 'туман', **набекрень** — от **бекрень** 'бок', **обабок** — от **баба** 'пень' (ср. **опёнок**), **ожерелье** — от **жерело** 'горло', **печаль** — от **печа** 'забота' и т. д.

Обращение к словарному составу диалектов позволяет не только восстановить непосредственно производящее для данного слова, но и выявить звенья словообразовательной цепочки для тех производных единиц, которые образовались в итоге ряда ступеней словопроизводства. Так была восстановлена «словообразовательная история» слов **назойливый** (см.: **зеть** 'петь' → **зой** 'крик, шум' → **зоить** 'громко говорить, кричать, ругаться' → **назоить** 'норовить' → **назой** 'настойчивость, навязчивость' → **назойливый**), **опрятный** (**прятать** 'убирать, чистить' → **опрятать** 'очистить, привести в порядок, вымыть' → **опрят** 'опрятность, порядок' — **опрятный**) и др.

В говорах представлены словообразовательные типы, словообразовательные аффиксы, утраченные в литературном языке. Знание их оказывает существенную помощь в этимологических разысканиях.

Диалектный источник представляет собой важное подспорье и для семантического аспекта этимологического анализа, который предполагает учет семантики

соотносимых, родственных слов. Пример. Слово *луна*, являющееся общеславянским, имеющим соответствия в индоевропейских языках, с точки зрения первичного, исходного значения оставалось неясным. Обращение к различным языкам позволило вычленить в слове *луна* суффикс — *Н(а)* (ср. *сторо-на*, *стра-на*, *це-на*, *вол-на*, *стру-на*, *боро-на*). Но что такое *ЛУ-*? Реконструкция исходной формы **luk-s-na* позволила сопоставить его с латинским *lux* 'свет' и *lucio* 'свечу', с русскими соответствиями *луч* и *излуч-ать* 'светить'. Привлечение диалектного материала: *луна* 'заревое, сияние', *лунь* 'тусклый свет' — помогло окончательно определить этимологию слова: *луна* — 'блестящая, светящаяся', 'светило'.

Семантические архаизмы, сохранившиеся в современных диалектах, способствуют реконструкции исходного значения этимологизируемых слов, реконструкции утраченных или затемненных смысловых связей и сближений объясняемых слов (ср. диалектные: *замечательный* 'такой, который следует замечать, запоминать', *воспитать* 'кормить, питать', *нужный* 'находящийся в нужде, бедности', *резкий* 'способный порезать'), способствуют выявлению последовательности смыслового развития этимологизируемых слов. Так, с помощью лексических данных говоров реконструирована эволюция значения слова *жребий* от вещественного 'отрезанный, отрубленный кусок от чего-л.' (ср. диалектные: *жерёбы* 'нарубленные кусочки свинца или другого металла, употребляющиеся вместо пуль или дроби', *жеребей*, *жеребь* 'крупная дробь из рубленного свинцового прута', *жеребейка* 'узкие нарезанные полоски хлеба, теста, бумаги' и под.) до абстрактного 'часть, судьба'.

§ 4. Диалектология и топонимика

Данные диалектологии имеют значение для топонимики — науки о местных географических названиях. На то, что топонимия отражает диалектные особенности мест своего бытования, обратил внимание Ф. Энгельс. В работе «Франкский диалект» он анализирует древние топонимы западногерманского ареала, представляющие собой сложные слова со вторыми компонентами — *weiler* (*Garzweiler*), *-hofen* (*Berghofen*), *-ingen* (*Ratingen*), —

heim (Stockheim) и др. С влиянием диалектов связывает Ф. Энгельс вариантность топонимов на -hofen, -hofe, -hof; -heim и -ham и т. д.*. Выводы и наблюдения Ф. Энгельса подтверждены исследованиями русской топонимии. Органическая связь топонимов и местных говоров проявляется в отражении топонимией фонетико-грамматических и словообразовательных норм местного диалекта.

В «Кратком топонимическом словаре» В. А. Никонова приводится много топонимов, восходящих к диалектным словам. Примеры:

Зашиверск — город в Якутской АССР. Из диал. шивера 'каменистый пережат на реке, порог', также 'быстрое течение на участке с каменистым дном'. От той же основы названия сел в Сибири: Шивера на р. Ангара в Иркутской области, на р. Енисей в Красноярском крае.

Ивняги — село в Ивановской области, от диал. ивняги 'заросли ивы'.

Калач — 1) город в Воронежской области...; 2) Калач-на-Дону — город в Волгоградской области; от диал. калач 'крутая излучина реки'

Черемхово — город в Иркутской области, назван по реке Черемховка (Черемшанка). Гидроним от диалектной формы общенародного слова — черемха.

Большое количество местных слов обнаружено в русской топонимии на разных территориях страны. Согласно исследованиям И. А. Воробьевой, в регионе среднего Приобья употребляется 5 000 топонимов, образованных от диалектных слов; среди них названия водных источников — Назаркин чвор, Стариков чвор, Рыбный чвор (диал. чвор 'озеро с истоком'), Широкая курья, Заячья курья (диал. курья 'речной залив, проток'), названия местности — Низкий сор, Мысовой сор (сор 'заливной луг'), Нестеровская лива, Калтиная лива (ливa 'низкое, заливаемое водой место'). Ивановская согра, Березовая согра, Черная согра (согра 'непроходимая чаща леса на заболоченном месте').

Связь топонимии и диалекта характерна не только для русской, но и для славянской топонимии: много диалектных слов отмечено в названиях болот в славянских языках.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., М., 1961, т. 19, с. 535—541.

Таким образом, значение диалектологии для топонимики состоит в том, что она помогает выявить один из важных источников формирования топонимов.

§ 5. Диалектология и стилистика художественной речи

Диалектология связана и с стилистикой художественной речи, которая изучает языковые средства, в том числе диалектизмы, в составе языка художественного произведения, т. е. в их эстетической функции.

В истории русской и советской литературы нет такого писателя — прозаика, поэта, драматурга, — который бы при изображении жизни крестьянства не прибегал к использованию диалектных элементов в ткани художественного произведения. В прозе — это А. Пушкин, Н. Гоголь, Д. Григорович, И. Тургенев, писатели-шестидесятники, Л. Толстой, А. Чехов, В. Короленко, И. Бунин, М. Горький, М. Шолохов, Л. Леонов, К. Паустовский, Г. Марков, К. Седых, В. Астафьев, В. Распутин и многие другие, не говоря уже о таких мастерах стилизации под народную речь, как Н. Лесков, П. Мельников (Печерский), П. Бажов; в поэзии — это А. Кольцов, И. Никитин, Н. Некрасов, С. Есенин, М. Исаковский, А. Твардовский;

в драме — А. Писемский, Л. Толстой, М. Горький и др.

Стилистика художественной речи занимается изучением круга вопросов, связанных с использованием диалектных элементов в языке художественных произведений писателей разных эпох, направлений, художественных методов. Круг этих вопросов таков:

чем обусловлено привлечение диалектизмов в языковую ткань художественного произведения;

какая существует зависимость между жанром художественного произведения, способами повествования в нем и привлечением диалектных элементов;

какие виды диалектизмов использует писатель;

каковы принципы отбора диалектных элементов писателем;

какова стилистическая функция диалектизмов в произведении, приемы их подачи в тексте и способы раскрытия значений;

как соотносятся взгляды писателя, его высказывания о месте и роли диалектных элементов в художественной речи и его творческая практика;

каков уровень мастерства писателя в использовании диалектных элементов, его эволюция и т. д.

В исследовании некоторых из названных вопросов определенную помощь может оказать диалектология. Например, в классификации диалектизмов, используемых писателями.

В обширной литературе, посвященной диалектизмам в языке художественных произведений, нередко дается классификация диалектных элементов—слагаемых стиля произведения. В большинстве работ среди диалектизмов выделяют фонетические, отражающие явления фонетики русских диалектов (например, яканье, доканье: **вясна, цуцело**), морфологические и синтаксические, отражающие соответственно словоформы и конструкции диалектной речи (**снеги, иттить, по дрова**), а также словарные, или лексические, представляющие собой единицы локально окрашенной лексики диалектов. В составе словарных диалектизмов различают собственно лексические, семантические, словообразовательные, лексико-фонетические и лексико-грамматические (**баской** 'красивый', **север** 'северный ветер', **окурыш** 'окурок', **здря** 'зря', **степ** 'степь'). Знание диалектологии позволяет представить более точную классификацию диалектизмов, что важно для выявления того, насколько разносторонне использует писатель материал диалекта. Кроме того, различные виды диалектизмов употребляются с различными стилистическими целями, в разных способах повествования художественного произведения (авторская речь, речь персонажей, несобственно-авторская речь).

С помощью данных диалектологии более полно можно решать вопрос о принципах отбора диалектизмов писателем, когда проявляется его художественный вкус, осознанность в отборе материала для создания образов, знание писателем словарных богатств народно-разговорной речи. Данные диалектологии помогут ответить на вопрос, какую лексику диалекта предпочитает использовать художник слова; широкоупотребительную или с узким ареалом, нейтральную или эмоционально-экспрессивную, исконно русскую или иноязыч-

ную, с живой внутренней формой или мертвой, наконец, какова точность диалектного словоупотребления писателя. Случаи неточного словоупотребления неизбежно снижают ценность художественного произведения, ибо «истина деталей сама по себе деталь в той общей картине достоверности, без которой не может существовать искусство» (В. Каверин). Пример неточного словоупотребления диалектизма можно привести из рассказа Ю. Нагибина «Последняя охота»: «Днем он дремал, слыша сквозь забытие, как гремели в руках старухи ухваты и рогачи». Рядом с литературным словом ухват употреблено диалектное рогач с тем же значением, причем оба слова в говорах характеризуются разным ареалом: ухват распространено в северном наречии, рогач — в южном.

Привлекая диалектные слова как средство художественной изобразительности, писатель должен знать о местной, локальной, единице как можно больше, чтобы не допустить художественного просчета. Возьмем такой пример. Поэты неоднократно прибегали к использованию диалектного слова **вечор** (ср. у А. Пушкина: «Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...»). Данное слово широко употребительно в говорах в значении 'вчера вечером, минувшим вечером'. Именно в этом значении оно употреблено А. Пушкиным в «Зимнем утра». В известном стихотворении-песне «Приходи, вечор, любимый, приголубь и обогрей...» слово **вечор** использовано в менее употребительном втором значении — 'вечером'. На значительной территории страны слово **вечор** может быть воспринято в первом значении, что приведет к неожиданному и нежелательному казусу.

Диалектная лексикография поставляет в распоряжение художников слова один из важных источников языка художественного произведения. Известный советский поэт И. Фоняков на страницах «Литературной газеты» (№ 34, от 16 марта 1965 г., с. 2) сделал характерное признание: «У меня в руках книга. Интереснейшая. Если найти соответствующий «угол зрения», ее можно читать с увлечением, как хороший роман. Это «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби», том первый. Полистать такую книгу, окунуться в это море слов — не слов-символов, лишенных и цвета и аромата, а слов-образов, -ох, как

здорово и здорово!». Обращаясь к составителям названного словаря, советский прозаик Г. Марков писал: «Сейчас я работаю над второй и третьей книгами романа «Отец и сын». Часть событий развертывается на средней Оби и ее притоках. «Словарь» окажет мне существенную помощь» (письмо от 11 июня 1964 г.).

Таким образом, с помощью данных диалектологии можно полнее и глубже оценить некоторые стороны мастерства писателя в использовании им диалектизмов.

§ 6. Диалектология и методика преподавания русского языка и литературы в школе

Знание диалектологии очень важно для преподавания русского языка и литературы в школе.

Методика преподавания русского языка в школе, которая занимается, наряду с другими, вопросами обучения русскому языку в условиях местного диалекта, не может обойтись без данных диалектологии, изучающей местные территориальные диалекты, которые оказывают значительное влияние на устную и письменную речь учащихся сельских школ. Имеющаяся методическая литература (см., например: Текучев А. В. Основы методики орфографии в условиях местного диалекта. М., 1953) свидетельствует, что количество орфографических ошибок, связанных с воздействием диалекта на речь школьников, колеблется в пределах 25—30 с лишним процентов от общего числа ошибок. И это не удивительно: дети, живущие в сельской местности, «с молоком матери» воспринимают и усваивают местный говор и семи лет приходят в школу с вполне сложившейся диалектной речью. Поэтому в тетрадях школьников, особенно начальных классов, среди ошибок много таких, которые связаны с диалектным произношением, с диалектной грамматикой и с диалектным словарем.

Некоторые примеры: «Зайка с лавки слезть не мох, весь до ниточки промох» (VI кл.), «Катерина мне очень пондравилась своим сильным характером» (IX кл.), «Я в подарок купила своей бабушке хороший хвартух» (VII кл.), «Подальше сидит мальчик и тоже не спускает глаз с немса, шагающего по полотну» (VII кл.), «И. мышь, Р. мыша, Д. мышу, В. мыша, Т. мышом, П. о мышe» (IV кл.) и др. Намного реже, по сравнению

с диалектными ошибками фонетико-грамматического плана, в письменных работах учащихся встречаются местные слова. В творческих работах удельный вес диалектизмов заметно возрастает, особенно в сочинениях на местную тему. Ученик-носитель диалекта употребляет привычные с детства названия предметов, процессов и т. д., которые не всегда имеют соответственное по значению слово в литературном языке. И. А. Воробьева и В. В. Палагина на основе анализа письменных работ школьников Томской области и наблюдений над устной речью составили в помощь учителю-словеснику словарь в 412 местных слов. Этот своеобразный словарь включает собственно лексические диалектизмы (**бусый** 'серый', **вышка** 'чердак', **гомонк** 'кошелок', **копяшка** 'жеребенок', **катушка** 'горка для катания', **кислица** 'красная смородина', **конюшить** 'работать конюхом'), диалектизмы лексико-семантические (**чердак**, 'орудие рыбной ловли', **дивно** 'много'), лексико-грамматические (**бересто** 'береста', **литра** 'литр', **картошки** 'картофель'), лексико-фонетические (**ежли** 'если', **карасин** 'керосин'). Особенно много лексико-морфологических диалектизмов (**гусиха** 'гусыня', **желтыш** 'желток', **навыкнуть** 'привыкнуть', **копячий** 'конский').

Знание диалектов и диалектологии необходимо словеснику для того, чтобы правильно классифицировать ошибки, помня о том, что ошибки, вызванные воздействием диалекта, могут быть как «прямыми», так и «от противного», или «обратными». Например, **стох**, **лух** и --- **шорог**, **на лыжаг**; **товарищ**, **большущий** и -- **большой**, **груща**; **сарапать**, **светок** и — **цын**, **Инцаров**; **у его**, **к ей** и — **видел него** и т. д.

Учитель-словесник для проведения словарной работы в школе в условиях местного диалекта должен хорошо знать наиболее употребительные диалектные слова.

Преподаватель русского языка в школе, вооруженный знанием местного диалекта и диалектологии, сможет в неустанной борьбе за грамотность учащихся вести профилактическую работу, предупреждая появление ошибок диалектного характера, использовать диалектные данные для укрепления грамотности учеников. Так, например, в школах русского Севера, находящихся в окружении окающих говоров, знание местного диалекта используют для проверки правильного написания

безударных гласных, не проверяемых ударением, типа **корова, собака**, поскольку носители окающих говоров слова с исконным О с /О/ и произносят.

В новой программе по русскому языку, рассчитанной на изучение русского языка с 4-го по 8-й класс, имеется специальный раздел, посвященный диалектам русского языка, диалектному членению, диалектным словарям. Все эти знания предоставляет диалектология.

«...Обучение русскому языку в школе в условиях диалектной среды имеет свои сложности, но вместе с тем открывает широкие перспективы для организации интересной внеклассной работы, которая имеет своей целью наблюдение над словарным составом окружающего диалекта. В конечном итоге такая работа развивает у учащихся любознательность, обостренное чувство слова, способствует углубленному пониманию литературной нормы, повышает культуру речи на основе осознанного противопоставления «литературный язык—диалект», заставляет шире смотреть на язык как на общественное явление» (И. А. Попов).

Знание диалектологии необходимо и при освоении литературы в школе. Преподаватель-словесник при изучении художественных произведений в школе должен хорошо ориентироваться в том языковом материале, который избирают писатели как средство художественной выразительности, образительности. Одним из таких средств являются диалектные слова и фразеологизмы, диалектные словоформы и звуковые особенности. Важно показать учащимся, что прозаики, драматурги и поэты используют диалектные элементы в своих произведениях в разнообразных стилистических целях, например, для реалистического воссоздания жизни и быта крестьянских персонажей, как одно из средств социально-речевой стилизации и речевой характеристики действующих лиц, для создания местного колорита (вспомним произведения М. Шолохова, И. Тургенева и др.), как средство создания образности, краткости, точности. Один пример.

В рассказе «Клад» К. Паустовский использует наряду с общераспространенным названием цветка **кукушкины слезы** и диалектное его название: «Несколько раз за время наших скитаний мы заводили разговор о старом народном выражении «дремучие леса». Мы восхищались точностью русского языка. Действительно, лесные

дебри как бы цепенели в дремоте. Дремали не только леса, но и лесные озера, и ленивые лесные реки с красноватой водой. По берегам этих рек росли цветы кукушкины слезы. В народе их звали «дремой». Это растение было под стать дремучим лесам. Венчики кукушкиных слез сонно висели, согнувшись до самой земли». В ряду слов дремучие леса, дремота, дремали, сонно висели диалектное дрёма удачно завершает художественный образ.

Знание диалектных словарей поможет преподавателю-словеснику в тех случаях, когда текст изучаемых в школе художественных произведений содержит областные слова и выражения, смысл которых необходимо объяснить учащимся. В романе «Евгений Онегин», описывая патриархальный быт Лариных, А. С. Пушкин замечает:

...В день Троицын, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три...

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля находим слово **заря** — название растения любистка лекарственного. Плач над пучком «зари» — это отражение древнего языческого обряда поклонения душам предков для обеспечения благополучия живущим, продолжения рода.

У С. Есенина есть строки:

Черная, потом пропахшая выть!
Как мне тебя не ласкать, не любить?

В «Словаре русских народных говоров» находим: **выть** 'доля, участок земли'. Ряз.

Практическое значение диалектологии определяется не только связью ее с методическими дисциплинами, но и тем, что данные ее служат литературоведам для определения датировки летописей, юристам — для опознания рецидивистов по особенностям диалектного произношения и т. д.

§ 7. Диалектология и исторические науки*

Диалектология тесно связана с историческими науками. Данные современных говоров нередко служат

* Раздел дан по кн.: Русская диалектология. М., 1964, с. 27—28.

важным материалом для историка: как группировалось население в прошлом, где оно обитало, каковы были колонизационные движения, каковы были связи у разных частей данного народа между собою и с соседними народами в разные исторические эпохи — все это в той или иной степени отражается в говорах. Дело в том, что территориальное распределение диалектных различий представляет собой как бы отпечаток, след пройденного народом исторического пути. Нередко оно является единственным для историка источником, так как передвижения народных масс, в особенности в древнейшие периоды, обычно не находят отражения в основных источниках истории — памятниках письменности.

Но имеется и обратная зависимость: полное понимание современного диалектного многообразия языка, территориального распределения диалектных различий невозможно без исторических фактов. Поэтому историческая диалектология и история языка должны широко пользоваться данными истории. Например, оказывается, что граница между различным произношением фонемы /в/ в известных положениях в южных говорах в общем совпадает с границей Московского государства и Литовского великого княжества в XV—XVI вв. Мы не разберемся в вопросах образования русского языка, если не примем во внимание многие процессы, имевшие место в Ростово-Суздальской Руси и позднее в Московском государстве.

Отсюда естественное методологическое требование — историческое изучение диалектов от древнейших доступных эпох до нового периода производить в тесной связи с данными истории.

Методологическое требование исторической диалектологии и истории языка — изучать диалекты с учетом данных истории — распространяется и на данные археологии, которая, как известно, является отделом истории. Археология в отличие от собственно истории имеет в качестве своего объекта не письменные источники, а вещественные — прежде всего древние поселения («городища», «селища», «стоянки») и древние погребения. Археологические данные, в основном подтверждающие данные летописи о расселении древних восточнославянских племен, позволяют довольно точно очертить территорию, которую занимали отдельные племена в разные периоды

их развития, проследить, начиная с эпохи наиболее ранней, чем та, к которой относятся данные летописи, пути их передвижения; они помогают установить территории иноязычных соседей восточных славян (финнов, балтийцев) и т. д. Все эти данные весьма полезны для диалектолога и историка языка; они существенно помогают ему при изучении древнейших судеб русского и других восточнославянских языков.

Диалектология тесно связана с этнографией—наукой о материальной культуре народа. Дело не только в том, что диалектные особенности являются одним из важнейших этнографических признаков, и не только в том, что без знакомства с основами этнографии диалектологу не легко ориентироваться в деревне при производстве наблюдений над говорами, так как он должен иметь хотя бы элементарные сведения о быте и предметах материальной культуры деревни; дело в том, что многие этнографические особенности тесно связаны с особенностями диалектными. Например, оказывается, что **понёва** (род юбки из особой шерстяной ткани) в основном соответствует южному наречию, а **сарафан** — северному. Понёва, как и сарафан, имеет много своих разновидностей, которые важно соотнести с соответствующими говорами. Территориям северного и южного наречий соответствуют весьма различные типы жилого дома и т. д.

Диалектологические и этнографические сведения, вместе взятые, подкрепляя друг друга, могут привести исследователя к важным заключениям об истории соответствующего говора и его носителей — населения этой местности. Даже в тех случаях, когда не окажется совпадения между данными диалектологическими и этнографическими, это несовпадение даст исследователю важный материал для установления культурных и языковых влияний или этнических смещений в прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

Русская диалектология/Под ред. Р. И. Лванесова и В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964, Введение, с. 7—28.

Русская диалектология/Под ред. Н. А. Мещерского. М.: Высшая школа, 1972, Введение, с. 5—17.

Русская диалектология/Под ред. П. С. Кузнецова. М.: Просвещение, 1973, Введение, с. 5—34.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Начало изучения словарного состава русских народных говоров было положено в 30-е годы XVIII века. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова и черновых набросках к ней содержится немало интересных наблюдений об отдельных местных словах родного ему Поморья. Сведения о лексическом своеобразии сибирской речи нашли отражение в книге ботаника И. Г. Гмелина «Путешествие по Сибири», участвовавшего в экспедиции Академии наук по обследованию Сибири (1733—1743 гг.).

С тех пор на протяжении почти двухсот лет (до 30-х годов XX столетия) ведущим аспектом изучения лексики и фразеологии говоров русского языка был лексикографический аспект. В течение этого огромного периода шел сбор и накопление диалектного материала, на основе которого были составлены такие лексикографические труды, как «Опыт областного великорусского словаря» (Спб., 1852) и «Дополнение» к нему (Спб., 1858), «Словарь областного архангельского наречия» А. Подвысоцкого (Спб., 1885), «Словарь областного олонцкого наречия» Г. Куликовского (Спб., 1898), «Областной словарь колымского русского наречия» В. Богораза (1901) и другие. Середина XIX века была ознаменована выходом в свет знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (М., 1863—1866, т. 1—4), содержащего наряду с литературными и иными словами десятки тысяч областных слов и выражений.

Лексикографическое изучение диалектов в нашей стране достигло небывалого размаха в последние три десятилетия. В этот период, по праву называемый периодом «лексикографической вспышки», опубликовано

и публикуется много областных словарей разных типов. В их числе «Словарь русских народных говоров» (М.—Л., 1965—1983, вып. 1—19) — сводный областной словарь, включающий всю зафиксированную в разных источниках диалектную лексику и фразеологию XIX—XX вв., «Псковский областной словарь с историческими данными» (Л., 1967—1983, вып. 1—5) — словарь полного типа, «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (М., 1969) — словарь одного говора; опубликованы областные словари отдельных регионов страны — «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (Томск, 1964—1975, в 5-ти томах), «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» (Пермь, 1973), «Словарь русских говоров Новосибирской области» (Новосибирск, 1979), «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова (М., 1980), «Живая речь кольских поморов» И. С. Меркурьева (Мурманск, 1979), «Архангельский областной словарь» (М., 1980—1982, вып. 1—2, А—Б) и др.

Достижения диалектной лексикографии создали необходимую базу для лексикологических и фразеологических исследований русских говоров.

Первым лексикологическим трудом в области русской диалектологии была монография Ф. П. Филина «Исследование о лексике русских народных говоров» (М., 1936). В последнее время, особенно с начала 50-х гг., опубликованы сотни статей, изданы многочисленные сборники, посвященные лексике диалектов, защищены десятки диссертаций, в том числе докторские (см. работы Л. И. Баранниковой, О. И. Блиновой, В. Е. Гольдина, Т. С. Коготковой, О. Д. Кузнецовой, Н. А. Лукьяновой, Г. Г. Мельниченко, В. М. Мокиенко, О. Н. Мораховской, И. А. Оссовецкого, В. В. Палагиной, О. Г. Пороховой, Ф. П. Сороколетова, Н. И. Толстого, А. И. Федорова и др.). Успехи диалектологии и лексикологии, областной лексикографии способствовали рождению и формированию современной диалектной лексикологии — научной дисциплины, имеющей свой объект и предмет исследования, свою проблематику и свои задачи, свои лингвистические источники и специфические методы исследования материала.

Вслед за выделением диалектной лексикологии в последние годы наметилось формирование диалектной фразеологии. Этот процесс связан с бурным ростом исследований, посвященных разным проблемам общей и литературной фразеологии. Несмотря на то, что доля работ по областной фразеологии относительно невелика, диалектная фразеология как формирующийся раздел науки о языке имеет в своем арсенале значительные материалы, содержащиеся в областных словарях, в том числе фразеологических (см., например: «Словарь фразеологизмов в иных устойчивых сочетаниях русских говоров Сибири» Н. Т. Бухаревой и А. И. Федорова, Новосибирск, 1972), располагает рядом серьезных исследований различных аспектов диалектной фразеологии, представленных в сериях статей, кандидатских и докторских диссертациях (Б. А. Ларина, Л. И. Ройзензон, Н. И. Толстого, В. М. Мокиенко, Е. Н. Шестаковой, М. Н. Яценецкой, М. В. Орел, Б. Ф. Захарова и др.), в монографиях обобщающего характера (см.: Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск, 1980; Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981).

Первый раздел

ЛЕКСИКА РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

1. Словарный состав говора (общая характеристика)

Словарный состав диалектов русского языка представляет собой чрезвычайно сложное явление. Эта сложность обусловлена многими факторами, в том числе:

1. Назначением словарного состава. Слова являются одним из важнейших компонентов языка как средства общения. Лексика путем обозначения, называния самых различных предметов и явлений окружающего нас мира отражает жизнь человека и природы во всем объеме, во всех деталях, во всех сложностях существующих форм жизни в ее прошлом, настоящем и будущем.

2. Возрастом словарного состава. Будучи прежде всего явлением современным, выполняющим функции

общения людей в данную эпоху, лексика говора — одновременно и историческое явление, в течение сотен лет складывавшееся и развивавшееся; явление, несущее отпечатки предшествующих эпох.

3. Территориальным варьированием словарного состава. Диалектный язык, будучи локально окрашенной разновидностью национального языка, различен на разных территориях своего употребления; также различен в разных регионах страны и его словарный состав.

4. Устной формой бытования диалекта, являющейся для него единственной. Ситуативная прикрепленность, эллиптичность устной речи, повышенная экспрессия и эмоциональность, лаконизм, обусловленный тем, что смысл говоримого складывается не только из сказанных слов, но и из ряда других элементов: интонации мимики, жеста и т. д., — все это способствует «приблизительности» словоупотребления, порождающей диффузию его семантики, созданию большого числа окказиональных образований, приводит к обилию эмоционально-экспрессивных слов и т. д.

5. Отсутствием внешненормирующих начал, что обуславливает одну из ярких особенностей диалектного словоупотребления — вариативность, проявляющуюся в богато разветвленных синонимических рядах, в наличии дублетов, в существовании большого количества формальных вариантов слов.

6. Изменяемостью словарного состава. Лексика относится к числу таких сторон языка, которые подвержены наибольшему изменению по сравнению с другими его сторонами — фонетикой, морфологией, синтаксисом. Большую роль в этом играет социальная обусловленность словаря говора.

7. Системным характером словарного состава. Лексика, как и всякая языковая структура, представляет собой систему, каждый компонент которой находится в разнообразных отношениях и связях с другими ее компонентами.

Словарный состав диалекта, как и литературного языка, может быть рассмотрен в различных аспектах: с точки зрения его происхождения, социальной и экспрессивно-стилистической дифференциации и т. д. Специфическими для диалекта являются такие аспекты, как анализ лексики говора в ее соотношении с лексикой

других форм национального языка и — в территориальном аспекте.

§ 1. Лексика диалекта в его соотношении с другими формами русского языка

В лексике говора, если ее рассматривать в соотношении с основными формами национального языка — литературным языком и городским просторечием, — объективно вычленяется три категории слов:

1) слова **ОБЩЕРУССКИЕ**, употребляющиеся не только в говоре, но и в других формах русского языка, например, **а, прежде, старик, косить** («А прежде, сказывают, старики горбушами косили»), **поехать, в, Яя, быстро, мы, да, и, всё** («Поехали мы в Яю, быстро нас скрутили, повенчали, да и всё»), **ну, и, мы, пойти, к, они, песня, петь, хорошо, раньше, в молодости** («Ну и мы пошли к им, а я песни пела хорошо раньше, в молодости»);

2) слова **ДИАЛЕКТНО-ПРОСТОРЕЧНЫЕ**, бытующие и в говоре, и в городском просторечии, но не употребляющиеся в нормированном литературном языке, например, **мужик 'муж', баба 'жена'** («В войну трудно было. Мужики все воевать пошли, а бабы да дети ихны и остались»), **башка 'голова'** («У меня башка болит сегодня»), **тенёта 'паутина', вёдро 'ясная солнечная сухая погода'** («Тенёта мизгирь плетёт к вёдру»), **долгий 'длинный', шибко 'очень, сильно'** («Мох шибко долгий, идёшь по ём — он прям, как зыбка»), **кликать 'звать'** («Слыхала я, как они его кликали»);

3) слова **ДИАЛЕКТНЫЕ**, или **ОБЛАСТНЫЕ**, известные только говору, например, **елань 'открытое безлесное место', масленник 'гриб маслёнок'** («На еланях-то масленников тьма»), **лонской 'прошлогодний'** («В лонском году какой урожай был?»), **испорухаться 'сломаться, испортиться, разрушиться'** («Машина-то у меня испорухалась»), **дивно 'много'** («Дивно набрал ягод: чуть не ведро»).

Соотносительные единицы диалекта и литературного языка, равно как и городского просторечия, могут отличаться отдельными элементами своей структуры, особен-

ностями функционирования. Так, лексическая единица говора от соответственного слова литературного языка и городского просторечия нередко отличается:

1) ударением: **со́сна** 'сосна', **дочка́** 'дочка', **пу́рга** 'пурга', **вьюга́** 'вьюга', **грязно́й** 'грязный', **толсто́й** 'толстый', **болоти́стый** 'болотистый', **множе́ство** 'множество', **страшно́** 'страшно';

2) составом фонем: **ле́вень** 'ливень', **сусе́д** 'сосед', **кесто́** 'тесто', **бле́дный** 'бледный', **огромáдный** 'громáдный', **ку́хольный** 'кухонный', **промушля́ть** 'промышлять', **отке́да** 'откуда';

3) грамматической характеристикой (формой рода, числа и т. д.): **кедра́** 'кедр', **метло́** 'метла', **жи́знь** 'жизнь', **це́рква** 'церковь', **сли́вок** 'сливки';

4) аффиксом (при одном и том же корне и значении): **черни́ца** 'черника', **березня́г** 'березняк', **медве́жиха** 'медведица', **нали́мный** 'налимий', **сибиря́цкий** 'сибирский', **планова́ть** 'планировать';

5) семантикой: **лоба́стый** 'большой, значительный по величине, размерам', **груздь** 'любой съедобный гриб', **седой** 'серый', **беседовать** 'сидеть', **крепко** 'богато';

6) сочетаемостью (лексической и синтаксической): **белокурое лицо**, **белокурая кожа**, **машины бегают**, **плакать за кого-л.**, **сторожить за чем-л.**, **завидовать на кого-л.**;

7) экспрессивно-стилистической окраской. Например, слово **перст**, книжное и устарелое в литературном языке, в печерских говорах нейтрально и общеупотребительно («Пошто в рот пёрсья пихáшь?», «Пёрс ножом вон как порезала»), слово **баба** в значении 'женщина вообще' в литературном языке стилистически сниженное и пренебрежительное, во многих говорах русского языка нейтрально («Молодёжь играют, а бабы, мужики смотрят сидят». «Тоды́ позор шшитáли носить девки и бабы косы по́верх платка»);

8) системными отношениями. Например, слова **паук** и **мизги́рь** в одних говорах Среднего Приобья характеризуются отношениями дублетности («Паук — это мизги́рь»), в других — видовыми отношениями («Пауки таки́ крупны, пуза́ты, мизги́ри — мельче»), в треть-

их — родо-видовыми отношениями («Мизгирь — домашний паук»).

Те лексические единицы говора, которые от соответственных единиц литературного языка и городского просторечия отличаются отдельными элементами своей структуры (местом ударения, составом фонем, грамматическим или лексическим значением) или функционально (сочетаемостью, стилистической приуроченностью) в пределах границ одного и того же слова, составляют **ДИАЛЕКТНЫЕ ВАРИАНТЫ ОБЩЕРУССКИХ** слов. Аналогично решается вопрос о вариантах **ДИАЛЕКТНО-ПРОСТОРЕЧНЫХ** слов.

Собственно **ДИАЛЕКТНЫМИ** словами, в отличие от диалектных вариантов общерусских и диалектно-просторечных слов, являются такие лексические единицы, которые как целое (в единстве звучания и значения) принадлежат только говору и, как правило, характеризуются изоглоссой на территориальной карте русского языка. Например, **бáско** 'хорошо', **порáто** 'очень', **зобать** 'клевать', **быгать** 'сохнуть на ветру', **лонись** 'в прошлом году', **сузём** 'большой массив леса'.

В качестве итоговой предлагается нижеследующая схема, отражающая состав лексики диалекта в его соотношении с основными формами национального языка.

Состав лексики диалекта

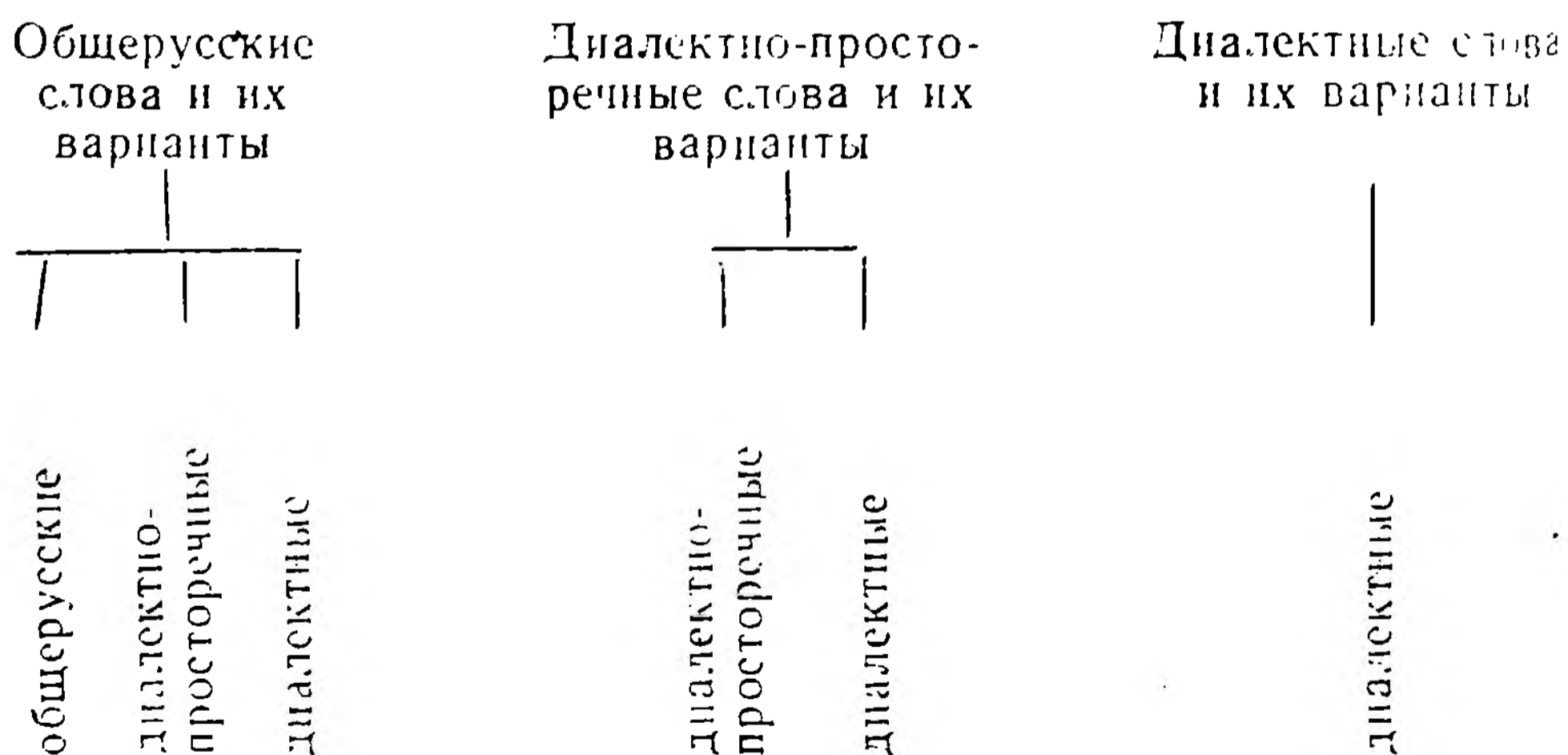

Схема 2

Каково количественное соотношение этих трёх категорий слов в говоре? Разумеется, для каждого из существующих говоров русского языка это соотношение будет различным, так как неодинакова судьба отдельного го-

вора, история его формирования, условия функционирования в рамках национального языка. Так, в среднерусских говорах Подмосковья, сыгравших большую роль в сложении литературного языка, процент общерусских слов должен быть выше, чем в говорах отдаленных районов нашей страны, испытывающих меньшее влияние литературного языка. Работ, выявляющих соотношение слов трех выделенных выше категорий, пока нет. Имеющиеся немногочисленные исследования проведены с учетом двух категорий слов — общерусских (в иной терминологии — общенародных) и диалектных. Так, согласно полученным результатам, в одном из новосибирских говоров каждое третье слово — диалектное, в одном из рязанских говоров доля собственно общерусских единиц составляет 41,8%, диалектных вариантов общерусских слов — 43,8%, областных единиц — 14,4%.

Вычленение в лексике говора слов общерусских, диалектно-просторечных и диалектных имеет большое значение: оно необходимо для представления о степени общности и единства словарного состава говора и литературного языка, а также городского просторечия; важно при типологическом изучении лексики диалектов, для определения реально действующих факторов при функционировании слов говора, взаимодействующего с литературным языком, городским просторечием и другими говорами данного национального языка.

§ 2. Лексика диалекта в ареальном аспекте

Ареальный, или территориальный, аспект рассмотрения словарного состава говора является специфическим и обусловлен территориальным варьированием диалектного языка.

В лексике говора представлены слова **ЛОКАЛЬНЫЕ**, имеющие ограниченный ареал и характеризующиеся изоглоссой, и слова **ОБЩЕНАРОДНЫЕ**, повсеместно известные, не имеющие территориальной ограниченности.

Разряд локальных единиц, как правило, составляют слова диалектные, характеризующиеся либо широким (**батог** 'палка', **блажить** 'сходить с ума; вести себя ненормально'), либо узким (**балка** 'рыбья печень', **бармачить** 'бормотать'), либо точечным ареалом (**токарь** 'то-

кующий тетерев', чайну́шка 'фарфоровая чашка'). Пласт общенародной лексики говора составляют преимущественно общерусские и диалектно-просторечные слова, известные всем или преобладающему большинству носителей диалектов. Часть общерусских слов, например, волк (диал. бирю́к), петух (диал. ко́чет), белка (диал. ве́кша), свинья (диал. чу́шка), подоконник (диал. поду́шка), одеваться (диал. оболока́ться), больной (диал. квёлый), много (диал. дивно), характеризуется ограниченным ареалом и входит в состав локальной части словаря говора.

Изучением территориального паспорта слова занимается лингвистическая география. Сведения об ареале слов говора необходимы для решения ряда вопросов: для выявления потенциальных слов литературного языка, в который вливается главным образом лексика с широким ареалом; для построения группировок говоров русского языка по данным лексики, поскольку диалектные группировки выделяются на основе совмещения ареалов разных явлений (фонетических, лексических, грамматических); для выявления диалектных лексических различий и их типов (непротивопоставленные и противопоставленные различия отражают лингвогеографические карты).

§ 3. Лексика диалекта с точки зрения экспрессивно-стилистической дифференциации

Экспрессивно-стилистическая дифференциация словаря — это органический сплав, синтез двух членений словаря: стилистического и эмоционально-экспрессивного. Если стилистический паспорт слова определяется его преимущественным употреблением в рамках того или иного стиля, то эмоционально-экспрессивная окраска — дополнительными качественными или количественными характеристиками, заключенными в слове, по сравнению с его эквивалентом. И тот и другой пласты слов выделяются в сравнении с нейтральным слоем лексики.

Местный диалект, как и литературный язык, имеет три основных стиля: нейтральный, низкий (обиходно-разговорный) и высокий с его подстилями. «Богатая гамма стилистических тонов и полутонов словоупотребления

присуща диалектам, как и литературному языку», — писал известный советский диалектолог Б. А. Ларин.

1. В говоре, как и в литературном языке, определяющим пластом является **НЕЙТРАЛЬНАЯ** лексика, цементирующая любой стиль, представляющая собой «точку отсчета» в шкале слов, стилистически или экспрессивно окрашенных. Нейтральные слова характеризуются:

а) строгой номинативностью при отсутствии эмоционально-экспрессивной окраски,

б) широкой сферой употребления, но преимущественно — в рамках «информационного стиля», «стиля нейтрального монолога».

Примеры нейтральных слов: в рязанском говоре — это **мой, отец, возить, горбыли́** 'род повозки', **уголь, кошёлка** 'плетёный кузов саней или телеги', **становить** 'ставить', **дрова, лес, базар** и др. («И мой отец возил на горбылях и уголь, на них кошелку становют, насыпют — и в Рязань: и дрова, и лес, и пилматерьял на базар возили»), в среднеуральском говоре — это **балаган** 'временная жилая постройка в лесу', **охотник, делать, лес, дождь, прятаться** и др. («Балаганы охотники делали в лесу, от дождя прячутся в их»), в среднеобском — это **кисель, мука, ягода, жир, варить, есть, один, такой, аржаной** 'ржаной', **саламат** 'мучной кисель' и др. («Саламат — варили кисель с аржаной муки с ягодой». «Саламат с жира варили. Помню, муку намешают, напитают жиром одним, поварят и едят. Сейчас такú не делают»).

Количество нейтральных единиц диалектного словаря равняется 79—81%. Это обеспечивает высокую частотность нейтральных слов в говоре, как и в литературном языке.

2. Широко употребительной в диалекте является **РАЗГОВОРНАЯ** лексика. Её отличают:

а) преимущественность использования в низком, общо-бытовом стиле («стиле беглого диалога», «разговорном стиле»);

б) соотнесенность с нейтральным словом или сочетанием слов (**печка** — печь, **окошко** — окно, **кошёвка** — **кошева́** 'лёгкие глубокие сани с высоким задком', **свекру́ха** — свекровь, **кряку́ха** — кряковая утка, **стекля́нка** — стеклянная банка);

в) формальная выраженность; специфически разговорными являются такие сиффиксы, как -К(а) (речка, чугу́нка 'чугун', кладо́вка 'кладовая', ка́менка 'каменная печь в бане'), -ОК (бодожо́к 'палка, посох', обласо́к 'долблёная лодка'), -УХ(а) (житу́ха 'жизнь', вдову́ха 'вдова', сестру́ха 'сестра'), -ЕНН(ый) (браве́нный 'очень хороший, красивый', скупе́нный 'очень скупой', страше́нный 'очень сильный') и др.;

г) эмоциональность, экспрессивность. Эмоционально-экспрессивные слова составляют неотъемлемую часть разговорной лексики диалекта. Они создают повышенный эмоциональный тонус разговорной речи, придают большую выразительность ей, связанную с необходимостью усиления воздействующей силы говоримого.

Среди собственно экспрессивных слов в говорах представлены образования с суффиксами: -ИН(а) («Така бурáнина—свету белого не видать!»), -ИЩ(е, а) («Морозище—ноги закалели»), -ОВИЩ(е) («Беда и стыдо́вище, ну совестно!»), -УЩ(ий) («Ране широчу́щи, в пять аршин, юбки были»), -ЕНН(ый) («Погода /ветер/ страшéнная была!») и др.

Разнообразен набор эмоциональных разрядов разговорной лексики диалекта. Особое место в ее составе занимает так называемая снисходительная лексика, для которой характерен специфический интонационный рисунок, своеобразная направленность сообщения: сказать об объекте речи как бы вскользь, не акцентируя внимания собеседника; в итоге такие слова получают окраску-интонацию снисходительности. Эта лексика имеет формальную выраженность посредством суффиксов -ИШК-, -НИШК-, -ОНК-, ЁНЧИШК-, омонимичных суффиксам эмоциональной оценки — уменьшительно-ласкательным, уничижительным, пренебрежительным и др. Примеры: «Места у нас таки́, что до хорошей рыбы надо лопатки поломать. В озеры́шках, источи́шках полно чебако́в, окуней, щук, карасей; закинешь бродни́чка в каку́-нибудь ямку, глядишь — ведро, а то два добудешь». «Рыбни́шка жирная нонче». «Така́ молодá была бестолко́ва, а так вот кружеви́шки, скатёрки вязать понятлива была». «Сын посылку прислал: на кофте́нку, на юбчонку».

Другие группы эмоциональной лексики диалекта соотносительны с соответствующими разрядами слов литературного языка.

Шутливо-иронические. **Киношник** 'любитель кино' («Ишь какой киношник нашёлся, только б и ходил в кинá»), **долгун** 'о высоком юноше' («Долгун какой-то вымахал, руки длинные, сам худой»), **большеумник** 'тот, кто считает себя умнее других' («Большеумник-то удумал околпачить менé»).

Одобрительные. **Веселяга** 'весёлый человек' («Чё скажет, так скажет, веселяга такой!»), **грамотяга** 'грамотный человек' («Одна у нас в Москву с фíрмы ездила. Така забитая была девчонка, а сейчас набашковалась, такá грамотяга стала!»), **бравяга** 'красивый, видный человек' («Откуль-те будете такí бравяги? Ничё не скажешь — видны девки»), **певуха** 'песенница' («Бабка Лушка такая песельница была, такая певуха!»), **духовитый** 'с хорошим запахом' («А где у меня гвоздичка-то? Этакá духовита!»).

Неодобрительные. **Брякала** 'болтун, болтунья' («Еле вырвалась от её-то, знашь ведь, какá она брякала»), **завидóха** 'о завистливом человеке' («У её есь, а её мало, на всё завидует, завидоха такá!»), **бурчун** 'ворчун' («Старик-то бурчун был; с утра бурчит на одну невестку, потом на других. С обеда опять с первой начинáт»), **зверовáтый** 'мрачный, угрюмый, сердитый' («Ивана баба зверовáта, да и взгляд сурéпый»).

Ласкательные и уменьшительно-ласкательные. «Колонок — красненький такой зверёк, хвост у него лохматенький». «Свинячий горох — невысокий, цвет — как кнопочки, ягодки — как репочки зелёненьки, чечас не видать». «Весёленький ситчик купила». «Барабан — дощечка к себе подвешена, да палочками по ней колотят»: «Сама белая, а коняшенка чёрненькая».

Разговорная лексика — один из ведущих пластов словаря говора, органически связанный с устной формой бытования диалекта.

3. Лексика **СНИЖЕННАЯ** включает в себя слова диалекта с ярко выраженной экспрессией, эмоциональностью (обычно это отрицательно-оценочные слова). Как и разговорная лексика, лексика сниженная имеет соотносительный эквивалент — нейтральное слово — и со-

вокупность языковых средств выражения: фонетических, морфологических, лексико-семантических. В составе сниженной лексики обнаруживается две категории слов, обладающих противоположным свойством: либо это слова с яркой внутренней формой, принимающей на себя функцию образной экспрессии (**свистануть** 'ударить', **смылиться** 'скрыться'), либо это слова с размытой внутренней формой (**ухряпаться** 'сильно устать', **ошуравить** 'обругать', **намулындаться** 'наестся'). В последнем случае экспрессивную функцию выполняет звуковая оболочка слова, необычная, «экзотическая», и аффиксальная часть.

К сниженной лексике, как отмечалось, относится эмоциональная лексика — пренебрежительная, презрительная, уничижительная. Примеры: **оборвѣха** 'грубиянка, скандалистка' («Невестка — какá идиотка, какá оборвѣха! С ней лучше не связываться. Плачу да, реву да»), **ненасыта** 'жадный, скупой человек' («У нас здѣся был Елизов. У него была лавочка. Чѣ лиходеѣй был, ненасыта, грабью грабил!»), **вертиплѣс** 'ветреник' («Мы-то такѣ вертиплѣсы не были, к труду были с измалых лет приучены»), **вздыморылка** 'зазнайка' («Вздыморылка какáя: ходит и нос кверху, не разговариват»), **опухляк** 'ленивый человек' («Бабонька с ног сбилась, ей и то надо сделать, и другое надо сделать, а он, опухляк такой, хоть бы палец о палец ударил!»), **чупрый** 'лохматый' («Ишь чупра какá, страмотѣща и всѣ! Мы постригѣшки, обрѣзки не носили, у нас коса была»).

К пласту сниженных слов примыкает грубая, бранная лексика. В её составе обычны слова с лексико-семантическим способом выражения экспрессии, например, **варнак**, **варначка**, **пропастѣна**. Характерной особенностью употребления бранной лексики является её вокативная или предикативная функции («Ну, **пододырок**, глаза разинул, а про дела забыл!» «Общественный капитал-то народный, а он чѣ хочет, то и дѣлат. Мошенники! Варнаки!»).

4. Разряд **ВОЗВЫШЕННОЙ** (высокой) лексики диалекта составляют слова, употребляющиеся преимущественно в приподнято-торжественной речи или речи народно-поэтической («стиль экспрессивного монолога»), представленной нередко в диалекте фрагментарно, бу-

дучи закрепленной ситуативно и жанрово-тематически (например, в жанре рассказов и воспоминаний о былом, в разговорах о прекрасном, в публичных выступлениях). Поэтому в говоре вычленяют лишь элементы публичного стиля, элементы народно-поэтической речи. Отсюда высокие слова в диалекте могут соседствовать с разговорными и даже сниженными словами.

Примеры торжественных слов: **найдри́ться** 'созреть, быть готовым' («В пя́тым году революция не вышла, наядрилась, но не вышла»), **распору́шить** 'разрушить' («В городе церкв́а все распорушили»), **распрогнё́ваться** 'разгневаться' («Хозяин вина не подаст, он и распрогневается»).

Значительную часть возвышенной лексики говора составляют слова народно-поэтические. Для них характерно:

а) преимущественное (частотное) употребление в народно-поэтическом стиле диалекта, а также в языке фольклора данной местности. Сюда относятся названия милого, любимого: **залётка**, **залёточка**, **мата́ня**, **мата́нечка**, **дрóля**, **почётник**, **помилáша**, **ягодíночка**, а также иные категории слов: **закруч́иниться** 'загрустить, опечалиться' («О чём **закручинилась?** Жениха вспомнила?»), **воссия́ть** 'засверкать' («Ночью сёдня **молонья** здорово **воссияла**»), **вещáть** 'предчувствовать, предсказывать' («Сердце чего-то **вещует**». «Сердце **вещует**: то ли плакать, то ли песни **петь**»), **дремучий** («Замуж убежала лесом **дремучим**»);

б) соотносённость с нейтральным эквивалентом: **держава—страна**, **вознести—запеть**, **дремучий—густой**, **вещать—предчувствовать**;

в) формально-грамматическая выраженность. Среди народно-поэтических слов ведущее место занимают приставочные (с приставками С-, ИЗ-, РАЗ-, ВОЗ- и др.) и суффиксальные формы (с суффиксами -УШК-, -ОНЬК-, -ЕШЕНЬК- и др.): «Али иная **думушка** **запала** в **головушку?**» «Уж мой-то **газоньки** от слез не **смотрят**». «Зернышки **наливаться** будут: **зёмлюшку** **помочило**». «Гресть — **греби**, на вилах **стоять** — **стой**, всё на своих **ноженьках**». «Не **споблёлкли** **листочки**»;

г) образность, выразительность. Образная экспрессия диалектной речи складывается из разных компонентов — метафоризации, основанной на олицетворении и других

приемах, тавтологии, сравнений, эпитетов, слов с конкретно-наглядной образностью, синтаксико-морфологических средств, ритмики, интонации и т. д. Например: «Калина, она же, как калёная стоит, красная вся, раскалилась. Тоже красиво, осенью кода посмотришь, она как горит, раскалённая как». «За ночь все лужи застеклил мороз — стеклильщик». «Всё лето косили, пока мухи белые полетят». «До чего было много земляники! Пойдешь — она ну как пунцом каким одета. Да ой хороша, да крупна-то была!» Поэтической образностью характеризуются в народно-разговорной речи слова с живой внутренней формой. Будучи употребленными в ритмически организованной речи, они обретают наглядность, картинность, поэтичность. Такие речевые тексты в целом создают впечатление своеобразных инкрустаций из языка фольклорных произведений («Умела бы я плавать, переплыла бы эту реченьку». «Маленький рос, дак думушки не думал, что так будет». «А она криком кричит, рёвом ревет!»).

§ 4. Лексика диалекта с точки зрения сферы ее употребления

Лексика говора в этом аспекте делится на слова неограниченного употребления и ограниченно употребленного, что имеет социальную обусловленность. Лексика, сфера использования которой ограничена социально, представлена профессионализмами. Профессионализмы — это слова, употребление которых связано с какой-либо производственной деятельностью, специальностью или профессией.

Говоры характеризуются богато разветвленной производственно-промысловой терминологией: в них бытуют термины земледелия и лесного промысла, обработки льна и шерсти, прядения и ткачества, ямского и кедрового промыслов, санно-тележного дела и гончарного производства, рыболовства и охоты, оленеводства и мараловодства, географическая терминология и т. д. Некоторые примеры.

Из лексики ручного ткачества рязанского говора: названия ткацкого станка и его частей — стан 'ткацкий станок', бердо, набёлки 'деревянная рама, куда вставляется бердо', трóсти 'параллельные деревянные пла-

стиночки в берде', десятня, девятня, **восмұха, семұха, шестұха** — названия разновидностей берд; из лексики санно-тележного дела томского говора: названия саней и телег — **дрóвни** 'сани без кузова', **рóзвальни** 'сани с отводами', **кошевá**, или **кощёвка** 'лёгкие глубокие сани с высоким задком, обитые рогожей', **ропуски** 'длинная телега без кузова для возки бревен', **тарада́йка** 'двухколесная телега', **сеновóзка** 'телега для возки сена'.

Производственно-промысловой лексике говора, как и литературного языка, свойственно явление терминологической множественности, обусловленной разными причинами, в том числе детализацией в обозначении реалий. Характерный пример: в лексике рыболовов и охотников Среднего Приобья имеется ряд дифференцированных названий процесса лова рыбы и охоты, связанных с объектом лова, охоты или орудием их, — **окуневáть, карасевáть, щúчить** значит 'ловить соответственно окуня, карася, щуку'; **белковáть, козовáть, лисовáть, лосевáть, утковáть** значит 'охотиться соответственно на белку, дикую козу, лису, лося, утку'; **черда́чить, сетни́чать, фитилíть, мордовáть, лука́вить, вёршить, корчажить** — ловить рыбу соответственно «чердаком», сетью, «фитилём», «мордой», «лукавкой», «вершей», «корчагой» и т. д.

Эти и ранее приведенные примеры свидетельствуют о развитой системе родо-видовых отношений в производственно-промысловой терминологии диалекта. Причем, в отличие от литературного языка, диалект при наличии видовых названий не всегда располагает родовым. Так, в амурских говорах при видовых названиях орудий пассивного лова рыбы в виде корзины с узким горлом — **морда, корчага, вентель** — родовое обозначение отсутствует. Вместе с тем другие видовые ряды имеют родовое слово, обычно представленное общерусской лексемой: **лодка** — **румýнка, долблёнка, анга́рка**; **коса** — **горбу́ша, шестёрка**; **капкан** — **пасть, башмак, черкán, пла́шка, кулёмка, проско́к**.

Одной из существенных особенностей специальной лексики говора является её относительный профессионализм, который находит своё проявление в том, что большая часть слов—терминов той или иной производственно-промысловой сферы (а иногда и все

слова) известны всем носителям говора. Так, например, лексикой леса (заготовка леса, его обработка, гонка смолы, производство древесного угля) владеет всё население д. Деулина Рязанской области. В говоре с. Вершинина Томской области, как и смежных сел, лишены профессиональной окраски такие группы лексики, как лексика сенокосения и сеноуборки, лексика огородничества, прядения и ткачества, терминология заготовки дров и кедрового промысла.

То, что специальные слова не являются достоянием словаря определенного круга «профессионалов» — земледельцев, охотников, рыбаков, ямщиков и т. п., — обусловлено внеязыковым фактором: занятия, с которыми связана производственно-промысловая лексика диалекта, не имеют, как правило, характера профессии у носителей говора, поскольку все жители села или большинство их занимаются в равной мере различными видами работ, развитыми в данной местности. В связи с этим круг слов узкой сферы употребления, слов известных только людям, непосредственно занятым тем или иным производством, в говоре является небольшим.

Очевидно, с этим связано развитие многозначности у диалектного термина, возникновение разного рода переносных значений (например, **веретено** 'о непоседливом человеке', **кулёма** 'о нерасторопном человеке', **костричный** 'капризный'), выполняющих роль связующего звена между терминосферой и нетерминологической, общеупотребительной лексикой говора.

§ 5. Лексика диалекта с точки зрения ее активного и пассивного употребления

Русские народные говоры в современную эпоху испытывают значительные изменения. Наиболее интенсивно изменяется словарный состав. Это обусловлено тем, что лексика теснее других сторон языка связана с реальной действительностью, тем, что лексическая система говора — система слабо замкнутая, открытая, поэтому в нее легко проникают элементы извне. Постоянные изменения в лексике диалекта происходят в соответствии с внутренними законами и существующими

тенденциями развития языка, а также под влиянием литературного языка, под воздействием речевого (языкового) сознания носителей диалекта и билингвизма (выяснено, что многие современные носители диалекта владеют литературным языком в активной или пассивной форме).

В результате в лексике диалекта появляются новые слова, исчезают старые, происходят различные семантические изменения. Отражением этого является существование в говоре двух лексических пластов: слов активного запаса (употребления) и слов пассивного запаса.

Лексика активного употребления — это лексика повседневного использования, это названия предметов быта и растений, названия признаков, свойств, характеризующих человека и окружающую природу, названия процессов труда, это слова нейтральные и эмоционально-экспрессивные и т. д. К пассивному словарю языка относится всё то, что не является в нём привычным и повседневно употребительным, — это **УСТАРЕЛЫЕ** слова и **НЕОЛОГИЗМЫ**.

В пассивном запасе словарного состава современных говоров находится большое количество слов, связанных с обозначением старых, ушедших в прошлое понятий, явлений, предметов и т. п. из области общественных, культурных, экономических и бытовых отношений. Так, переместились в пассивный фонд словаря говора названия исчезнувших форм социальной и экономической жизни (**волость, уезд, губерния, сходка, сборня, мангазёй** 'общественный склад запасного хлеба', **аршин, фунт, десятина, леха**), названия ушедших в прошлое орудий труда (обозначения сохи: **колесуха, рогалюха, пермянка, сабан**, — и её деталей: **улук, вожжевик, барашек** и др.), названия видов одежды и обуви дореволюционного крестьянства (**азям, шебур, ичиги, наболка**) и др. В пассивном запасе словарного состава говора — целые терминосистемы (например, лексика ямского промысла, санно-тележного дела, старая сельскохозяйственная терминология).

Среди слов пассивного словарного запаса выделяют, как известно, **ИСТОРИЗМЫ** и **АРХАИЗМЫ**.

Историзмы — наименования устаревших предметов, явлений — в говорах не так многочисленны, как в лите-

ратурном языке, поскольку единственным хранилищем их является память носителей диалекта. Историзмы воспроизводятся в беседах — воспоминаниях о прошлом. Примеры историзмов иркутских говоров: **хлёбальница** 'большая деревянная чашка' («Раньше тарелок не было, поставят хлёбальницу на стол, и все из ей едят»), **ситево** 'лукошко, используемое при сеянии хлеба' («Вот ситево, из его сеяли»); историзмы новосибирских говоров: **áva** 'головной убор невесты', **горбун** 'холщевый сарафан', **маринак** 'женский жакет' и др.

Историзмы, как правило, представляют собой результат влияния на язык реальной действительности, архаизмы же — устаревшие наименования предметов, явлений — результат языковых воздействий как внутрилингвистических (изменения в системе самого говора), так и экстралингвистических (влияние литературного языка, городского просторечия, других диалектов).

Примеры лексических архаизмов: **перст** 'палец', **допéться** 'сделаться', **брезг** 'рассвет', **солносьд** 'восход солнца', **солносьд** 'заход солнца', **лён** 'шея' — в новосибирских говорах; примеры семантических архаизмов: **яблоко** 'клубень картофеля', **жить** 'бывать' («Буран живёт зимой»), 'существовать, быть' («Выдра есь, соболь есь, маленько поболе собаки, сейчас он живёт серый») — в томских говорах.

Архаизмы обычно сохраняются в речи старшего поколения, представителей «традиционного говора».

Пассивный запас словаря диалектов включает большое количество **НЕОЛОГИЗМОВ**. Их возникновение прежде всего обусловлено необходимостью обозначить новые предметы, новые явления и процессы в жизни послереволюционной деревни. Это **легковуха** 'легковая машина' и **грузовуха** 'грузовая машина' — в псковских говорах; **телефóнить** 'говорить по телефону' — в архангельских говорах; **газётничать** 'читать газеты', **кйнщица** 'частая посетительница кино', **заколхóзиться** 'вступить в колхоз' — в среднеобских говорах. Среди неологизмов много слов, вошедших в говоры из литературного языка, часть из них подверглась переоформлению: фонетическому — **ашелон**, **ризётка**; морфологическому — **спекулянничать**, **консёрвить**, **анатómить**; народно-этимологическому — **вликóза** 'глюкоза', **агрóлом** 'агроном'.

Дифференциация лексических единиц на активную и пассивную сферы употребления присуща всем говорам, но результаты дифференциации в разных говорах русского языка могут не совпадать. Так, если слово **перст** 'палец' в новосибирских говорах устаревшее, то в печерских — оно входит в фонд активной лексики, если слово **ковш** в томских говорах общеупотребительно, то в иркутских говорах — оно архаизм.

§ 6. Лексика говоров с точки зрения ее происхождения

Словарный состав говоров, как и литературного языка, включает исконно русскую лексику и заимствования.

а. ИСКОННО РУССКАЯ лексика составляет определяющий пласт словаря говоров. Самыми древними в ее составе являются общеславянские слова, унаследованные языком восточных славян из общеславянского языка до IV—V вв. н. э. Общеславянскими являются термины родства (**мать, отец, сын, сноха, свекры** 'свекровь'), названия явлений природы (**ветер, гроза, дождь, холод, снег, мóрок** 'облако, туча', **вёдро** 'ясная погода'), названия домашних и диких животных, рыб, насекомых (**конь, овца, волк, окунь, строкá** 'овод'), названия признаков, свойств и процессов (**молодой, старый, слепой, берёжая** 'жерёбая', **сеять, жать, молотить, свербётъ** 'чесаться', **морочить** 'становиться пасмурным') и т. д.

Фонд общеславянской лексики в словарном составе русского языка невелик: он насчитывает две-три тысячи слов.

Вторую группу исконно русской лексики составляют восточнославянские слова, возникшие в период формирования древнерусского языка и его диалектов (VI—XV вв.). Количественно это значительно больший пласт слов, нежели общеславянская лексика, однако выявлен он пока лишь частично.

Восточнославянскими являются названия, относящиеся к человеку (**говорун, парень, шабёр** 'товарищ, артельщик, пайщик'), названия животных и птиц (**галка, снегирь, ярка** 'молодая овца'), наименования явлений природы (**снегопад, марево, сумёт** 'сугроб', **брезг** 'рассвет', **перекрoй** 'начало ущерба луны'), обозначения процес-

сов и состояний (гулять, добреть, щётить 'чесать шерсть щеткой'), и др.

Третья группа исконной лексики — собственно русские слова, возникшие за период с XV в. (период формирования языка великорусской народности) и по настоящее время, — наиболее многочисленная по составу. Среди них — существительные (смородина, огурец, лепёшка, козюля 'змея', заплёт 'забор', горбун 'сарафан'), глаголы (бросать, маячить, мусолить, колошматить 'бить'), прилагательные и наречия (квóлый и квёлый 'слабый, хилый', колченогий, вдруг, очень) и т. п. Немалое количество исконных слов образовано на основе заимствований последних столетий.

б. ЗАИМСТВОВАННАЯ лексика в говорах в большей своей части является результатом общерусских процессов заимствования: таковы процессы заимствований, например, в эпоху принятия христианства на Руси, повлекшего за собой влияние старославянского языка на русский, в эпоху Петровских реформ, приведших к потоку заимствований западноевропейского происхождения, — в эпохи, когда воздействие других языков на русский было всеобщим, т. е. иноязычные слова входили в русский язык в целом: либо во все его разновидности одновременно, либо первоначально только в литературный язык и через его посредство в диалекты, либо только в диалекты, откуда часть заимствований проникала в литературный язык.

Среди иноязычной лексики, явившейся результатом общерусских процессов заимствования, особое место в словарном составе говоров принадлежит старославянизмам.

Долгое время считалось, что воздействие старославянского языка сказалось главным образом на литературном языке, но, как было доказано позднее, русские диалекты не остались в стороне от старославянского влияния. Говорам, как и литературному языку, широко известны такие старославянизмы, как крест, небо, время, враг, праздник, овощи, разный и др.

Нередко неполногласные, старославянские, словоформы соседствуют с полногласными, древнерусскими: врата — ворота, глас — голос, зрак — зорок, млад — молод, нрав — норов, хлад — холод. При этом может не наблюдаться, как в литературном языке, стилистико-функ-

циональная или семантическая дифференциация соответственных форм, которые соотносятся как варианты одного слова. Например, **здравый** — **здоровый** в рязанском говоре употребляются как равноправные: «Лёгкие у ней хорошие, все внутренности здравые». «Ни одного сейчас здорового человека нет: у того печень, у того желудок». «Все калеки: у кого руки, у кого ноги, ни одного здорового нету» (ср. в литературном языке: **брег** (поэтич.) — **берег** (нейтр.), **здравый** /ум, рассудок/ — **здоровый** /человек, желудок/, **прах**—**порох** и под.).

В лексике говоров имеются и другие виды заимствований: тюркские (**чалый**, **буланый**, **азям** 'верхняя мужская одежда', **базлать** 'громко кричать', **ушлый** 'хитрый', **чебак** 'рыба плотва'), финно-угорские (**пурга**, **тундра**, **пельмени**, **макса** 'печень рыбы', **курья** 'рукав реки', **лыва** 'лужа', **елань** 'луг', **хиуз** 'резкий ветер'), скандинавские (**ларь**, **крюк**, **якорь**). Особенно много заимствований западноевропейских, главным образом из германских языков (немецкого, английского, голландского) и романских (французского, итальянского, испанского). В говорах эта лексика частью употребляется в том же облике, как она освоена литературным языком (например, **верстак**, **шнур**, **шкаф**, **газета**, **тракт**), частью подвергается дополнительным, фонетико-морфологическим преобразованиям в соответствии с закономерностями, свойственными тому или иному диалекту. Это слова с утратой начальных гласных (**кушёрка**, **лимёнты**), с упрощением групп согласных (**кватіра**, **потрёт**), с ассимиляцией и диссимиляцией соседних согласных (**транва́й**, **транбовáть**), с метатезой (**булгáхтер**, **консéвры**), с особенностями грамматического и морфемного оформления (**нефта** 'нефть', **люстр** 'люстра', **рестáнец** 'арестант').

Часть иноязычной лексики заимствована отдельными говорами русского языка, функционирующими в непосредственном контакте с говорами других языков. Длительное контактирование русских диалектов с нерусскими диалектами и языками, этнические смешения, условия билингвизма и ряд других факторов приводят к усвоению многих заимствований, характерных для определенных говоров и групп говоров. Например, в лексике среднеобских говоров, кроме заимствований, унаследованных ими от «материнских» русско-европей-

ских говоров, имеется немало иноязычных слов тюркского и самодийского происхождения (селькупские, ненецкие), которые они заимствовали у местных аборигенов края — эуштинцев, чатов, калмаков, татар, селькупов, кетов, ненцев и др. Отсюда такие тюркизмы, как **калба́** 'дикий чеснок', **кула́йка** 'лоскуток, тряпочка', **байдо́н** 'орудие кедрового промысла', **кага́н** 'небольшое озеро, высыхающее летом'; такие самодийские слова, как **абармо́** 'мясо скотины для приманки зверей', **ата́рма** 'рыбозаградительное сооружение', **ка́зара** 'птица ореховка'. Прибалтийско-финские заимствования, неизвестные литературному языку и многим другим диалектам, используются в говорах поморов Карелии, мансийские слова — в говорах по реке Пелыму, киргизские слова — в русских говорах северного побережья Иссык-Куля, бурятские и монгольские заимствования — в иркутских говорах, алтайские заимствования — в русских говорах Горного Алтая и т. д. Эти заимствования придают своеобразие говорам различных регионов, оказывая несомненное влияние на связи слов и их поведение в говоре.

2. Лексика говора как система

Под лексической, или лексико-семантической, системой понимается внутренне организованное целое, которое создается благодаря единству отношений, сложившихся между словами и их лексическими модификациями.

Изучение словарного состава говоров показало, что каждое слово в них связано с другими словами. Эти связи разнообразны и сосуществуют одновременно. Так, например, диалектное слово **коше́нина** 'скошенная, но не высохшая трава' в среднеобских говорах связано видовыми отношениями со словом **гребе́ь** 'скошенная трава, готовая к уборке', родо-видовыми — со словом **трава**, отношением семантического варьирования — с его ЛСВ **коше́нина** 'скошенная трава, готовая к уборке', мотивационными отношениями со словом **косить** и его дериватами и т. д.

Слова, связанные различными отношениями, образуют как бы микросистемы — самые мелкие, далее не делимые единицы системности языка.

Все многообразие системных связей в лексике диалекта, как и в языке в целом, группируют в два типа связей: синтагматические и парадигматические, или ассоциативные. Синтагматические связи (соотношения) определяются как отношения сочетаемости элементов в речевой цепи; парадигматические — как отношения противопоставленности единиц в языке.

Примеры синтагматических отношений в лексике — отношения внутренней и внешней валентности (сочетаемости). Так, в рязанских говорах слово **седой** сочетается не только с теми существительными, с которыми оно сочетается в литературном языке, например, **седой дед**, **седая женщина**, но и с другими, например, **седая кофта**, **седая змея**.

Парадигматические отношения в лексике составляют отношения синонимии, антонимии, паронимии и др. В парадигматические отношения вступают «равновеликие» лексические единицы, принадлежащие не только одной и той же части речи, но и имеющие семантическую (синонимы, антонимы) или материальную (паронимы, омонимы) общность.

В последние годы выделен третий тип системных отношений — **д е р и в а ц и о н н ы х** (или эпидигматических), суть которых применительно к лексике составляет единство ассоциативных связей материальной и содержательной сторон лексической единицы с другими лексическими единицами языка. Примером этого типа отношений являются отношения мотивационные (**зима — зимний**, **белый — белок**) и отношения вариантные (**далёко — далеко**, **зал — зала**, **клубника — клубница**).

Наряду с названными видами системных отношений, которые имеют всеобщий характер, различают отношения между разными, отдельными, словами — **межсловные**, или **междусловные**, и отношения между лексическими модификациями одного и того же слова — **внутрисловные**. Межсловные отношения составляют отношения антонимии, синонимии и т. д., внутрисловные — отношения вариантные.

Рассмотрим некоторые виды системных отношений в лексике говоров и связанные с ними свойства слов как отражение соответствующих системных отношений.

§ 1. Вариантность слов

Варьирование слова, как показали исследования различных языков: русского, немецкого, английского, французского и других,— является одной из лингвистических универсалий. Если варьирование составляет существенную черту любого литературного языка, с его нормированностью, обусловленностью письменно закрепленными традициями, то особой продуктивностью варьирование слова характеризуется в говорах, где возникновению и функционированию вариантов слова способствуют такие благоприятные факторы, как устная форма бытования диалекта, взаимодействие говоров с инодиалектным и иноязычным окружением, воздействие на говоры литературного языка, способность говоров к многочисленным новообразованиям наряду с сохранением архаических слов и форм.

Слово, функционируя в системе диалекта, удовлетворяя нужды общения, предстает в разнообразных своих формах. Эти формы могут быть или грамматическими, или лексическими. Лексическую форму слова называют его вариантом.

В говорах отмечены те же виды вариантов слова, что и в литературном языке. Рассмотрим их.

а. Лексико-фонетические варианты слова

Лексико-фонетическое варьирование слова составляют такие видоизменения его звуковой оболочки, которые не влекут за собой никаких других изменений (семантических, морфологических). Вместе с тем лексико-фонетическое варьирование слова не создают те видоизменения его звуковой оболочки, которые определяются особенностями фонетической системы говора, например, оканьем (работа — робота), цоканьем (чашка — цашка) и другими явлениями, ибо такие различия регулярны и не представляют собой лексических различий.

Таким образом, ЛЕКСИКО-ФОНЕТИЧЕСКИМИ вариантами слова являются такие лексические единицы, которые при идентичном морфемном составе и семантике различаются или звуковым составом корневой морфемы (прорубь — прóлубь, ясно—я́тно), или местом ударения (вѐрба — верба́, тихий—тихо́й). В связи с этим лек-

сико-фонетические варианты слова делятся на **ФОНЕМАТИЧЕСКИЕ**, различающиеся качеством или количеством фонем (при неизменном ударении), и **АКЦЕНТНЫЕ**, различающиеся местом ударения.

Фонематические варианты слова в говорах представлены разнообразными типами, которые можно объединить в следующие основные группы: 1) варианты слова, различающиеся гласными (**квѣлый—квѣлый, ливень—лѣвень**), 2) варианты слова, различающиеся согласными (**амбар—анбар, бумага—гумага**), 3) варианты слова, различающиеся порядком следования фонем (**каблук—калбук, браковать—барковать**), 4) варианты слова, различающиеся гласными и согласными одновременно (**ветеринар—ветенар, туберкулёз—беркулёз**).

Фонематические варианты слова в говорах многочисленны. Также многообразны и те факторы, которые в конечном итоге приводят к возникновению фонематически вариантных слов. Фонетические видоизменения слов, как правило, представляют собой отражение имевшего место в диалектном языке фонетического или иного явления, закономерности, черты. Некоторые иллюстрации.

В говорах отмечены вариантные пары **держать—даржать, поддърживать и поддърживать**, которые восходят к праславянской эпохе. Говоры (в частности псковские) иллюстрируют на материале фонетически вариантных слов **хлебнуть—хленуть, зачерпнуть—зачернуть** и под. общеславянский процесс упрощения групп согласных БН, ПН, ДН, ТН и СКН. Вариантные пары, различающиеся ударными Е/О типа **квѣлый—квѣлый, небо—нёбо**, являют собой отражение действовавшей в древнерусском языке закономерности перехода Е→О в положении после мягкого согласного перед твердым. Вариантные пары **есть—исть, север—сѣвер** и их производные отражают недавно действовавшую в говорах Сибири (а ныне еще известную в северном наречии) фонетическую черту — переход ударного Е (из \bar{e}) в И.

Возникновение фонетически вариантных слов обусловлено многими закономерностями, носящими как общий, так и частный характер. Среди них наиболее существенными в этом плане являются: постоянное изменение и развитие диалектного языка, взаимодействие его с другими разновидностями национального языка

и языками (диалектами) других систем; взаимодействие всех уровней языка.

Изменение и развитие языка, как известно, осуществляется благодаря действию общеязыковых тенденций. Одной из таких тенденций фонетического уровня языка (характерной для всех языков мира) является тенденция к облегчению произношения, которая, в свою очередь, представляет одну из реализаций более широкой тенденции к экономии. Отражение названной тенденции в словах с последующей лексикализацией тех явлений, в которых она реализуется, и создает варианты формы слова.

Так, в разных говорах русского языка возникновение вариантов слов связано с ассимиляцией (льняной — лляной, внук — мнук), диссимиляцией (бумага — гума́га, мимо — нимо), с развитием протетических согласных (утка — вутка, острый — вострый), с устранением звания (геолог — геволог, тротуар — тротувар), с упрощением групп согласных (погибнуть — погинуть, зачерпнуть — зачерну́ть) и другими явлениями.

Лексико-фонетические варианты слова отражают не только закономерности, общие для всех или большинства русских говоров, но и специфичные для отдельных диалектов. Так, в поморских говорах фонетически варианты лексем возникли как результат йотации начального гласного Е («В хорошей пеци́ еко́номка дров происходит». «Топерь люди на ероплане летают»), как отражение метатезы начального ОР (орбита — робита: «Ну, бабка, поса́дя нас топерь на робиту, да жорновá худы́ привяжут, да сбросят нас отто́ль»).

К явлениям, отличающим диалекты от литературного языка, следует отнести «гипернормализацию» — косвенное, или «обратное», отражение фонетического явления. Оно также порождает фонетически варианты слова в говорах. Например, жизнь — жисть, интерес — интерес (ср. снасть → снась, лист → лис), того же плана наган -- нага́нт, экзамен — экза́мент; тетрадь — кетра́дь, тихо — кй-хо, тесто — ке́сто (ср. руки → рути).

Воздействие на говоры литературного языка, особенно в последние десятилетия, привело к тому, что в словарный состав говоров вошло значительное количество слов иноязычного, главным образом западноевропейского, происхождения. Сохраняя в речи представителей

передовой группы говора свое звучание, такие слова в системе традиционного слоя говора претерпели различные изменения согласно фонетико-грамматическим нормам говора. Результатом такого рода изменений явились варианты с утратой начальных Л и Э, сокращением количества слогов, с иным порядком следования фонем и многими другими особенностями (арестант—рестáнт, алименты—лимéнты, инструмент—струмéнт, бруцелёз—бурцелёз).

В процессе межъязыковых контактов варианты слов закрепляют следы субстратных, суперстратных и других явлений (дубовый—тубóвый, семья—земья, лачуга—алачúга).

Различные говоры русского языка, функционирующие в разных условиях, неодинаковом языковом окружении, имеющие разную историю и т. д., безусловно, обладают неодинаковым набором тех факторов и причин, которые способствуют варьированию слова. Например, говоры территорий позднего заселения, так называемые «вторичные» говоры, широко развитым варьированием слова обязаны в том числе и разнодиалектной базе, на почве которой они сформировались. Таковы, например, русские старожильческие говоры Сибири.

Акцентные варианты слова характеризуются рядом особенностей, отличающих их от фонематических вариантов. Состоят они в следующем. Во-первых, фонетическое различие, связанное с местом ударения, относится не к отдельной какой-либо фонеме, а к слову в целом. Во-вторых, различие в месте ударения никогда не является единственным различием вариантов слова: оно всегда сопровождается позиционным чередованием фонем.

Акцентное варьирование в говорах более характерно для имен, чем для глагола. Среди имен варьирование ударений свойственно обычно двусложным, реже многосложным существительным: вёрба—вербá, вёрша—вершá, кúхта—кухтá 'густой иней', мóрковь—моркóвь, берéсто—берестó, сéлезень—селезéнь; в области имен прилагательных отмечены акцентные типы, сложившиеся во всех современных славянских языках: акцентный тип с ударением на основе (красный, светлый) и акцентный тип с ударением на окончании (большой, сухой): жаркой—жáрский, молодой—моло́дый, родной—ро́дный,

скупой—скупый. Акцентные пары в глагольной лексике немногочисленны (**брызгать — брызгать, баловаться — баловаться, застрелить — застрелить, положить — положить**).

Говорить о закономерностях возникновения акцентных вариантов слова в говорах преждевременно в связи с их малой изученностью. Можно думать, что часть акцентных вариантов слов возникает в силу действия некоторых закономерностей, порождающих и фонематические варианты. Из числа специфических для акцентных вариантов причин следует назвать аналогические воздействия на исходную форму слова его грамматических форм, имеющих подвижное ударение (ср.: **спина́—спины́, спине́, спиной́** в ед. ч., **спи́ны** и **спи́ны**, **спи́нами** и т. д. во мн. ч., отсюда **спина́—спи́на**), аналогические воздействия однокорневых слов (ср.: **по́сконь — поскóнь < поскóнный**) и некоторые другие.

б. Морфологические варианты слова

МОРФОЛОГИЧЕСКИМИ вариантами слова являются однокорневые лексические единицы с идентичным значением, различающиеся либо аффиксальными морфемами (**голубика—голуби́га**), либо грамматическими показателями (**берлога—берло́г**), либо и тем и другим одновременно (**подпéчек—подпéчка** 'место в русской печи').

Морфологические варианты слова, различающиеся грамматическими показателями, составляют грамматические или лексико-грамматические варианты слова. У имен существительных грамматические варианты отличаются принадлежностью к родовому классу (**куст—ку́сто, наст—на́сто**), к категории числа (**сно́вка—сно́вки** 'снаряд для снования пряжи'), к типу склонения (**церковь—це́рква**); у имен прилагательных — принадлежностью к твердой или мягкой разновидности основного склонения (**дальний—дальный**); у глагола — принадлежностью к разным глагольным классам (**брехать—брехают**, I продуктивный класс; **брехать—брешут**, непродуктивный класс), разным оформлением инфинитива (**идти—идти́ть, плесть—плести**), наличием или отсутствием возвратной частицы **-СЯ** (**гулять—гуля́ться, висеть—висе́ться**).

Морфологические варианты слова, различающиеся аффиксами, составляют **ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕ-**

СКИЕ («словообразовательные») варианты слова. Среди лексико-морфологических вариантов слова различают варианты суффиксального типа (**гуси́ха—гуси́ца, топóлевый—топóльный**) и варианты префиксального типа (**загребáлка—огребáлка—сгребáлка** 'мотыга', **догадливый—сдога́дливый**).

Грамматические варианты слова специфичны для каждой части речи, что обусловлено совокупностью грамматических категорий, характерных для того или иного лексико-грамматического разряда.

Показательно, что родовые грамматические варианты в говорах, как правило, имеют лишь те существительные, форма рода которых не связана с обозначением принадлежности предмета к определенному полу. Это в большинстве своем неодушевленные существительные. Именно у таких существительных отмечены варианты, отражающие все три родовых класса имен: **ке́дер—ке́дра—кедрó** («На домови́ны кедер валили». «Ежли на кедру слазишь, куля три шишек набьёшь». «У меня кедро растёт в огороде»), **пасм — па́сма — па́смо, плёс — плёса—плёсо, стул—сту́ла—сту́ло** (Ср. примеры былых триад в русском литературном языке: **берест—береста—бересто, зал — зала — зало, перл — перла — перло, облак — облака — облако**).

«У подавляющего большинства имен существительных,— писал акад. В. В. Виноградов,— тех, которые не обозначают лиц и животных, форма рода нам представляется немотивированной, бессодержательной. Она кажется пережитком давних эпох, остатком иного языкового строя, когда в делении имен на грамматические классы отражалась свойственная той стадии мышления классификация вещей, лиц и явлений действительности». Таким образом, немотивированность формы рода большинства имен существительных русского языка является основным условием, благоприятствующим появлению родовых грамматических вариантов слова. Непосредственным толчком к их образованию служат причины языковые (фонетические, морфологические) и внеязыковые (воздействие на говоры литературного языка или нерусских языков, не имеющих категории рода). Так, из числа языковых причин, приведших к образованию грамматически вариантных слов, можно назвать такие, как развитие слоговости у конечного сонорного иноязычных

слов, оканчивающихся сочетанием согласных (литр—лѣтра, метр—мѣтра, тигр—тигра, кедр—кѣдра), различие заударных флексий -О, -Е, -А в акающих говорах (пойло—пѳйла, сито—сѣта, жниво—жнѣва, море—мѳря), принадлежность к непродуктивным типам склонения в древнерусском языке (мозоль, -и — мозоль, -я; мышь, -и — мышь, -а) и некоторые другие. Из числа неязыковых причин можно назвать влияние на говоры литературного языка, приведшее к различной адаптации многих слов в говорах (магнитофон — магнитофѳна, комбайн—комбайна, танк—танка, мотоцикл—мотоцикла), унаследование вторичными говорами лексем, имеющих разное родовое значение в материнских говорах. Так, грамматической вариантностью ряда слов вторичные среднеобские диалекты обязаны материнским говорам, например, задѣв—задѣва (задѣв — симбирское, задѣва—архангельское), скально—скальня (скально—архангельское, тобольское, скальня — нижегородское, симбирское) и др.

Грамматические варианты существительных, различающихся принадлежностью к типу склонения, пополняются за счет тех родовых грамматических вариантов, один из которых является существительным ж. р., а другой — м. или ср. р. Например, исток — истѳка, пальма — пальмѳ 'род охотничьего ножа', свѳрток—свѳртка 'поворот в сторону от большой дороги'. В тех же случаях, когда грамматические варианты характеризуются одной и той же формой рода, их принадлежность к разным типам склонения может быть объяснена тенденцией к унификации типов склонения, которая еще действует в говорах русского языка, не скованных нормализацией (болезнь—болѣзня, жизнь—жѣзня). (Ср. в литературном языке—басня, песня и старые формы: баснь, песнь).

Таким образом, грамматические варианты имен существительных являются иллюстрацией различных тенденций, действующих в языке. Причины, порождающие грамматическую вариантность субстантива в диалектах, связаны с фонетическими, морфологическими, историкоязыковыми явлениями.

Грамматически варианты прилагательные в говорах различаются принадлежностью к мягкой или твердой разновидности основного склонения: верхний — верхный, здешний — здешный, дальний — дальний. Вариант-

ность прилагательных с твердой и мягкой основой — явление с давней историей в русском языке: оно зафиксировано в древнерусском языке, широко было известно языку XIX в., отмечается в современном литературном языке. Но если в литературном языке грамматическая вариантность прилагательных идет на убыль, то в говорах она устойчиво сохраняется.

Лексико-морфологические варианты слова, как и грамматические, также специфичны для каждой части речи, поскольку они связаны с набором аффиксов, свойственных определенному лексико-грамматическому разряду.

Лексико-морфологическое варьирование существительных наблюдается в говорах среди названий лиц и животных (запевала—запева́ха, медвежи́ха—медвежи́ца), среди обозначений ягод, лесных массивов (брусника—брусни́ца, березник—березняк) и других групп лексики. Варьируются в говорах прилагательные (цветистый—цветастый, горлы́стый—горластый 'крикливый'), глаголы (говорить—говорéть, ворожить—вороже́ть).

Причины, порождающие лексико-морфологические варианты слова разных частей речи, могут быть общими и специфичными. В числе общих условий, способствующих лексико-морфологическому варьированию слов в области всех частей речи, следует прежде всего назвать:

а) Наличие тождественных по значению аффиксов и моделей в сфере диалектного словообразования. Это можно проиллюстрировать на примере словообразовательной модели со значением 'название ягоды':

Производящая основа	голуб(ой)	чёрн(ый)	землян(ой)	костян(ой)
Модель				

Прил. + —ИК(а)	голубика	черника	земляника	костяника
Прил. + —ИГ(а)	голубига	чернига	землянига	костянига
При. + —ИЦ(а)	голубица	черница	земляница	костяница
Прил. + —ИХ(а)	голубиха	—	—	—

Такой же параллелизм словообразовательных моделей приводит к вариантности прилагательных, наречий и глаголов.

б) Вариантность мотивирующих основ (цвѣтѡвый /от цвет/ — цвѣтковый /от цветок/, огневѣще /от огневой/ — огнище /от огонь/ в знач. 'костѣр', кедѣрник /от кедр/ — кедровник /от кедровый/).

в) Воздействие на говоры литературного языка (утрешний—утренний).

г) Взаимодействие говоров.

Помимо общих причин к возникновению лексико-морфологических вариантов слова приводят причины, специфичные для каждой части речи. У существительных, например, вариантность порождается десемантизацией уменьшительных и уменьшительно-ласкательных суффиксов: игла—иголка, облас—обласѡк 'долблѣная лодка', наплѡв—наплѡвѡк 'поплавок', князь—князѣк 'гребень двускатной крыши' (ср. в литературном языке—нож—ножик, сельдь—селѣдка). Лексико-морфологические варианты существительных пополняются также за счет появления образований с более развернутой морфемной структурой, что обуславливается тенденцией к структурно-семантической мотивированности слова (сват—сватѡн, эвенк—ѣвенец, партизан—партизанец).

в. Лексико-семантические варианты слова

При лексико-семантическом варьировании слова, не нарушая его тождества, видоизменяется значение, а звуковая оболочка остается неизменной. Лексико-семантическое варьирование слова является реализацией его многозначности, т. е. употребления одного и того же звукового комплекса для обозначения различных предметов (понятий, признаков, действий, состояний и под.), что становится возможным потому, что язык «избирает» такие стороны или свойства этих предметов, которые могут быть названы одним и тем же словом.

Лексико-семантическая вариантность слова (или его многозначность) составляет существенную черту всех языков мира. Ученые называют ряд факторов, способствующих возникновению лексико-семантических вариантов слова в языке:

это и ограниченность ресурсов языка, не позволяющая создавать безграничное количество слов для обоз-

начения новых понятий при определенном составе фонем и ограниченных возможностях их сочетаемости;

это и ограниченность «запоминающего устройства» человеческого мозга;

это и объективное сходство предметов и явлений внешнего мира, приводящее к обозначению новых понятий уже существующими в языке словами;

это и стремление человеческого мышления к отражению названного сходства, находящее то же языковое выражение;

это и тенденция к мотивированности слов, проявляющаяся в разных формах, и некоторые другие. Все это в совокупности порождает обилие лексико-семантических вариантов в языке и его диалектах.

Пути возникновения лексико-семантических вариантов слова в говорах разнообразны, но основным и определяющим, как и в литературном языке, является способ развития разного рода переносных значений.

Лексико-семантические варианты имен существительных часто представляют собой результат переноса названия с одного предмета на другой на основе их сходства по характерному признаку, свойству, качеству (болóнь 'верхние слои дерева, лежащие под корой' и — 'подкожный слой мяса', забóка 'лес вдоль берега реки' и — 'место, расположенное сбоку по отношению к чем-л.'),

на основе внешнего сходства обозначаемых предметов по форме (балабóлка 'наземный плод картофеля' — и 'поплавок круглой формы', скирда 'скирд' и — 'глыба снега на крыше'), по функции, назначению (боёк 'бьющая часть цепа', 'шест для сбивания кедровых шишек' и — 'огромная колотушка—орудие кедрового промысла', вязка 'бечёвка' и — 'соломенный жгут для связывания снопов').

Одним из распространенных способов возникновения лексико-семантических вариантов существительных является метонимический перенос — перенос на основе смежности, обычно пространственной, реже — временной и логической (байра́к 'овраг' и — 'ручей в овраге', крóсна 'ручной ткацкий станок' и — 'нитяная основа, натянутая на ткацкий станок', выть 'пища, еда, взятые с собой' и — 'промежуток времени между приёмом пищи').

Семантически варианты существительные возникают в говорах на основе переноса названия с целого на его часть, и наоборот (**изба** 'крестьянский дом' и — 'первая комната в крестьянском доме с русской печью', **подво́лка** 'лыжа с подбоем, обычно из оленьей шкуры' и — 'подбой у лыж').

Основным путем образования лексико-семантических вариантов у диалектного глагола, как и у существительных, является перенос названия действия, состояния по тому или ному сходному признаку на другое действие:

на основе сходства результатов действия (**прибить** гвоздь и — 'утомить, измучить'; **опалить** огнем и — 'заморозить траву, злаки');

на основе сходства совершаемого действия (**брать** 'собирать /о грибах/' и — 'дергать /о льне, конопле/'; **га́ркать** 'звать, подзывать, обычно с близкого расстояния' и — 'приглашать');

на основе метонимических отношений (**забура́нить** 'начаться буряну' и — 'занести снегом', **гоноши́ть** 'заботиться, хлопотать' и — 'сохранять, копить');

на основе метафорических связей, образных ассоциаций (**расча́вкать** 'разжевать' и — 'разъяснить', **у́ркать** 'издавать звуки /о белке/' и — 'ворчать').

Пути и способы возникновения вариантов слова на базе метафорических и метонимических ассоциаций в диахронии обусловили типы смысловых отношений в синхронии. Отношения метафоричности, метонимии, целого и его части, материала и продукции из него и т. д. пронизывают семантическую сферу многих языков мира. Однако лексический состав, вовлекаемый в область определенных смысловых отношений, не носит «общечеловеческого» характера. Так, отношения метафоричности в лексике животных (**осёл** 'животное' и — 'упрямый человек'), известные ряду индоевропейских языков и диалектов, не знает китайский язык. Что касается лексико-семантической системы конкретного говора, то особенность ее составляет не сам набор типовых смысловых отношений лексико-семантических вариантов слова, а лексическое наполнение соответственных вариантных единиц. Некоторые иллюстрации (см. схему 3).

Немало слов говора характеризуется разветвленной сетью лексико-семантических вариантов. Например,

глагол **выйти** в говоре д. Быкова Тюменской области имеет двенадцать значений: 1) 'оказаться где-л., появиться где-л. кому-л.' («Вышла на улицу сени закрывать»); 2) 'выбыть из состава какого-л. коллектива' («Вошёл в коммуну, а потом вышел из нее и ушел на производство»); 3) 'брать начало откуда-л. (о водном источнике)' («Исток из озера вышел») и т. д.

	Литературный язык		Красноярский говор
заяц	'животное' 'безбилетный пассажир'	заяц	'животное' 'косоглазый человек' 'хитрый человек'
волк	'животное' 'опытный моряк'	волк	'животное' 'злой, жестокий человек'
медведь	'животное' 'неуклюжий неповоротливый человек'	медведь	'животное' 'злой, илюдый человек'
юла	'детская игрушка' 'вертлявый человек'	юла	'детская игрушка' 'хитрец' 'непоседа'

Схема 3

Различные виды варьирования слова занимают разное место в лексической системе говора. Соответствующие статистические исчисления проведены на материале группы новосибирских говоров в объеме словника в 4000 единиц. Итог: в отношении лексико-семантического варьирования находится 1800 слов, т. е. 45% от общего числа единиц словника, в отношении лексико-фонетического варьирования — 400 единиц, т. е. 10%, в отношении морфологического варьирования — 120 единиц, т. е. 3%; всего вариантных слов от общего числа элементов словника — 58%. Эти исчисления показывают, что явление вариантности слова составляет одну из существенных черт системы современного говора.

§ 2. Мотивированность слов

МОТИВИРОВАННОСТЬ — это свойство слова, связь звучания и значения которого объяснима посредством соотнесения данного слова с однокорневыми и/или одноструктурными образованиями.

Так, рациональность связи значения 'роща или лес, состоящий из одних берез' со звучанием **березник** осознается за счет соотносительности со словом **берёза** (**березник** — лес из **берёз**) — это результат соотносительности лексических единиц с одним и тем же корнем, что обеспечивает их семантическую общность (сема 'берёза') и выявляет лексическую мотивированность слова; с другой стороны, связь данного значения с звуковой оболочкой **березник** осознается посредством соотнесения его морфемной структуры **берез-ник** с одноструктурными образованиями типа **ельник** (лес из елей), **осинник** (лес из осин), **рябинник** (лес из рябин) и под., содержащими сему 'лес, роща', — это результат структурной соотносительности слова, в итоге чего выявляется структурная мотивированность слова.

Схема 4

Таким образом, существует два типа мотивированности: лексическая мотивированность (**БЕЛизна**, **ГОЛУБоватый**, **СИНить**) и структурная мотивированность (**белИЗНА**, **голубОВАТЫЙ**, **синИТЬ**).

Соотношения однокорневых лексических единиц, обнаруживающие лексическую мотивированность слов (**берёзовица** — **берёзовый сок**) суть отношения лексической мотивации, соотношения же одноструктурных единиц, выявляющие структурную мотивированность слов **пастух** — тот, кто пасёт /скот/, **конюх** — тот, кто ухаживает за лошадьми) суть отношения структурной мотивации.

Мотивирующие единицы являются мотиваторами: однокорневая мотивирующая единица — лексический мотиватор, одноструктурная единица — структурный мотиватор.

Слова в их отношении к мотивированности делятся на мотивированные (берез-ник), полумотивированные (говядина, ср.: баранина, свинина) и немотивированные (стол, туча).

Отличительный признак мотивированных слов составляет осознаваемое носителями языка (говора) мотивационное значение, которое представляет собой значение, или синтез значения составляющих слово морфем. Мотивационное значение выявляется на основе отношений лексической и структурной мотивации: на базе отношений лексической мотивации осознается значение корневой морфемы, на базе отношений структурной мотивации — значение аффикса (форманта). Так, мотивационное значение слова **березник** осознается как 'лѣс (из) берез', мотивационное значение слова **голубика** осознается как 'голубая ягода' и т. д. Причем мотивационное значение одного и того же слова может осознаваться по-разному, в зависимости от того, с какими мотивирующими словами соотносится данное слово. Например, слово **черника** и его формальные варианты (**чернига, черница**) в значении 'ягода кустарничка черники' в русских говорах Среднего Приобья соотносят не только со словом **чёрный** 'тёмный', но и с его лексико-семантическим вариантом **чёрный** 'грязный, испачканный' и их производными — **черненький, счерна, чернеть, чернить**. В связи с этим мотивационное значение данного слова осознается носителями диалекта то как 'черная ягода' («Чернига мельче, она растет на маленьких кустиках. Чёрна такá ягода»), то как 'ягода, /которая/ чернеет' («Черника чернеет в августе»), то как 'ягода, /которая/ чернит, /делает/ черным' («Черника — синяя угода, чернит: её ешь, и руки, и губы, зубы—всё черное». «Ещё черника есь, и потому что её поешь коды, весь рот чёрный—чёрный») и т. д. Сказанное можно представить в виде схемы 5.

Одни и те же слова (это слова общерусские) могут характеризоваться неодинаковой степенью мотивированности в литературном языке и диалекте. Так, полумотивированное в литературном языке слово **брус-**

ника (брус-?) в кемеровском говоре является полностью мотивированным: «*Брусника*, она *брусна*, как много ягод на ней, *брусно*, и назвали ее поэтому брусника». То же характерно и для слова *калина*, мотивационное значение которого воспринимается как '/как бы/ раскаленная ягода': «*Калина* ..., осенью кода́ ее посмотришь, она как горит, *раскаленная как*».

ЧЕРНИКА 'ягода черники'

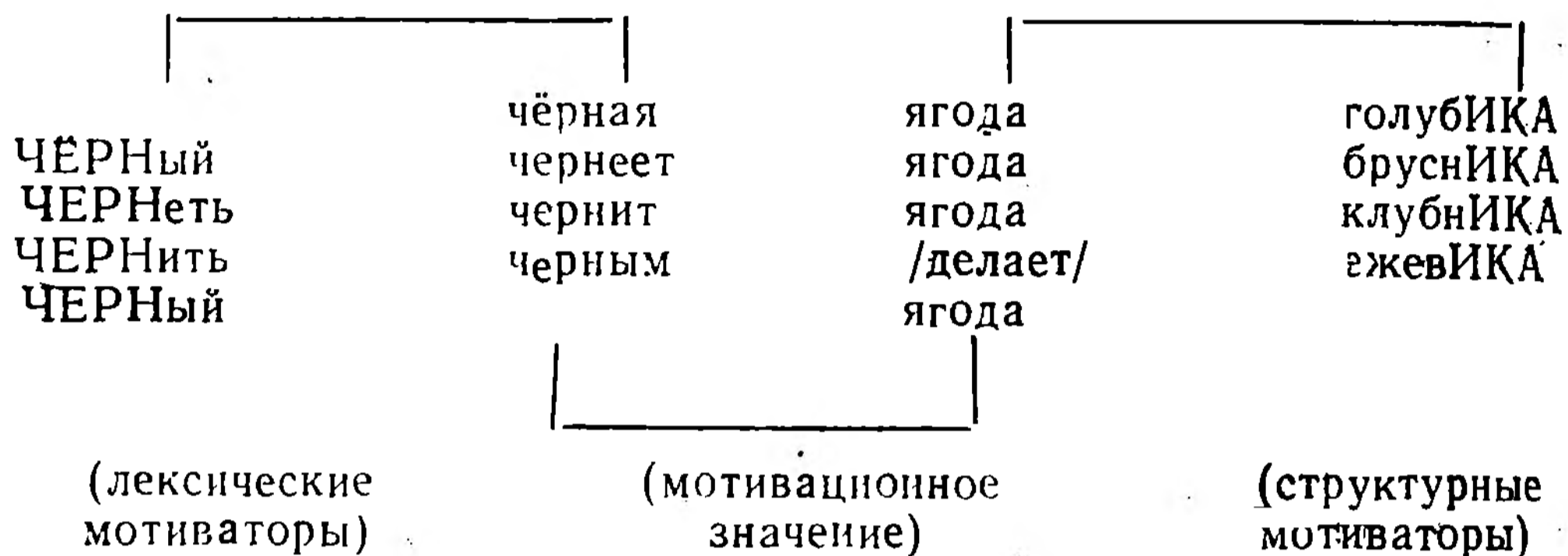

Схема 5

Как известно, соотношение мотивированных и немотивированных слов в разных языках мира различно. Высокой степенью мотивированности словарного состава характеризуются славянские языки, немецкий язык, в меньшей степени это свойственно романским языкам, английскому языку.

В современном русском литературном языке мотивированные слова составляют 69—70%. Чуть выше процент мотивированных слов в лексиконе диалекта (в среднеобских говорах он равен 73%, причем в составе собственно диалектной лексики говора он достигает 83%).

Высокий процент мотивированных слов диалекта создает предпосылки для постоянной и частой актуализации мотивационных отношений в речи. Некоторые примеры: «А горшки делал горшечник, Андрей его звали». «Из грибов — наберёшь да засушишь — к Великому посту грибовницу варишь». «У меня нынче гусей нет: гусицу заколола». «Тёмень найдет и пройдёт, а обложник обложит и солнце не показывается: дожжит и дожжит». В диалектной речи, как и в литературной, чаще реализуются отношения лексической мотивации (см. вышеприведенные примеры), реже — отношения структурной мотивации («Чежёла была работа в девках: дояркой, пояр-

кой,, рыбаком была»), ещё реже — отношения лексической и структурной мотивации одновременно («Тогда ведь *гармони* перва музыка была, в выходной с *гармониками* гуляли: за *гармонистом* народу полно. А потом уж /стали/ *баянисты*»).

Актуализация мотивационных связей слов имеет разную обусловленность. Помимо тех случаев, когда мотивированные слова и их мотиваторы являются единственным обозначением соответствующих предметов (отсюда актуализации таких слов неизбежны и не имеют особой целевой установки), актуализация мотивационных отношений может быть связана с необходимостью или желанием охарактеризовать предмет речи по его функции, назначению, отличительному свойству. Примеры: «*Это сеяльница*, в ней муку *сеют*». «*Бродни* — сапоги, в воде *бродим*». «Вон на палку сделают *метло*, *метут* в огороде». «*Серебристка* (цветок) — на воду положишь, *серебрится*».

Актуализация отношений мотивации наблюдается при объяснении того или иного названия, обычно локального, через прояснение его мотивировочного признака: «*Голубенка* — ягода такá есть. *Голубеника* — потому она *голубая*. *Земляника* — низко растёт от *земли*». «*Красный мох* — *кокушечник*, он цветёт, когда *кокушка* поёт».

Мотивированные слова с их мотиваторами используются для стилистического разнообразия, во избежание повторов одного и того же слова: например, *кожаный* — из *кожи* («*Чарки*, как *бахилы*, тоже из *кожи*, *бродни* — тоже сапоги, только у них *голяшки* длинные, тоже *кожаны*»), *коровёнка* — *корова* («*Хорóша* *корова* была. С тех пор и не можем достать путной *коровёнки*»), *корзинка* — *корзиночка* («На поле идут, пищу берут с собой, *корзиночки* — в них еда. *Корзинки* из прутьев»), *корешок* — *корень* («В *Мохово* был *мужичок* такой, *выдергивал* /себе/ *зубы*, не боялся. Стал я дергать и *повыдергал* всё. *Выдернул* с мясом. *Корешок* внизу остался, *корень* и теперь сидит»).

Использование мотивированных слов с их мотиваторами в разного рода повторах, тавтологических сочетаниях нередко создает яркий эффект образной экспрессии: «Как он плакал об ей, *рёвушком* *ревел*». «Урожай, да он к югу идёт, с западу идёт, а ежели нет урожая, дак

моли — замоли — сё равно нет». «Дождь дождит — Фома сено косит, а дождь перестал — Фома под куст стал».

Мотивированные слова, выступая в роли уточняющих синонимов, способствуют не только созданию образной речи, но и особой ее выразительности: «Щенёнок лаёт, тьякает». «Раньше лучину жгли, смолину — щепка смолиста». «Колокольчики были у дуги, или звонки».

Если согласиться с тем, что слагаемыми образности являются такие компоненты, как конкретность, наглядность, красочность в их совокупности, то безусловно образны такие мотивированные слова диалекта, как *бархатник* 'растение медуница с мягкими < как бархат > листьями', *снежинка* 'комнатное растение колокольчик с белыми < как снег > нежными цветками', *горихвостка* 'птица из семейства дроздов с рыже-красным < как бы горящим > хвостом', *невеста* 'растение ромашка полевая с белыми < как платье невесты > лепестками'. Наглядностью отличаются многие слова диалекта, мотивировочный признак которых выражен не ассоциативно, как в вышеприведенных примерах, а непосредственно: *серогной* 'затяжной дождь', *зазимок* 'начало зимы', *ростань* 'перекресток дорог', *остожье* 'изгородь вокруг стога', *ветреница* 'палка, ветвь на стогу, чтобы сено не разносило ветром'. Очевидно, имея это в виду, Н. В. Гоголь сказал: «Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок! Всё зернисто, крупно, как жемчуг. И, право, иное название драгоценнее самой вещи!».

Функциональную направленность имеют не только факты актуализации отношений лексической мотивации (см. выше), но и структурной. Так; актуализация в диалектной речи отношений структурной мотивации отмечена в таких функциях:

а) в функции информативной: «На гриве тут по березнику да осиннику всё бёлы грибы». «Рубахи шили когда холшовы, ситцевы, платья у мамы были кашемировы»;

б) в функции перечисления: «Маслянки есь, синявки, пенянки — на пнях растут больше». «Сети есь: карасёвка, окунёвка, ельцовка». «Виды бывают двоерожки, троерожки, всяки бывают». «Её /рыбу/ и нажарят, и насолят и накоптят»;

в) в функции сопоставления или противопоставления: «Берёзовик родится больше, где березняк, боро-

вик — в бору растёт». «Не лесники, а охотники лист заготавливают». «Палка, за которую держат, длинная, у граблей — граблёвище, а у косы — косёвище». «Пошли мы не лётником, а зймником»;

г) в функции сравнения: «Ельцовка, она, как режовка. Ельцовка двухперстовая, режовка — трехперстовая». «Тужурки носили, они, как москвички»;

д) в функции уточнения: «Чулки вязали, носки, кáтанки катали. Кáтанки, ну, валенки ли». «Умрёт — положат в домовину, а потом на могилище, или на кладбище, говорят»;

е) в экспрессивной функции. Одинаковая или сходная структурная оформленность слов создает своеобразный эффект внутренней рифмы, которая способствует экспрессии: «Ох, уж как только не жили: и голодовáли, и холодовáли. Да и вспомнить-то, так и страсть берёт». «Остались, как рак на мели: и голодовали, и холодовали». «На ети (сети) вяжешь всяки игрушки, бенделюшки, побрякушки. Стукотóк, громóток — рыба шарáхатся». Усиление выразительности речи достигается в тех случаях, когда структурными мотиваторами являются собственно экспрессивные слова: «А нóнче бураны большй были, морозíна, бурáнина, как завьюжит!» «А морозина, а холодíна!»

С явлением мотивированности слова в диалекте, как и в литературном языке, связаны различные лексические процессы. Одни из них приводят к сокращению числа мотивированных слов, другие — к его увеличению.

Одним из процессов, приводящих к утрате словами мотивированности, является демотивация. Демотивация как процесс не имеет активного, самостоятельного характера, а как выяснено, представляет собой следствие действия других процессов — лексических, фонетических, морфологических, которые в конечном итоге ведут к полной или частичной утрате словом мотивированности. Например, различные фонетические процессы, осуществляющиеся в языке и его говорах (ассимиляция, диссимиляция, метатеза и т. д.), видоизменяют звуковую оболочку слов, что создает препятствие для звуковых ассоциаций мотивированного слова и его лексического мотиватора. В результате утраты мотивационных отношений происходит утрата мотивированности слова. Так, подверглось демотивации слово блин в итоге мены М/Б

из млинъ 'приготовленный из молотого, т. е. из муки', претерпело процесс демотивации слова завтра из заутра и др.

Под воздействием лексических процессов (утрата слов) произошла демотивация таких лексем, как печаль (исчезло в литературном языке и многих говорах пѣча 'забота'), вьюга (от вьять 'веять'), черёмуха (от исчезнувшего черёмый 'тёмный'), брезжить (утратилось брезг 'рассвет').

Демотивация как процесс не оказывает решающего влияния на соотношение мотивированных и немотивированных слов языка. По имеющимся данным количество слов, утративших лексическую мотивированность за всю историю русского языка, сравнительно невелико: оно приближается к 2 000 единиц.

К увеличению числа немотивированных слов приводит заимствование лексических элементов из других языков. Например, в оренбургских говорах пополнен состав немотивированных слов заимствованиями из тюркских языков: аръян 'кислое молоко, разведенное водой', турсук 'кожаный мешок', махан 'варёное мясо' и др. Забегая вперёд, следует отметить, что часть иноязычных слов в народно-разговорном языке подвергается различным преобразованиям, переводящим эти слова в ряд мотивированных слов (бульвар → гульвар, кроншнеп → кроншлёп).

Но наряду с тенденцией к немотивированности языкового знака существует противоположная тенденция — тенденция к воссозданию и развитию мотивированности, которая находит свое выражение в ремотивации — процессе создания или воссоздания мотивированности слова на основе установления им мотивационных отношений.

Ремотивация может быть лексической и структурной, в зависимости от типа созданной мотивированности.

Явление лексической ремотивации (создания или воссоздания лексической мотивированности) известно многим языкам, в том числе и славянским. В польском народно-разговорном языке, например, выявлено около 1 000 слов, подвергшихся лексической ремотивации. Русские говоры дают дополнительный материал к уже известным в лингвистике примерам: линь → лень — ленивый («Лень — такá рыба ленивая, в озёрах жи-

вет»), сварливый → сверли́вый — сверлить («Сверлит, сверлит его потихоньку, такá сверли́ва»), бастрѣк 'жердь для укрепления сена или снопов на возу' → *вострик* — *острый*, спекулянт → *скупилант* — *скупать*, обрат 'обезжиренное сепаратором молоко' → *обрак* — *брак*, критика → *крѣтика* — *крыть* 'бранить, ругать', кле-вать → *клювать* — *клюв* и под.

Лексическая ремотивация может и не приводить к звуковым преобразованиям слова. Процесс может заканчиваться на стадии установления словом мотивационных отношений с лексическими единицами, с которыми у него не было ранее словопроизводственной связи. Так, иноязычное слово **каротель** (от лат. *carota* — морковь) и его производное **каротелька** в томских говорах установило отношение лексической мотивации со словами **короткий**, **коротенький** («Каротелька — сорт морковки, она как обрублена, коротенька») и приобрело лексическую мотивированность (**КОРОТель**, **КОРОТелька**); слово **чарки** 'кожаная обувь на мягкой подошве без голенищ' (в произношении **чирки**; ранее заимствование из тюркских языков) носители иркутских говоров мотивируют словом **чѣркать** 'шаркать' («Бабѣнки всё боле в чирках бегали. Чѣркат в них весь день»); слово **жито** 'зерно' (общеславянское производное от *жити*) в говорах средней Оби соотносится с **жать** («Жито — вот это зерно гля кур. Ну, вот раньше руками жали, вот он и называется жито»).

Процесс структурной ремотивации проявляется в том, что слово, структурно немотивированное или недостаточно мотивированное (с точки зрения носителей языка, диалекта), получает путем «наращения» аффикса или его «замещения» структурную мотивированность. Причѣм структурная соотносительность данного слова с другими словами, как правило, осуществляется на базе конца слова и того категориального значения, которое имеет словообразовательная модель с определенным концом слова.

Структурная ремотивация охватывает разные категорий слов. Так, в различных говорах русского языка воздействию этого процесса подверглись субстантивированные прилагательные, которые в отличие от собственно существительных не обладают достаточной выраженностью категориального значения (**лесовѣй** 'лес-

ник' → лесовщѣк, лесной 'леший' → лешак, женска 'женщина' → женчина, ссыльный → ссыльный и ссыльщик, прихожая → прихожка), действию этого процесса подверглись и собственно существительные (фотограф → фотографѣст, рестант 'арестант' → рестанец, партизан → партизанец, эвенк → эвенец, сват → свату́н и сватовщѣк, драка 'забняка' → драку́н, отбой → отбойка и отбойник, ухват → ухватник, тополь 'ива' → тополи́на, ли́ства 'лиственница' → листвѣна, каргы́з 'мелкий хвойный лес на болоте' → каргы́зник, куко́ль 'сорняковое растение' → кукольник). Как видим, вторые компоненты вариантных пар отличаются или приобретенной структурной мотивированностью, или большей прозрачностью структуры. Так, в образованиях с суффиксами -ЕЦ, -УН, -ИСТ выражена сема 'лицо, деятель', в образованиях с суффиксами -К(а), -НИК выражена сема 'предмет, орудие действия' — с суффиксом -ИН(а) сема 'дерево', — с суффиксом -НИК — сема 'растение', 'совокупность растений' и т. д.

Структурная ремотивация осуществляется не только посредством «наращения» аффикса у слов структурно немотивированных или слабо мотивированных, но и путем внутрисловного преобразования, которое имеет: а) форму народно-этимологического преобразования, когда ранее нечленимое слово в итоге морфологических ассоциаций, видоизменив звучание, становится членимым (мебель → не-бель, рекрут → не-крут, дифтерит → дифтер-ѣк) и б) форму «замещения» иноязычных аффиксов исконно русскими (планировать → план-ова́ть, анатомировать → анатом-ить, спекулировать → спекуля́ничать, демобилизоваться → раз-билизова́ться).

Другой процесс, увеличивающий в говорах число мотивированных слов, — неомотивация. Действие его направлено на создание в диалекте мотивированных слов-параллелей к эквивалентным по значению немотивированным иноязычным словам или к исконно русским, утратившим мотивированность: алѣй 'алѣя' → до́хтур («Дохтур — это алѣя, а мы его дохтуром зовѣм: он шибко помогáт»), мизгѣрь 'паук' — сетнѣк («Мизгѣри, они везде бывают: и дома, и в лесу. Сетником называют: и в лесу, и дома сети натягивает»), крапива → ожáльник, говядина → коровя́тина, полати → лё́жки, портсигар → протаба́шница, ромашка — сенокóсник, очки → глазнѣкѣ, дерево → лесѣна).

Класс мотивированных слов в диалектах пополняют многочисленные новообразования, например, **откорó-виться** 'лишиться коровы', **клубщик** 'завклубом', **бригадёрить** 'быть бригадиром', **зеновóдить** 'руководить звеном', **кинщик** 'киномеханик' и другие.

Таким образом, из числа рассмотренных процессов— процессы ремотивации, неомотивации — свидетельствуют о существовании активно действующей тенденции к мотивированности языкового знака. Особенно ярко эти процессы проявляются в диалекте.

§ 3. *Синонимия*

Говоры, как и литературный язык, характеризуются синонимическим богатством. Так, в томских говорах только в составе непредметной лексики обнаружено 80 синонимических групп, включающих свыше 1000 слов; в горьковских говорах только в речи старшей возрастной группы носителей говора выявлено 170 рядов и пар синонимов; в воронежских говорах проведено наблюдение над 215 синонимическими парами и рядами слов разных частей речи; в новосибирских говорах выявлено 300 синонимических рядов.

В работах по диалектной лексикологии наиболее принятым является определение синонимов как слов с тождественным или близким значением, различающихся семантическими либо экспрессивно-стилистическими оттенками. Отсюда в составе синонимов в зависимости от характера различий выделяется три разновидности: а) синонимы абсолютные, или дублиеты,— с тождественным значением, б) синонимы относительные, или семантические,— с близким значением, в) синонимы экспрессивно-стилистические, различающиеся экспрессивно-стилистической окраской,— это различие может сопровождаться смысловыми различиями.

Синонимия в говорах, как и в литературном языке, является важным стилистическим средством. Оно служит не только для передачи тончайших нюансов мысли, но и позволяет разнообразить речь, делая ее яркой и выразительной. В небольшом речевом контексте можно наблюдать удивительное для устной речи разнообразие синонимического употребления. Несколько иллюстраций.

Синонимический ряд с доминантой умереть. «Болесь была, люди умирали, я маленько не упокойнилась, не кончалась». «Она бедна, столь горя хлебнула дак ой: за месяць пять детёв умерли, три дак один за одним кончались, одного на стол моют, другой — с души спушшáтсья».

Синонимическая группа с доминантой беспокойный 'крикливый /о ребенке/'. «Полорóтый, беспокойный, по-настоящему, зевлáстый, был ребёнок».

Синонимический ряд с доминантой говорить. «Я старинный человек, всё по-старому говорю. Новые слова не знаем, а по-своему лепечем». «Да, долго племянник мой гостил там. Золото копал он. Толкуют дома, что не живой уж он». «Ну, чё еще балакать будем? Старик у меня был мастер сказки сказывать. Бабка — удмуртка тут живет. Смешно калякает».

Особый интерес вызывает обилие в диалекте абсолютных синонимов, которые редки в литературном языке. Данное явление объясняется многими причинами (об этом ниже), но внимания заслуживает другое — факт их длительного функционирования в диалекте. По мнению исследователей, дублиеты в говоре не свидетельствуют об избыточности диалектных лексических систем, а представляют собой естественное порождение живой речи и необходимы для стилистического ее разнообразия. Кроме того, многие дублиеты различаются в функциональном плане: характеризуются разной частотностью, различна их сочетаемость. Например, различной сочетаемостью обладают компоненты синонимического ряда с общим значением 'много' в ангаро-ленских говорах — дивно — дополна́ — людно — свалóм. Синонимы дивно и дополна имеют широкую сочетаемость. Они вступают в связь с одушевленными и неодушевленными существительными («Ну да дивно было народу-то». «Огурцов-то дивно». «Оне начали отступать, а белых-то дополна было». «Денег получил дополна»). Людно сочетается лишь с одушевленными существительными («Тут из деревни-то людно брали». «Сёгоды на покосе людно собак-то»). Свалом не употребляется с существительными одушевленными и существительными, обозначающими жидкости («Денег свалом старик получил». «Картошку продавать буду, свалом накопала»).

Употребление слов-дублетов в говоре связано с необходимостью «языкового перевода» в тех случаях, когда диалектоноситель вступает в общение с человеком, владеющим другим местным диалектом или литературным языком. Примеры из рязанского говора: «Вывелись у меня *касаточки, ласточки*». «Домой уж приду, устану, сделаюсь *хворая, больная*». «Дай *ухват!* /— Какой ухват?/ — Да, по-вашему, *рогáч*. Я глазки *вытрéскала* — не слыжала такого слова».

Обычно такой перевод осуществляется при помощи вспомогательных слов *вроде, вроде как, значит, по-вашему, по-городскому, по-культурному, ну, или и под*. «Приходят *парáтить* молоко ... Ну, *сепарировать*». «*Устóсаться устóсаешься, ну уморишься, так раньше устосаешься, что ноги пухнут*».

Слова-дублеты могут использоваться для стилистического разнообразия: «Из *сýницы* варенье варим, а по мне так клубничное лучше. Клубника, она кругленькая, а *земляника* остренькая». «*Волк* приходил. Ох, вот тебя *бирюк* съест!». «Там был овин — молотить... Снопы переворачивают, один *бок* обмолотят, потом обтрясёшь, на *другу сторону* переворачивают».

Абсолютные синонимы отражают нормативно-стилистическую, возрастную дифференциацию лексики диалекта, связанную с воздействием на говор литературного языка. Примеры: «Как бойкий растёт, так *фулюгáн* зовут теперь, по-культурному, а раньше — *грез*: грезит сильно». «Теперь чердаком зовут, а раньше *потолок*». «*Потолок* по-научному называют *чердак*».

Диалектную синонимию порождает ряд причин. Главная из них — необходимость удовлетворения нужд повседневного общения коллектива в разнообразных жизненных сферах — бытовой, производственной и др. Синонимия возникает в итоге номинации одних и тех же реалий с использованием разных мотивировочных признаков (*мотыга — загребáлка — подбивáшка*); вследствие «закона притяжения синонимов», который способствует появлению эмоционально-экспрессивных синонимов, пополнение рядов которых стимулируется процессом де-экспрессивизации — затухания, ослабления экспрессивности слова вследствие длительного употребления его (*болтунья — ляпалка — дребезгá — краснобайка — пус-*

тогра́йка; **наесться** — **набула́ниться** — **налупиться** — **нагвозди́ться** — **намулы́ндаться** — **натре́скаться**); диалектную синонимию питают разного рода заимствования — иноязычные, инодиалектные, городского просторечия и других языковых форм.

Иноязычные заимствования в составе диалектной синонимии — явление широко распространенное. В любом русском говоре имеются ряды и пары синонимов, один из компонентов которых составляет иноязычное слово, вошедшее в говор в результате межъязыковых контактов. Например, в иркутских говорах это эвенкийские и бурятские заимствования в составе синонимических пар: **суха́нка** 'суп из сушеной рыбы' — **по́рса** (эвенк.), **крапи́ва** — **галаха́й** (бурят.), **мохна́шки** 'рукавицы мехом наружу' — **коко́лды** (эвенк.).

Постоянное воздействие на говор литературного языка также приводит к возникновению большого количества синонимических пар и рядов, особенно в последние десятилетия. Влияние литературного языка на воронежский говор привело к образованию дублетов: **чердак** — **потолок**, **лужа** — **болото**, **жакет** — **костюм**.

Чередки в говоре заимствования из городского просторечия, порождающие синонимию лексем диалекта (**живот** — **пузо** — **баба́н**).

Инодиалектные заимствования в составе синонимических групп особенно характерны для говоров переходной полосы, говоров межзональных диалектных групп, говоров территорий позднего заселения, т. е. тех регионов, где междиалектные контакты достаточно интенсивны.

3. Типы диалектных лексических различий

Проблема типологии лексических различий диалектов — одна из центральных и одновременно специфичных проблем диалектной лексикологии. Изучение ее имеет большое значение для глубоко научного понимания структуры национального языка в его территориальной варьированности, для определения особенностей диалектного языка в отличие от литературного, для выявления специфики диалектной лексической системы, для верного представления о характере единства диалектного языка, для изучения диалектного членения языка и выявления группировок говоров по данным лексики и т. д.

Изучение диалектных лексических различий — задача исключительной трудности, что во многом предопределяется сложностью объекта анализа — лексики диалектов, для которой характерны: а) неконечное число элементов (лексем), в отличие от фонетики, грамматики; б) тесная связь с внеязыковым миром, а он различен на разных территориях употребления диалектного языка; в) неодинаковая лингвистическая сегментация реальной действительности в разных диалектах; г) нестрогий характер системной организации словаря. Прокомментируем сказанное.

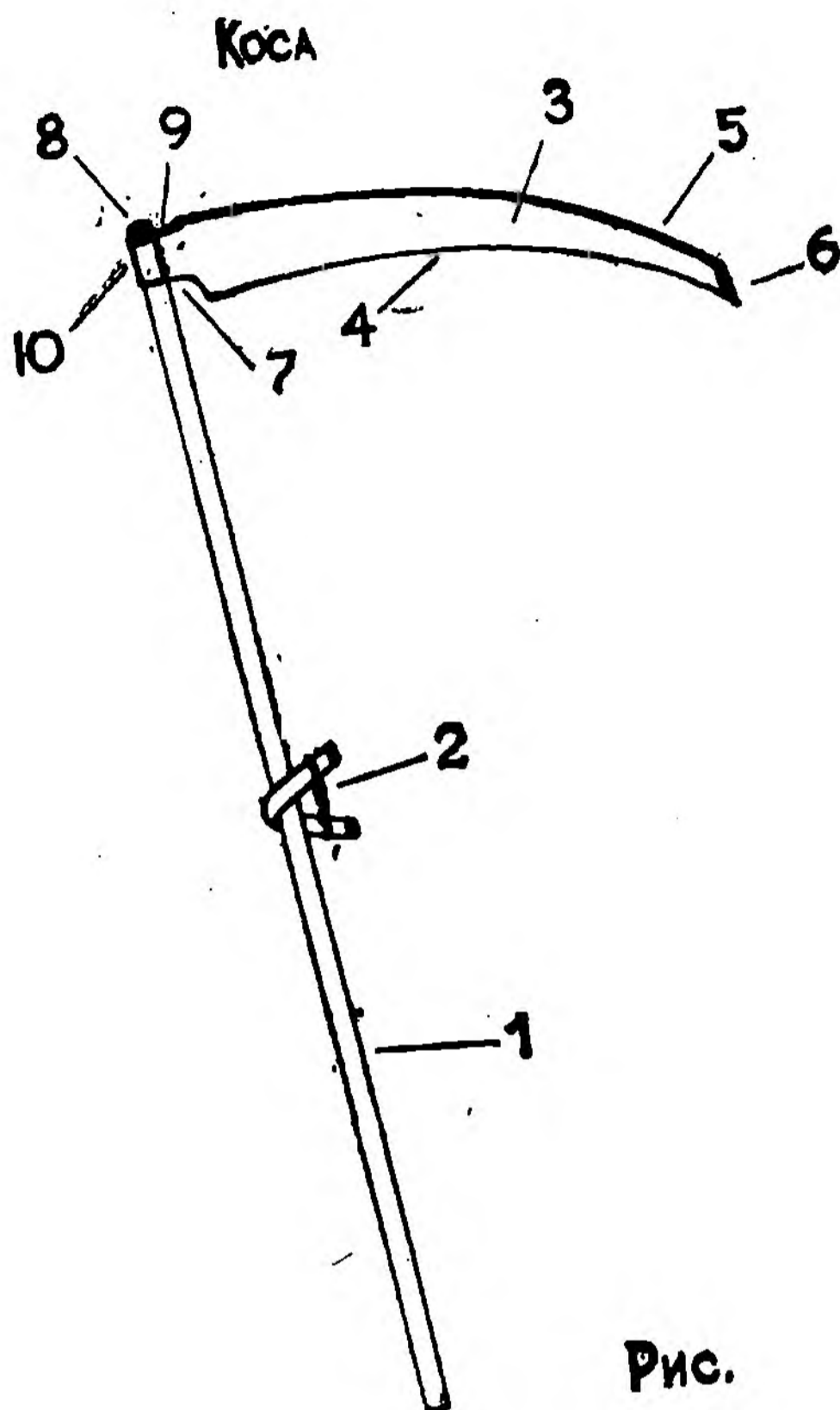
Неконечное число лексических единиц говоров (например, по данным картотеки «Архангельского областного словаря», только областных слов в архангельских говорах насчитывается свыше 100000!) делает реально не выполнимой вышеназванную задачу во всей ее полноте, отсюда относительность получаемых данных.

Тесная связь лексики с внеязыковой реальностью — природой, экономикой, этнографическими и иными особенностями русского населения, столь различными на огромной территории распространения русского языка, — обуславливает неодинаковый набор словарных тематических групп в лексике разных говоров. Например, говоры степных районов страны не знают тематические комплексы, связанные с лесом и лесными промыслами, в говорах притракторных сел представлена была лексика ямского промысла, не известная говорам сел, расположенных вдали от тракторных дорог и т. д. Это значительно затрудняет сопоставление лексики разных говоров.

Примеры различной языковой сегментации в разных языках достаточно хорошо известны и им посвящена большая литература. Разная языковая сегментация того или иного микрополя (семантического поля) наблюдается и в говорах одного и того же языка, о чем свидетельствуют данные анализа названий построек для домашнего скота, названий грибов, лексики природы и других тематических групп. Покажем это на примере названий повсеместно известного орудия труда — косы и ее частей (см. рисунок на с. 80).

Состав наименований косы и ее частей только в говорах Среднего Приобья, например, колеблется по числу компонентов от максимального (представлены все десять названий косы и ее частей) до минимального

(отмечены четыре компонента: название косы и трёх её частей: рукоятки, ручки и лезвия — остальные части косы названий не имеют).

- 1) рукоятка (косьевище, ко-
собище, литовище, рúчка,
чёрень и др.);
- 2) ручка (рúчка, держáлка,
вязóк, дúжка и др.);
- 3) лезвие, металлическая часть
косы (полотнó, литóвка и
др.);
- 4) острая часть лезвия (вос-
триё, лезвее, лезье и др.);
- 5) обух (обúх, обúшник, ты-
лóк и др.);
- 6) острый конец лезвия (носóк
и др.);
- 7) тупой конец лезвия (пятка
и др.);
- 8) клин (клин, клинóк, клины-
шек и др.);
- 9) шейка (шэйка и др.);
- 10) кольцо (кольцó и др.).

Рис.

Даже при одинаковой лингвистической сегментации того или иного микрополя в говорах наблюдаются различия в наборе лексем: их может быть больше или меньше в связи с дублетностью или вариантностью наименований (количественные различия), может различаться материальный состав лексем (качественные различия), различия могут составлять и то и другое одновременно, наконец, при одном и том же составе лексем микрополя могут быть различия в системных отношениях лексических единиц.

Нестрогий характер системной организации лексики говора связан с открытостью (незамкнутостью) лексической системы, ее подвижностью.

Сложность языковой картины диалектного лексикона породила необходимость исследования лексических различий говоров на разных уровнях: на уровне отдельного слова и на уровне фрагментов микросистем говоров.

При изучении характера и видов различий лексики диалектов на уровне слова в качестве предельной единицы сопоставления избирается слово-лексема как элемент словарного состава говора. При этом в основу сопоставления кладётся признак тождества материальной или смысловой стороны соответственных слов-лексем. При изучении структурно-семантических диалектных различий предельной единицей сопоставления избирается слово-лексема как элемент лексической (лексико-семантической) системы говора, как элемент семантического микрополя.

Разные уровни типологического исследования лексики диалектов дополняют друг друга, способствуя созданию целостной картины типов лексических различий диалектного языка.

§ 1. Типы диалектных лексических различий на уровне слова

Этот план исследования лексики говоров наиболее изучен. Богатый материал для такого уровня анализа содержат областные словари разных типов, данные диалектологических атласов, диссертационных работ, статей по диалектной лексике и другие источники.

Одну из категорий типологического анализа лексики составляет понятие «соответственное явление», которое формируется из соответственных эквивалентных единиц сопоставляемых диалектов (языков). Отсюда минимальное число компонентов «соответственного явления» равно двум. Они и составляют противопоставленные различия, для которых характерно собственно языковое противопоставление, т. е. наличие в каждом из говоров взаимно эквивалентного языкового факта. Непротивопоставленные лексические различия образуют такие «соответственные явления», второй компонент которых равен нулю («нулевой» компонент).

Предлагаемая схема типов диалектных лексических различий (схема 6) построена с учетом решения центральных проблем лексикологии — проблемы тождества и проблемы отдельности слова и основана на последовательном разграничении разных, отдельных слов и вариантов одного и того же слова.

ДИАЛЕКТНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

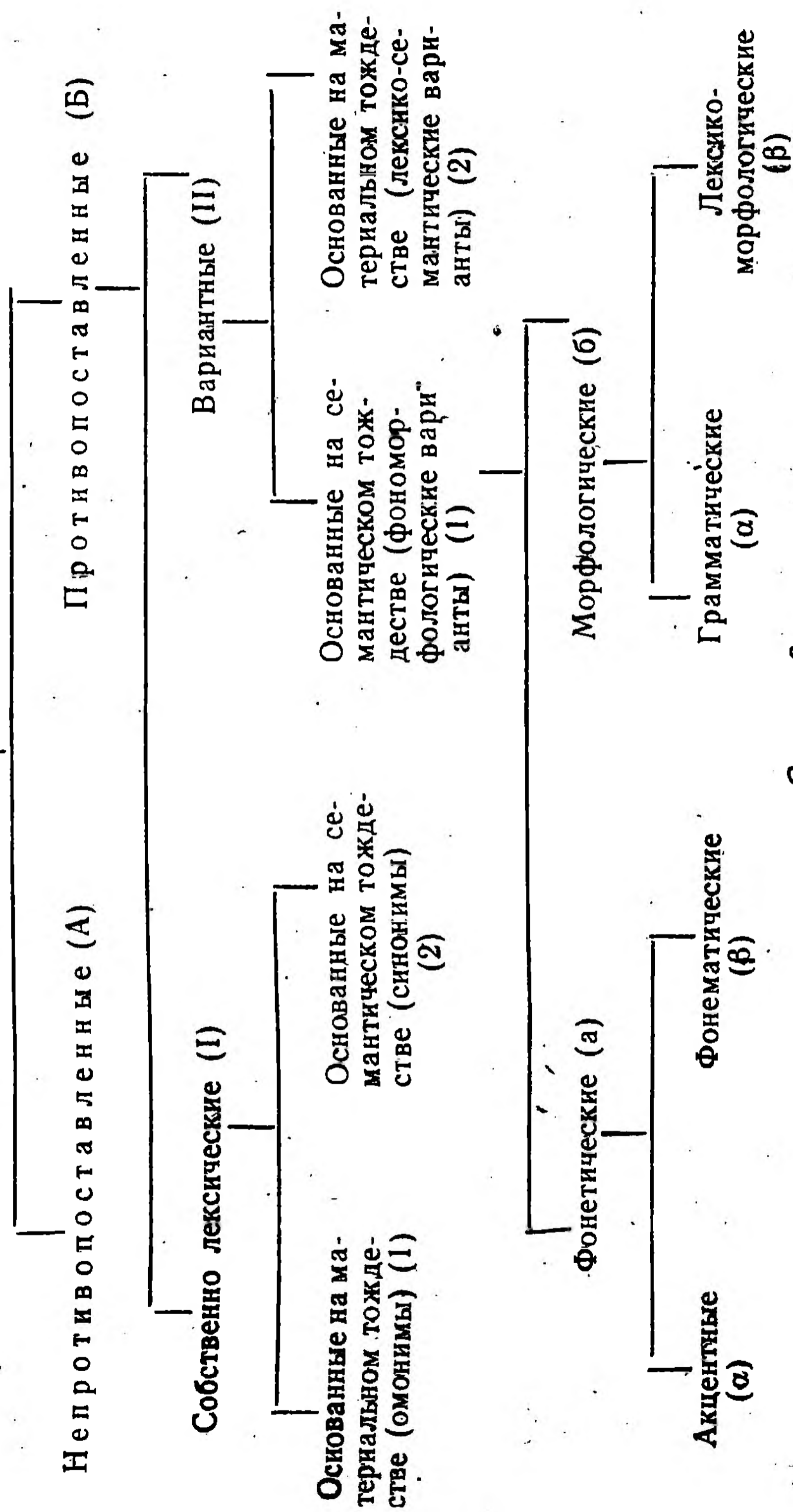

Схема 6

Противопоставленные лексические различия в связи с этим делятся на собственно лексические (Б I) и варианты (Б II).

Собственно лексические диалектные различия базируются на противопоставлении разных слов-лексем, имеющих или идентичную семантику при отсутствии общности в звуковой оболочке (Б I 2) — это разнодиалектные дублеты, например, волк—бирюк, кузнец—коваль, больной—хворый, красивый—баской, говорить—баять, или идентичную звуковую оболочку при отсутствии общности в семантике (Б I 1) — это разнодиалектные омонимы: берлінка 'сорт картофеля' — берлінка 'кокетка у кофты', бот 'долблёная лодка' — бот 'ботва' — бот 'орудие кедрового промысла', пахать 'обрабатывать землю плугом' — пахать 'подметать пол', бачить 'смотреть' — бачить 'говорить'.

Вариантные диалектные различия, базирующиеся на противопоставлении вариантов одного и того же слова, делятся на две группы в зависимости от того, что лежит в основе противопоставления: семантическое тождество или тождество материальное.

На основе материального тождества при некотором различии в значении противопоставляются разнодиалектные лексико-семантические варианты слова (Б II 2): кошеніна 'скошенная трава' — кошеніна 'луг после покоса', столёшница 'крышка стола' — столёшница 'скатерть', морозный 'с морозом', — морозный 'холодный', взреветь 'закричать', — взреветь 'позвать с близкого расстояния'.

На основе семантического тождества при некотором различии в звучании или морфологической характеристике противопоставляются разнодиалектные фонеморфологические варианты слова (Б II 1), которые представлены фонетическими (Б II 1 а) и морфологическими (Б II 1 б) вариантными образованиями.

Противопоставленные фонетические варианты слова бывают двух видов: акцентные (Б II 1 а), например: кйслица — кйслица 'красная смородина', пролётовать — пролетовать 'провести лето', страшно—страшно́, и фонематические (Б II 1 аβ), например: бомба—бонба, пасмурный—пахмурный, промышлять—промушлять.

Противопоставленные морфологические варианты слов известны двух видов: грамматические (Б II 1 б а),

например: полотенце — полотёнец, сливки—сли́вок, болезнь—болезня, и лексико-морфологические (Б II 1бβ), например: голубика—голуби́ца, медвѣжица — медвѣжиха, ельник—ельня́к, начинать—зачинáть.

Противопоставленные лексические различия бывают не только двучленными (примеры приводились ранее), но и многочленными, например: земляника — земляни́ца—земляни́га—земля́нка, жито 'ячень'—жито 'рожь (вообще)'—жито 'рожь на корню' — жито 'рожь в зерне', исчислялась иногда десятками компонентов «соответственного явления», когда варианты противопоставления перемежаются собственно лексическими. Пример такого рода являют названия лихорадки в русских говорах: лихорадка — листопадка — лихоманка — студёнка — тряса — трясовица — трясея — холодуха — веснуха — дрожевуха — дрожалка — знобиха — кикимора — огня — плясея и др.

Противопоставленные различия составляют бóльшую часть лексических диалектных различий, причем ведущими среди них являются варианты различия, что служит одним из ярких доказательств общности и единства говоров русского языка. Вариантные противопоставления пронизывают такие древние тематические группы лексики, как лексика природы, предметно-бытовая лексика, лексика производственно-промысловая.

Собственно лексические различия говоров выполняют дифференцирующую роль, разъединяя и одновременно группируя русские диалекты.

Существует мнение (достоверность его трудно проверить), что говоры русского языка бедны противопоставленными лексическими различиями. Эти различия имеют прежде всего внеязыковую обусловленность и связаны с обозначением специфических предметов быта, экономики и определенной местности, природно-климатических явлений, характерных для отдельных мест и областей страны. Например, в говорах районов с развитыми промыслами и ремёслами имеется детализированная терминология, отсутствующая в других говорах (лисовáть 'охотиться на лис', белковáть 'охотиться на белок', соответственно: лосевáть, соболевáть, козовáть, гусевáть и т. п. — в местностях с развитой охотой); говоры лесных областей страны располагают большим количеством слов, обозначающих различные участки леса,

отдельные виды деревьев и т. д.: (**со́гра** 'заболоченная, непроходимая чаща леса', **урма́н** 'тайга, хвойный лес', **болотня́к** 'лес на болоте', **каргы́зина** 'небольшая сосна, выросшая на болоте'), не известных говорам степных регионов. Непротивопоставленные слова именуют предметы этнографической сферы отдельных мест страны (**двоекра́сочник** 'сарафан из двуцветного домотканого полотна', **гупчул** ' меховое одеяло у бурят', **блáнжа** 'народная пляска в восемь пар, род кадрили', **двѣрник** 'человек, открывающий двери во время свадьбы').

Определенная часть слов, составляющих непровопоставленные различия, имеет языковую обусловленность и вызвана к жизни действием таких тенденций, как тенденция к лаконизму, к экспрессивности языка (**вѣдро** 'ясная тёплая погода', **во́лна** 'овечья шерсть', **жарѣнка** 'жареные грибы или рыба', **вися́чка** 'висячий замок', **беля́к** 'ребёнок с очень белым цветом лица или волос', **абы́з** 'сердитый человек', **доса́дник** 'упрямый, навязчивый человек', **втю́миться** 'прийти в голову').

Предложенная схема типов лексических различий диалектного языка, безусловно, не исчерпывает всего многообразия и сложности языковых противопоставлений, свойственных говорам, и может служить лишь остовом, костяком реальной картины непровопоставленности или противопоставленности разнообразных и многочисленных языковых фактов.

§ 2. Диалектные лексические различия на уровне фрагментов микросистем

Если выявление диалектных лексических различий на уровне слова возможно при условии одинаковой сегментации соответствующего «микрополя» в каждом говоре, то для исследования лексических различий на уровне фрагментов микросистем названное условие необходимо; различие в сегментации «микрополей» становится лишь фактором, порождающим различия лексических звеньев микросистем. Еще один характерный пример. Во многих русских говорах для обозначения вре́мен года, как и в литературном языке, используется четыре слова: **весна**, **лето**, **осень**, **зима**, которые, находясь в видо́вых отношениях друг с другом, вступают в родо-видовые отношения со словом **год** (схема 7).

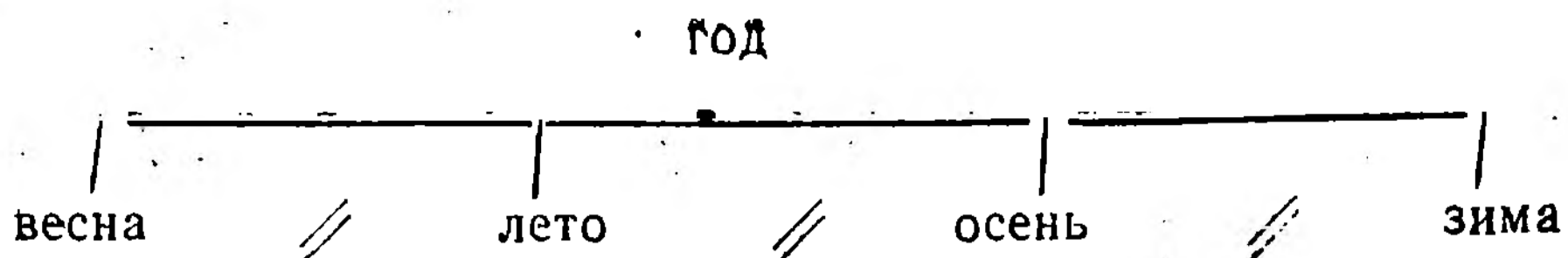

Схема 7

В говоре д. Деулино Рязанской области слово **весна** употребляется в значении 'период, времени между зимой и осенью; вообще тёплое время года', в связи с чем семантическое микрополе 'времени года' в деулинском говоре «покрывается» не четырьмя словами, а тремя — лексами **зима, весна, осень**, а слово **лето** используется в значении 'год', на что указывает в говоре и семантика корня ЛЕТ-, связанная с понятием года в целом (см. **лётось** 'в прошлом году', **лэтошний** 'прошлогодний', **на лето** 'на будущий год', **летовать** 'быть, оставаться где-либо в течение года'). Таким образом, соотношение названий времени года в деулинском говоре (схема 8) иное, нежели в других говорах и литературном языке (схема 7).

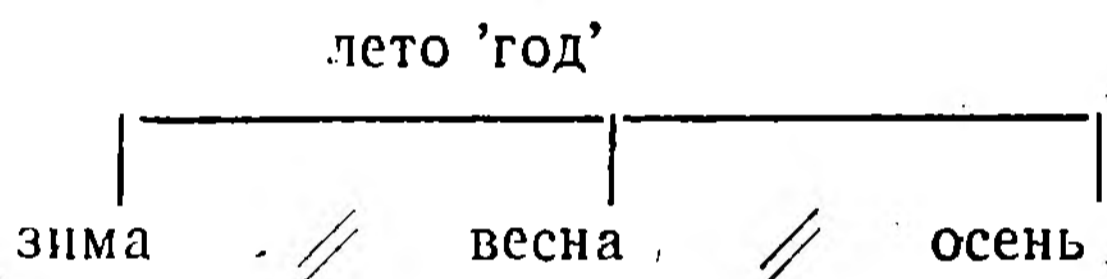

Схема 8

Одна и та же фраза, представленная в литературном языке в виде: **паук плетет паутину**, в говорах обнаруживает вариативность всех ее компонентов. В схеме 9 отражен состав компонентов избранной конструкции и их лексической сочетаемости в говорах одного из регионов страны — Среднего Приобья.

Схема-модель синтезирует двадцать четыре микроструктуры, из которых наиболее распространенными в среднеобских говорах является две: **мизгирь натягивает тенёта** и **мизгирь плетёт тенёта**. Отдельные микросистемы в синтагматике и парадигматике по-разному реализуют данную конструкцию.

В синтагматике, как видно из схемы, говоры различаются составом компонентов и их лексической сочетаемостью - («Тенёта мизгири плетут». «Паук паутину ткёт». «Сетник сетку натянул». «Паутину выют мизгири» и т. д.).

В парадигматике микросистемы среднеобского диалекта различаются: а) самими лексемами и их набором. Так, в отдельных микросистемах известна одна какая-либо лексема в значении 'паутина', например, **тенёта**, или **сеть**, или **паутина**, или используется две лексемы, например, **тенёта** и **сеть**, или — три лексемы: **тенёта**, **сетка**, **паутина**;

б) отношениями между лексемами. В одних микросистемах слова с общим значением 'паутина' и 'паук' находятся в отношении дублетности: **тенёга = сеть***, **паук = мизгирь**, в других — в видовых отношениях: **тенёта // сеть**, **паук // мизгирь** («Пауки такі крупны, пузаты, мизгири — мельче»); в третьих — в родо-видовых, например, **паук: сетник** («Паук паутину ткёт и дома, и в лесу. Который в лесу ткёт, сетник называется»), **паук: мизгирь** («Мизгирь — домашний паук»).

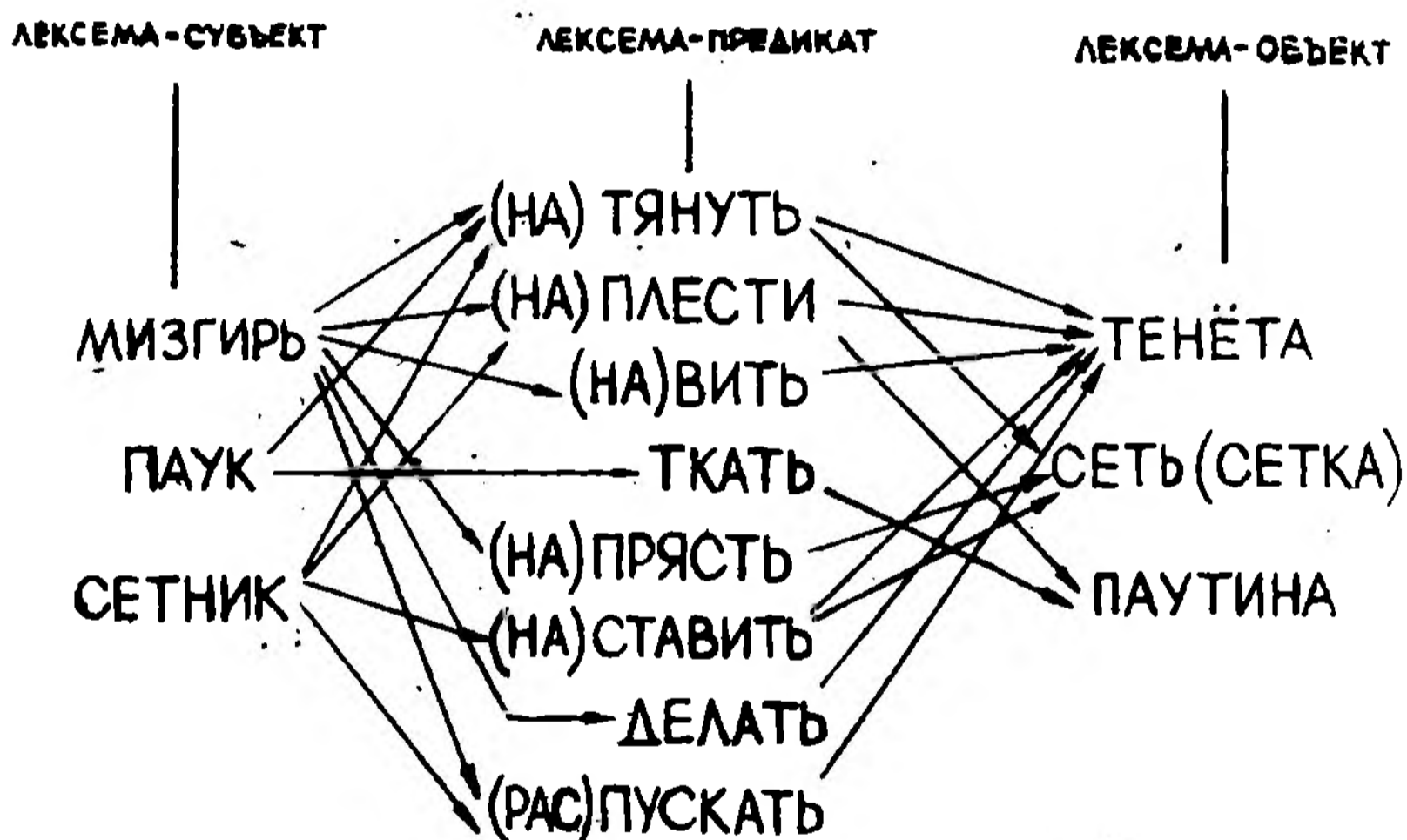

СХЕМА 9

Типологическое изучение диалектной лексики на уровне фрагментов микросистем сложно, чрезвычайно трудоемко, но плодотворно. Уже одно то, что такое изучение опирается на материал, взятый в его реальных связях и отношениях, — материал не омертвленный путем отсечения многого из того, что определяет «жизнь» слова в сфере диалекта, делает исследование перспектив-

* Используемые знаки =, //, : символизируют соответственно отношения дублетности, видовые, родо-видовые.

ным. Кроме того, подобное изучение представляет собой ступень к подлинно типологическому анализу, цель которого — сопоставление систем.

ЛИТЕРАТУРА

Б а р а н н и к о в а Л. И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967, гл. 3, с. 81—121.

Б л и н о в а О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973, 2-е изд., 1975.

И в а ш к о Л. А. Лексика.— В кн.: Русская диалектология. М.: Высшая школа, 1972, гл. 4, с. 262—276.

К о г о т к о в а Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М.: Наука, 1979.

М о р а х о в с к а я О. Н. Лексика.— В кн.: Русская диалектология. М.: Просвещение, 1973, с. 231—236.

О с с о в е ц к и й И. А. Лексика.— В кн.: Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М.: Наука, 1968, с. 131—182.

Второй раздел

ФРАЗЕОЛОГИЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

1. Фразеологический состав говора (общая характеристика)

Фразеологизм, или фразеологическая единица — это лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в речи. Состав фразеологии говора, как и литературного языка, включает разные типы фразеологических единиц: фразеологические сращения (**кривая вывезет**), фразеологические единства (**тёмный лес**) и фразеологические сочетания (**чёрный рынок**).

Фразеология русского говора имеет как общие, так и специфичные черты по сравнению с лексикой диалекта.

Как и лексика, фразеология говора системна: фразеологические единицы связаны такими видами системных отношений, как синонимия, антонимия, варьирование и др.

Как и лексика, фразеологический состав говора подвержен изменениям, которые обусловлены внутри-

языковыми (действие различных тенденций языка и, прежде всего, тенденции к экспрессивности) и внешнеязыковыми факторами (например, влиянием литературного языка и городского просторечия).

Как и лексика, фразеология говора наследует те черты, которые связаны с диалектным типом языка, в рамках которого она функционирует: устная форма бытования диалекта, отсутствие внешенормирующих начал находят свое выражение в высокой вариативности фразеологического инвентаря говоров (в значительном количестве синонимов, лексических и формальных вариантов), в повышенной эмоциональности и экспрессивности фразеологизмов, в территориальном варьировании фразеологического состава диалектного языка.

В отличие от лексики, основной, ведущей функцией которой является функция номинативная, фразеология прежде всего предназначена для реализации функции экспрессивной. Неслучайно, что преобладающее большинство как существующих, так и возникающих вновь фразеологических единиц имеет однословный эквивалент в языке или диалекте, который и выполняет номинативную функцию, поэтому фразеологизм используется как характеризующее средство. Неслучайно и то, что тематически абсолютное большинство фразеологических единиц связано с характеристикой свойств, действий и состояний человека. Например, в группе глагольных фразеологизмов сибирских говоров, являющейся самой многочисленной, согласно подсчетам А. И. Федорова, 98% обозначает действия и состояния человека, и лишь 2% глагольных фразеологизмов — явления природы, животного и растительного мира.

Диалектная фразеология имеет отличия от литературной фразеологии, находящие свое выражение в том, что диалектные фразеологизмы нередко включают в качестве компонентов местные слова и словоформы (на дурничку' бесплатно, за чужой счет', не по нёрке (= ноздре) 'дорого', скрозь зубов 'сквозь зубы', выше выти (= аппетита / 'сверх меры, безмерно'), в более широко представленной вариантности фразеологических единиц; в наличии у диалектной фразеологии своих источников, значительном наборе «не задействованных в литературном

языке фразеологических символов» (Подюков И. А.) и др.

§ 1. Фразеология говора в ее соотношении с другими формами русского языка

Состав фразеологизмов любого говора, как и его лексический состав, включает общерусские, диалектно-просторечные и собственно диалектные фразеологические единицы.

Примеры **ОБЩЕРУССКИХ** фразеологических единиц: **без ума** 'очень, сильно' («Наш-то часто без ума пьяный идёт»), **концы схоронить** («В тайгу уйдут. Один не вернется. Ясно дело, убийство было, да только его концы схоронили, никаких следов, тайга ведь»), **голову ломать** («Колька! Учи! Чё, мать об твоём учении голову ломать будет?»), **один как перст** («Одна я как перст»);

ДИАЛЕКТНО-ПРОСТОРЕЧНЫЕ фразеологизмы: **зада́ть стрекача́** 'стремительно убежать, скрыться' («Краси́ва эта скотина (лось). Стоит в чащёвнике, дв́игат ушами. Щелкнёт де-нибудь ветка — его уж Митькой звали, такого стрекача зада́с»), **знать грамоте** 'быть грамотным' («А ведь охота хоть маленько читать да грамоте знать»), **до чёрта** 'необыкновенно много, очень много', **к чёрту** 'прочь, долой вон' («Мышей до черта, а кот спит, подь ты к чёрту!»), **быть в занáчке** (о деньгах) 'быть спрятанным, скрытым', **никаких гвоздей** 'и больше ничего', **от силы** 'самое большое', **выпучить глаза** 'широко открыть глаза от сильного удивления', **живой рукой** 'очень быстро', **вить голосом** 'плакать, громко причитая', **работать на брюхо** 'работать, зарабатывать только на питание', **зиму зёмскую** 'в течение всей зимы';

СОБСТВЕННО ДИАЛЕКТНЫЕ фразеологические единицы: **наводить ухо** 'внимательно, с интересом прислушиваться' («Робя́та читают про Ленина — я ухо-то навожу, слушаю»), **подол в зубы** 'мгновенно, тотчас' («То́ко услышала, что мужик приехал, я подол в зубы и бежать домой»), **хоть на язык наступи** 'спокойно, неподвижно' («Да вы заходите, не бойтесь: пёс лежит хоть на язык наступи»), **пуговицы крутить** (кому) 'кокетничать', **у царя баню сжечь** 'быть хуже других', **жа-**

леть себе в рот 'быть крайне скупым', на щелчкáх ходить 'не унывать', свой ум держать 'жить своим умом', на верстатúру пустить 'растратить, растранижить'.

Соотносительные фразеологические единицы говора, с одной стороны, и литературного языка, городского просторечия — с другой, могут отличаться отдельными компонентами своей структуры (например, диалектное **за милую малину** — литературное **за милую душу**, диалектное **Митькой** звали — литературное **поминай** как звали, диалектное **ни свет ни тьма** — литературное **ни свет ни заря**) или формальным варьированием компонентов структуры фразеологизма: лексико-фонетическим (**скрозь пальцы** — **сквозь пальцы**), лексико-грамматическим (**под метлó** — **под метлу**), лексико-морфологическим (**богородная трава** — **богородская трава**), или семантикой (в литературном языке **бог ведает** означает 'неизвестно, никто не знает', в сибирском говоре — 'не известно сколько': «Ох, там мороз! Спать холодно. А дров-то бог ведал»; в литературном языке **бог прибрал** означает 'кто-либó умер', в иркутском говоре этот фразеологизм употребляется только по отношению к смерти бездомного больного человека или крайне уродливого ребенка); в городском просторечии **задрать хвост** означает 'не считаться ни с кем и ни с чем', в говорах на территории Хакасии употребляется в значениях: 'вести себя важно', 'убежать рассердившись'.

Те фразеологические единицы, которые от соответственных единиц литературного языка и городского просторечия отличаются отдельными компонентами своей структуры, составляют разряд диалектных вариантов общерусских или диалектно-просторечных фразеологических единиц. Являются вариантными и собственно диалектные фразеологизмы.

§ 2. Фразеология говоров в ареальном аспекте

Диалектная фразеология по сравнению с фразеологией литературного языка менее устойчива, более подвижна в ее компонентном составе, что во многом обусловлено устной формой бытования диалекта и отсутствием внешненормирующих ограничений. Отсюда в составе диалектной фразеологии преобладают локальные фра-

зеологические единицы, а не общенародные, или интердиалектные. Так, по данным А. И. Федорова — одного из составителей сибирского фразеологического словаря, — из 6000 фразеологических единиц очень немногие имеют общесибирское распространение. По данным Л. Н. Сергеевой, 60% глагольной фразеологии новгородских говоров узколокальные. То же самое подтверждают материалы «Словаря русских народных говоров», в котором трудно найти фразеологизм с широким ареалом. Примеров таких фразеологических единиц немного, например **играть песни** 'петь (песни)' (Тул., Ряз., Моск., Калуж., Орл., Курск., Тамб., Ворон., Сарат., Симб., Казан., Брян., Смол., Куйбыш., Пенз., Рост., Астрах., Дон., Оренб., Пск., Костром., Владим., Нижегород., Южн. Сиб., Терск., Новосибир., Том., Челяб., Кемер.), **играть хоровод** (хорóводы, в хороводы, хороводом) 'водить хоровод, хороводы' (Моск., Орл., Ряз., Ленингр., Нижегород., Перм., Урал., Кемер., Том.) и др.

Локальный или узколокальный характер распространения фразеологических единиц можно проиллюстрировать материалом фразеологизмов с одним и тем же опорным словом, например, со словом **дать**: **дать бабушку** 'ударить' (Яросл.), **дать банку** 'ударить кулаком по голове' (Калуж.), **дать бежка́** 'побежать' (Пск.), **дать губу** 'поцеловать' (Якут.), **дать дёрку** 'выпороть, высечь' (Твер., Волог.), **дать песняка́** 'громко спеть' (Новосиб., Том.), **дать б́уту, мятку** (мяту) 'избить, поколотить' (Сев.-Двин.), **дать выволочку** 'потрепать новую одежду или обувь' (Арх.), **дать измену** 'изменить' (Пск.), **дать разгону** 'погулять, поделать что-либо вволю' (Зауралье), **дать себе ума** 'сообразить' (Ворон.); со словом **глаз**: **вороний глаз** 'растение живокость высокая' (Влад.), **чертов глаз** 'аммонит, у которого имеется в середине завитка перламутровый блеск' (Яросл.), **в глаз** 'точь-в-точь, в самый раз' (Тобол.), **глаз говорит** 'об отпетом плуте' (Смол.), **глаз на глаз** 'открыто, прямо' (Смол.), **глаз не осушать** 'пить запоем' (Олон.), **глаза затемнять** 'давать путаное объяснение; говорить неправду' (Том.), **глядеть в глаза́** 'церемониться, считаться с чем-либо' (Пск.) и т. д.

Следует подчеркнуть, что полная и объективная ареальная характеристика диалектной фразеологии русского языка — дело будущего, так как лингвогеографи-

ческое изучение фразеологического материала говоров только начинается.

§ 3. Фразеология говора в аспекте эмоционально-экспрессивной дифференциации

«Фразеологизмы создаются не для называния каких-либо новых явлений (этим они отличаются от терминологических сочетаний типа **железная дорога, коробка скоростей**), а для конкретизации и образно-эмоциональной оценки предметов, явлений, действий, качеств, уже названных в языке» (А. И. Федоров). Экспрессивная функция, преобладание её над функцией номинативной составляет отличительную черту фразеологии. Именно фразеология является основным источником пополнения экспрессивного фонда языка. Поэтому соотношение нейтральных и эмоционально-экспрессивных фразеологических единиц в диалекте, как и в литературном языке, сложилось в пользу последних: по имеющимся данным, эмоционально-экспрессивные фразеологические единицы в русских говорах Сибири составляют 95% от общего числа в 6 000 фразеологизмов.

1. НЕЙТРАЛЬНЫЕ фразеологические единицы говора обладают номинативной функцией. Они связаны с обозначением предметов, явлений, процессов объективной действительности, не получивших, как правило, однословного наименования в силу разных причин (сложности, многопризнаковости обозначаемого, его процессуальности, необходимости эвфемизации и т. д.).

Нейтральные фразеологизмы отмечены среди названий различных обрядов, обычаев, игр: **класть на косу** 'приносить подарки невесте' («Поезжане кладут на косу деньги»), **косу продавать** 'брать выкуп за невесту', **косу выкупать** 'дарить подарки родственникам невесты' («Косу продавали. Косы распущены, сидит невеста, а дружка косу продает, бояры приходят косу выкупать»), **косу чесать** 'расчесывать и заплетать косу невесте накануне венчания' («Перед свадьбой косу чешут»), **класть к столу** (к блинам, на блины) 'дарить подарки молодым на свадьбе', **пол сорить** 'одаривать молодоженов деньгами', **дровни лычить** 'ездить свататься', **завивать бороду** 'заканчивая жатву, оставлять на полосе несколько стеб-

лей несжатого хлеба, закручивая и завязывая колосья', в кругá играть 'водить хоровод';

среди наименований понятий и явлений производственной сферы: **драть лес** 'расчищать участок земли из-под леса для пашни' («Лес драли, потом землю пахали»), **залог драть** 'пахать целину' («К Миколe отсеиваются с вешным, потом дерут залог»), **копать щётку** 'корчевать деревья' («С топором идём щётку копать, кругом подрубает дерево и валит»), **работать залог** 'вспахивать целину', **назьмы назьмыть** 'удобрять навозом', **снять страду** 'закончить сенокос или уборку хлеба', **шапку ломать** 'распушить сноп, которым покрывают суслон', в лес ходить 'заниматься охотой, пушным промыслом', на неводу быть 'заниматься рыбной ловлей', ломать яму 'прорубать прорубь на месте, где зимой скапливается большое количество рыбы', по топорной части работать 'плотничать';

в числе обозначений, связанных с привычками, вкусами человека, человеческими отношениями: **носить старинку** 'одеваться по старой моде' («Где уж нам угнаться за вашими модами, мы носим старинку»), **пить не по всей** (о вине) 'пить, не допивая' («Не по всей пила, а пьяна стала»), **держатъ выть** 'соблюдать время приема пищи' («Они не держатъ выть: едят и едят»), **гáчи распустить** 'носить брюки навыпуск', **пить прóшку** 'нюхать табак', **удариться по рукам** 'заклучить пари', в разбрóд бытовáть 'поссориться', ломать закон 'расходиться, разводиться', в дом уйти 'женившись, жить в доме родителей жены';

среди наименований времени, места, цели: **при моем возрасте** 'в мои годы' («При моём возрасте такі брюки не носили»), **ни свет ни тьма** 'очень рано, до рассвета' («Ни свет ни тьма встаёшь коров доить, кормить свиней»), в полднѣх 'в южной стороне' («В полднѣх находятся материкѣ»), по росе 'рано утром', от веку и до века 'постоянно, всегда', **сыстари веков** 'издавна', в (на) моих памятях 'в период жизни кого-либо', при огнях 'поздним вечером', в пёрву голову 'сначала' по-за лоні лоні 'два года назад', за солнышком 'в тени', по гóлу 'по мёрзлой, ещё не покрытой снегом земле', на верхо́сытку 'на десерт', на вы́платку 'в кредит', к душе 'для удовольствия' — и других обозначений.

2. В составе экспрессивной фразеологии диалекта вычленяются собственно экспрессивные фразеологические единицы и эмоционально-экспрессивные.

СОБСТВЕННО ЭКСПРЕССИВНЫЕ фразеологизмы помимо денотативного значения содержат количественные характеристики обозначаемого (явлений, процессов, признаков), которые могут сопровождаться интеллектуальной оценочностью. Значительная часть собственно экспрессивных фразеологических единиц соотносительна с количественными наречиями с общим значением 'очень много' — дождем не смочить («Иной человек помрёт — народу дождём не смочить, а иной — никого нет»), хоть косою коси («Обабочек хоть косою коси, оберёшь, а на утро опять столько»), ни краю, ни конца, до гибели, до пропасти, страшно дело; с общим значением 'очень мало, совсем ничего' — с гулькин нос («Не поспела я ягоды обобрать, а таперь осталось там с гулькин нос»), с комариную (комарову) лытку («Цыганка всё просит: дай, хоть с комариную лытку кусочек»), ни холеры, ни мой бог, полторы тарары;

соотносительна с наречиями меры и степени с общим значением 'через меру, без меры' — до поросячьего визгу (напиться), без числа, с общим значением 'до предела' — под копыл 'абсолютно всё' («Чо в анбаре было, всё под копыл мне досталось, движимое и недвижимое»), до самого нельзя, под завязку, под гребёнку (убрать, вывезти);

соотносительна с качественно-определятельными наречиями с общим значением 'быстро' — сломя голову (головы) («Рыба шуму боится, сломя головы кидатся куды-попало»), глазом не мелькнуть, как (прибежать, сделать), из всех рысей (ехать, бежать), во всю прыть; с общим значением 'громко' — без ума (кричать), во весь рот (реветь); причем в составе названной группы фразеологизмов особо выделяются сравнительно-уподобительные, например, как на блюде кататься 'очень хорошо жить' («Семья у нас была хороша, отец, мать любили меня, я у их как на блюде катался»), как ободранного знать 'очень хорошо знать кого-, что-либо' («Вы его как ободранного знаете, светочек-то»), как на опаре (расти) 'очень быстро', как чурка (спит) 'очень крепко, беспробудно', как конь в загоне

(захрапеть) 'очень громко', (врать) как бóтало 'безудержно, постоянно';

соотносительна с другими грамматическими разрядами — глаголами, существительными, модальными словами и т. д.; **в небо убиться** 'вырасти очень высоким' (о лесе), **лезóm лезть 'буйно расти'** (о траве, злаках), **насулить в рот, в нос 'много наобещать'**, **жизнь не в жизнь 'о плохих, тяжелых условиях'**, **корка — в палец угрызть 'об очень бедной жизни кого-либо'**, **хоть в щель пролезть 'очень худой, тощий'**, **что поставь, что положи 'очень толстый'**, **ветхий как сморчек 'об очень старом человеке'** **я те дам! 'очень здоровый, сильный'**.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ фразеологические единицы выражают различную эмоциональную оценку обозначаемого или данной речевой ситуации. Среди них выделяются:

ф а м и л ь я р н ы е: **продрать глаза 'проснуться'** («Чё, только-только глаза продрал?»), **пуп трещит 'о состоянии чрезмерной сытости'** («Натрескались — аж пуп трещит»), **скласть в бутылку 'пропить'** («А он всё в бутылку склал, все деньги пропил»);

ш у т л и в ы е, и р о н и ч е с к и е, ш у т л и в о — и р о н и ч е с к и е: **лопнуть хочет 'толстый, полный'** (о человеке, частях тела) («Рожа-то какая у него: так лопнуть и хочет»), **свята́ душа на костылях 'об очень слабом, болезненном человеке'** («Посох возьмет и на улицу пойдет, свята душа на костылях»), **сто лет в обед 'очень старый'**, **золотая макушка 'глуповат'**, **взаймы без отдачи 'в неуверенности, что вещь, взятая в долг, будет возвращена'**, **шейной мази прописать 'выгнать, прогнать в шею'**, **на печи дойдут 'о детях, которые растут без присмотра'**, **девятой курице десятое яйцо (кто кому) 'дальний родственник'**, **дядиной коровы (е) мочевой пузырь 'о дальнем, сомнительном родстве кого-либо'**;

л а с к а т е л ь н ы е: **на дыбочки (дыбочках) 'на цыпочки (цыпочках)'** («На дыбочках Шурка достанет до стола. На дыбочки встань, лучше увидишь через забор»), **на последочки 'в последний раз'** («Дай я погляжу на тебя на последочки»), **на прилепушки 'сбоку, на краешек'** («И садися, на прилепушки присядешь»), **моя майточка 'любимый(ая)'**, **отерпли ручки 'окоченели, застыли от мороза'**, **по снежку 'зимней дорогой'**, **покойна головушка 'об умершем'**;

о д о б р и т е л ь н ы е: в одно сердце 'дружно' («Жену взял, неизвестно, какого роду-племени, а жили в одно сердце»), на все руки годный 'о мастере, умельце' («Я на все руки был годный. Топор попал в руки — топором делаю, ножик — ножиком ..., рыбак, охотник»), ухо с глазом 'о ловком, находчивом человеке' («Жена поналась трудолюбивая, ухо с глазом»), башка варит (у кого, чья) 'кто-либо сообразителен', славный нором 'уживчивый, покладистый', чистый как бумага (золото) 'хороший, честный человек', с глазами 'умный', языком хороший 'красноречивый; умеющий и любящий поговорить';

н е о д о б р и т е л ь н ы е, о с у д и т е л ь н ы е: собакам сено косить 'бездельничать' («А второй-то собакам сено косит, помогает кому делать нечего»), бить язык о зубы 'болтать, пустословить' («Иди, бей язык о зубы!»), пришивная голова 'глупый, бестолковый' («Дурак ты, пришивная голбва!»), неряха-бряха 'неаккуратный человек', тюха-пантюха 'невежда, тёмный человек', строить из себя Ивана 'важничать', коровам (быкам) хвост крутить 'бездельничать', ни с чем пирог 'о пустом человеке', дурничку пороть 'делать, говорить глупости', пинать воздух 'бездельничать, слоняться без дела', задирать хвост 'воображать, вести себя заносчиво';

п р е з р и т е л ь н ы е, у н и ч и ж и т е л ь н ы е: вошь в корсете 'о ничтожном, презренном человеке' («Да разве это мужик? Вошь в корсете!»), запечный таракан 'молчаливый человек' («Такой запечный таракан, никогда не разговорится»), винная бочка 'пьяница' («Сколько дней не просыпался, винная бочка?!»), глухой пестёрь 'человек, потерявший слух', старая выжмочка 'злая, сварливая старуха', мякинное брюхо 'жадный до еды, прожорливый', вшивый граф 'неряха, грязнуля', Шоша да Ероша 'всякий сброд, никчемные люди';

г р у б ы е, б р а н н ы е: бесстужа рожа 'бессовестный' («Экая бесстужая твоя рожа! Не стыдно зёнкам-те твоим?»), кумоха (тебя, его и т. п.) возьми («Колька, кумоха тебя возьми! Цыпка выбежала! Что растопырился? Поймай! Собака загрызет»), леший-красноплеший («Эй, ты, леший-красноплеший, могильный кавалер. Будет тебе со старухой прохлаждаться»), леший бы его (её) не ел («Я-то бы еще пожила, да старость забила, леший бы

ее не ел»), бес его помяни, чѣртова кукла, чтоб тебя пятнало.

Нет сомнения, что фразеология диалекта, как и лексика, является одним из важных слагаемых стилевой дифференциации диалектного типа речи, таких его стилевых пластов, как нейтральный, разговорный, сниженный и высокий. Рассмотрение стилистической дифференциации диалектной фразеологии — дело ближайшего будущего.

§ 4. Сфера употребления фразеологических единиц диалекта

Фразеологизмы говора делятся на единицы неограниченного, всеобщего, употребления и единицы ограниченного употребления, что, как и в лексике, имеет социальную обусловленность; более узкой сферой употребления характеризуются те фразеологизмы, которые обслуживают номинацию промыслов, ремесел, специализированных занятий местного населения.

Преобладающее большинство фразеологических единиц любого говора (более 90%) характеризуется всеобщностью употребления, что, как отмечалось, связано с назначением фразеологии — выполнять прежде всего экспрессивную функцию. И лишь незначительная часть фразеологических единиц имеет относительно ограниченное употребление, выполняя номинативную функцию: они обозначают различные понятия, связанные с такими занятиями, обрядами сельского населения, которые известны той или иной социальной (возрастной, профессиональной) группе носителей говора, например: тулупом встать 'покрыться пузырями (о коже, краске)', мялки мять 'выделывать кожу' — в кожевенном деле; матку поднять 'начать укладку потолка в новом, строящемся доме', затажная лапа 'способ соединения длинных бревен', прямая лапа 'соединение коротких бревен', в чисту лапу 'способ соединения угловых бревен' — в лексике плотничного дела; шишечный бой 'период сбора кедровых орехов' («На шишечном бое собирают /шишки/ подборщики»), бить шишки 'заготавливать кедровый орех' («Шишки били в

одно время»), **делать орехи** 'обрабатывать кедровые шишки' («Шишек набьёшь, надо орехи делать») — в лексике кедрового промысла; **сидеть на веретёшке** 'заниматься прядением', **уйти под трепало** (о льне) 'сгнить, сопреть' — в терминологии обработки льна и прядения; **клёком стать** 'затвердеть (о земле)', **выметаться на бронь** 'колоситься (об овсе)', **селезенку оставить** 'допустить огрех при пахоте или бороньбе', **залог драть** 'пахать целину', **посадить на козую** 'обойти косца на сенокосе' — в народной терминологии сельского хозяйства; **в лес ходить** 'заниматься охотой, пушным промыслом', **гонять гóном** (зверя) 'безостановочно преследовать', **на неводу быть** 'заниматься рыбной ловлей', **запор** (запором) **запирать** 'строить рыболовную запруду на реке' — в терминологии охоты и рыбной ловли.

§ 5. Фразеология говора в ее отношении к активному и пассивному запасу

Фразеология русских говоров в названном аспекте характеризуется тем, что в своем преобладающем большинстве входит в активный фонд языковых единиц. Так, например, 96% фразеологизмов среднеобских говоров принадлежат к активному языковому фонду и лишь 4% фразеологических единиц находятся в пассивном запасе. Приблизительно то же соотношение активных и пассивных фразеологизмов отмечено в литературном языке: по данным «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А. И. Молокова, пометой «устарелое» сопровождается около 7% фразеологических единиц.

Такое соотношение активного и пассивного фразеологического запаса легко объяснимо: экспрессивный языковой фонд в меньшей степени связан с изменениями, происходящими во внеязыковой действительности, нежели номинативный фонд языка. Поэтому архаизации прежде всего подвергаются «номинативные» фразеологические единицы, которые связаны с обозначением различных понятий, процессов производственно-промысловой, бытовой, обрядовой и других сфер человеческой деятельности, ушедших в прошлое.

Например, устаревшими стали фразеологические единицы, обслуживавшие исчезнувший ямской промысел,

такие как **ходить в ямщину**, **ходить на лошадях**, **сидеть на биче** — заниматься ямским промыслом, товарным извозом («Вся деревня в ямщину ходила». «На биче все сидели — вольну возили»), **гонять гоньбу**, **возить вольную** — заниматься пассажирским извозом, **прийти с одним бичом**, **приехать на биче** — вернуться с ямского промысла, ничего не заработав или потерпев убытки, **ям гонять**, **стоять на ямѹ** (станке) — отбывать ямщицкую повинность; перешли в пассивный запас словаря такие фразеологизмы, которые были связаны с обозначением старинных обрядов, например свадебного — **божий закон принимать** 'венчаться', место глядеть 'осматривать дом и хозяйство жениха', **развозить девичью красоту** 'возить в украшенном экипаже невесту перед свадьбой по селу, где живет жених, показывая ее односельчанам'; **закрыть курник** (о женихе) 'закрыть тещин пирог деньгами, даря их ей и признавая тем самым ее достоинства как матери невесты'; достоянием пассивного фонда являются названия некогорых народных игр: **бить-бежать**, **сидеть дрѣма**, **лопоточки собирать** и др.

Такие фразеологические единицы составляют разряд фразеологических и с т о р и з м о в.

Другой причиной архаизации фразеологизмов считают утрату актуальности для носителей диалекта того образного представления, которое содержится в составе фразеологической единицы, например, **деревенский лапоть** 'серый, необразованный деревенский человек', **жить своим двором** 'иметь свое хозяйство, всё необходимое', **с добра** (свадьба, венчание) 'с согласия родителей'. В подобных случаях процесс архаизации нередко сопровождается вытеснением соответствующих фразеологизмов эквивалентами литературного языка. Такие фразеологические единицы составляют разряд фразеологических а р х а и з м о в. Архаизмы в сфере диалектной фразеологии представлены незначительным количеством, что обусловлено отсутствием письменной формы диалекта, способной фиксировать уходящее из языка.

§ 6. Источники диалектной фразеологии

Диалектная фразеология, как и фразеология литературная, имеет ряд источников своего формирования. Наиболее распространенным способом образования фразеологических единиц диалекта (и вообще — рус-

ского языка) является способ фразеологизации свободных словосочетаний и сочетаний слов, основанный на метонимизации и метафоризации исходной базы.

При образовании фразеологизмов на основе метонимизации наиболее активно используется представление «впечатления от увиденного» (Подюков И. А.) — наблюдения над особенностями мимики, жестов, походки и т. п. человека, наблюдения из бытовой и обрядовой сферы, сферы производства. Приведем примеры фразеологических единиц пермских говоров, в основу которых легли наблюдения над особенностями мимики человека (глазами **пилика́ть** 'выражать удивление', **смотреть вдоль по носу** 'смотреть пренебрежительно', **зубы выставить** 'удивиться'), жестового поведения человека (**на часики глядеть** 'тянуть время', **руками схло́пать** 'выразить удивление'), его произвольными действиями (**ногти́ки копать** 'выражать смущение', **обирать слезы пригоршней** 'сильно плакать'), походки человека (**через лапоток шагать** 'быть предельно старым', **нос по полу волочить** 'о старом, горбатом'), а также в основу которых легли наблюдения из повседневной бытовой (надуться как тесто в печи 'разозлиться', **трястись как ви́ца на воде** 'дрожать от страха'), производственной жизни (**дуги гнуть** 'мешкать', **моты мотать** 'болтать', **лыка не вязать** 'быть предельно пьяным') и обрядовой сферы (**растянуться вдоль лавки** 'умереть', **в глаза песок спустить** 'похоронить', **венчаться вокруг бани ожегом** 'о незаконном браке').

Фразеологические единицы, созданные на основе метафоризации, широко отражают разного рода ассоциативные связи, построенные в том числе и на сравнении предметов окружающего нас мира: **рыдать волчьим горлом** 'горько плакать', **коня хомути́ть** 'подчинять своей воле', **на кулак слезы мотать** 'жить плохо, бедно', как **кукушка (оделась)** 'неопрятно, безвкусно', **метаться как кукушка в гнезде** 'жить в постоянных хлопотах, заботах', **рвать как собака** 'о жадном человеке'. При метафоризации используются и нереальные, мифологические представления, что составляет характерную черту диалектной фразеологии: **бабаю натерпеться** 'испугаться', **сумеря поймала** 'о желании сна', **уйти «туда» умереть**, **черти в кулачки не бьют** 'очень рано'.

Возникновение фразеологических единиц осуществляется с учетом существующих во фразеологии семантических моделей, что можно проиллюстрировать на материале фразеологизмов, выражающих понятие 'бездельничать': 1-я модель — 'абсолютно ничего не делать' → 'бездельничать' (палец о палец не стукнуть, палки не переломить), 2-я модель — 'принимать позу, в которой невозможно ничего делать' — 'бездельничать' (сидеть сложа руки, ноги в потолок), 3-я модель — 'заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью' → 'бездельничать' (гонять собак, с песку веревки вить).

Широко представлен в диалектной фразеологии процесс «вторичного фразеологического образования», основанный на разного рода трансформациях существующей в говорах фразеологии. Трансформация может быть связана с контаминацией (мерить со своей колокольни = измерить на свой аршин + смотреть со своей колокольни), с переосмыслением (кино ставить 'демонстрировать фильм' и — 'о домашних скандалах', залить за шкуру сала 'досадить кому-либо' и — 'удружить'), с лексическим и формальным варьированием компонентов фразеологической единицы (подробнее см. § 1. Вариантность диалектной фразеологии).

Источником диалектной фразеологии является не только словосочетание или сочетание слов, но и отдельное слово: дрожать → продавать дрожжи 'мерзнуть', слоняться → продавать слонов 'ходить без дела', захрапеть → поехать в Храпово 'уснуть', лескать 'хлестать' → дать леща 'ударить'.

2. Фразеология говора как система

Фразеологический состав говора, как и лексика, системно организован. Фразеологические единицы, как и слова, связывают различные отношения: синтагматические, которые проявляются в сочетаемостных возможностях фразеологизма, парадигматические, находящие свое выражение в связях синонимических, антонимических и др., эпидигматические, проявляющиеся в отношениях формального и семантического варьирования.

§ 1. Вариантность диалектной фразеологии.

Вариантность является характерной чертой диалектной фразеологии: её обнаруживают все русские говоры — говоры европейской части страны (псковские, новгородские, пермские, горьковские, рязанские, воронежские), Урала (свердловские), Сибири (омские, томские, новосибирские, кемеровские, красноярские, иркутские).

Варьирование диалектной фразеологии осуществляется как в плане выражения, так и в плане содержания. Фразеологическими вариантами являются такие разновидности фразеологических единиц, которые либо различаются отдельными лексемами или вариантами лексем, сохраняя идентичность значения, либо различаются значением, сохраняя идентичность формальной структуры.

Фразеологические варианты, различающиеся вариантами слов и словоформ, называют **ФОРМАЛЬНЫМИ** (**ветер с дедовой (дедушкиной) стороны** 'холодный северный ветер'), различающиеся отдельными лексемами — **ЛЕКСИЧЕСКИМИ** (**зуб грызть (иметь)** 'затаить зло на кого-нибудь'), различающиеся значением — **СЕМАНТИЧЕСКИМИ** (**ровно чурка с глазами** 'подслеповатый, сонный, вялый человек' и — 'неприветливый, тупой и угрюмый человек').

Формальное варьирование фразеологизмов создается за счет варьирования словоформ числа: **дать банку (банок)** 'побить, поколотить', **как бурый волк (бурые волки)** работать 'много, тяжело', **кошачья гора (кошачьи горы)** 'верхняя наружная часть русской печи, где спят', **завидки берут (завидка берёт)** 'о чувстве зависти';

за счет варьирования падежных словоформ: **бить набелками (набелки)** 'болтать, пустословить', **гвалт (гвалту)** кричать 'громко кричать, звать на помощь', **ума (умом) рехнуться** 'сойти с ума', **по веник (за веником)** ездить 'в свадебном обряде: везя невесту в баню, заезжать к жениху, чтобы получить вместе с веником угощение';

за счет варьирования одной и той же словоформы: **до самого последа (последу)** 'до самого конца', **спокон века (веку)** 'издавна, с давних лет';

за счет использования в составе фразеологизма лексических форм слова — его вариантов — фонематических, акцентных, лексико-грамматических, лексико-морфологических: **во близности** (близности) 'вблизи', **крестовый** (крестовой) дом 'дом из четырех комнат', под метлу (метло) 'начисто, целиком, без остатка', **муравейная** (мурашиная) куча 'муравейник', а также форм субъективной оценки: **глаза да глазки** (газоньки) надо 'о необходимости большого внимания, бдительности', на **верхосытку** (верхосыточку) 'на закуску после еды'.

Лексическое варьирование фразеологических единиц более однообразно, по сравнению с формальным варьированием: оно реализуется за счет замены обычно одного компонента фразеологизма его синонимом или каким-либо соответствием, например, **на ухо крепкий** (тяжелый) 'о том, кто плохо слышит', **как в руку врезать** (дать) 'о сбывшемся сне или каком-нибудь предсказании', **заламывать** (заваливать) **ворота** 'остановив свадебный поезд, требовать у жениха угощения, подарков', **загрести лопатой серебро** (золото) 'наживаться нечестным путем', **завязать** (завить) **горе веревочкой** 'перестать горевать', **фокусы выкладывать** (выделывать) 'колдовать'.

В отличие от формальных вариантов, которые большей частью насчитывают два, реже три варьирующихся фразеологизма, лексические варианты, особенно те из них, которые характеризуются повышенной эмоциональностью и экспрессивностью, реализуют одну и ту же семантику в многокомпонентных вариантных рядах: **собрать** (молотить, нести, болтать, боронить, плести) **вокруг головы да в пазуху** 'говорить вздор, нести дичь', **драть рот** (горло, глотку, пасть, хайло, кадык) 'громко кричать', **гнуть** (ломать) **спину** (горбушку, хрип, хим) 'трудиться до изнеможения', **намотить** (надавать, намотать, выровнять, наветрить, намичкать, начесать) **бока** 'поколотить'.

Семантическое варьирование фразеологических единиц осуществляется за счет реализации их многозначности: **умом недовольный** 'глупый' и — 'психически ненормальный', **банная затычка** 'о человеке, который везде успевает и за всё берется' и — 'о человеке никчемном, услугами которого бесцеремонно пользуются', **без пути** 'напрасно' и — 'без результата, без ума' 'без памяти' и —

'не по-хозяйски', бóгало осинное 'о болтливом человеке' и — 'о лживом человеке, сплетнике', вести порядок 'поддерживать порядок в доме' и — 'следить за соблюдением всех ритуалов свадебного обряда', всякие прецендúры 'дешевые, мелкие и малополезные вещи' и — 'чепúха, ерунда, чушь'.

Семантические варианты фразеологических единиц, как и слов, отражают в основном два типа смысловых связей — отношения метафорические и отношения метонимические.

Разные виды вариантных фразеологических единиц — формальные, лексические, семантические — далеко неодинаково представлены во фразеологии говоров: фразеологические варианты плана выражения значительно преобладают над фразеологическими вариантами плана содержания. По имеющимся данным, в русских говорах Среднего Приобья вариантная фразеология составляет более 25% всех выявленных фразеологических единиц (1220), в её числе формальные варианты насчитывают около 62% от числа варьирующихся фразеологических единиц (360), лексические — около 32%, семантические — 4% (Ср.: в литературном языке, по данным «Фразеологического словаря русского языка», семантические фразеологизмы составляют значительно больший процент — 753 на 4000 единиц, т. е. 18%).

§ 2. Фразеологические единицы диалекта и мотивированность

Мотивированность фразеологической единицы определяется возможностью объяснить связь ее значения с лексико-грамматическим способом выражения этого значения, т. е. связь содержания, смысла фразеологизма и его «формы». Поскольку семантика фразеологических единиц является результатом переосмысления всех или отдельных компонентов фразеологизмов, в сфере фразеологии преобладает семантический тип мотивированности: кожа на шестú 'худой, тощий', хвост подвернуть кому-нибудь 'сломить чьё-нибудь упрямство', ловить солнце 'праздно проводить время, бездельничать', дать баню 'сильно отругать'; реже представлен морфологический тип мотивированности, при котором

смысл фразеологической единицы выражается морфологической структурой её компонентов: с **глупинкой** 'глуповатый, странный', **без конца** 'очень долго, бесконечно', **дать в горбину** 'ударить в спину', и фонетический, или звуковой: **шаль-валь** 'кое-как', **шани-мани** 'еле-еле', **финти-винти** 'хитрить, лицемерить', **фильти-мильти** 'флиртовать'.

Фразеологические единицы, как и слова, в зависимости от степени их мотивированности—полной или частичной—могут быть полностью мотивированными, когда каждый компонент фразеологизма принимает участие в выражении его семантики, например, **болтать языком, сидеть сложа руки, голова садовая**, и полумотивированными, когда не все компоненты фразеологической единицы выражают её значение, например, **неряха-бряха** 'неряшливый человек' (бряха?), **ни с виру ни с болота** 'неизвестно откуда' (вир?), **с дура да с бура** 'ни с того, ни с сего' (бур или буро?). Фразеологические единицы, лишённые мотивированности, составляют ряд немотивированных фразеологизмов: **түрүсы на колесах** 'вздор', **бить баклуши бездельничать**, с **максимцем** 'глуповатый, странный, с некоторыми отклонениями в психике'. Разумеется, что один и тот же фразеологизм в разных говорах русского языка может по степени его мотивированности характеризоваться неодинаково. Так, вышеприведенный фразеологизм **ни с виру ни с болота** является полумотивированным в говорах Сибири, где неизвестно слово **вир**, а в говорах северо-западной части нашей страны—псковских, смоленских и других, данный фразеологизм—полностью мотивированная единица: **вир** в этих говорах известен в значениях: 'глубокое место в реке или озере', 'омут, водоворот', 'топкое место'.

Фразеологический состав русских говоров характеризуется высоким процентом мотивированных единиц, что имеет свою обусловленность: мотивированность является одним из ярких средств создания эмоциональности, экспрессивности, образности русской народной фразеологии.

Эмоциональность мотивированных фразеологизмов в народно-диалектной речи создается за счет передачи фразеологической единицей внеязыковых представлений об алогичных, бессмысленных, нереальных действиях, явлениях, признаках: **на собаках шерсть бить** 'бездель-

ничать' («Куда же? Опять на собаках шерсть бить!»), жевать ногти — с тем же значением («Такие, как я, давно сидят под окном и жуют ногти»), девятой курице — десятое яйцо кто кому 'о дальнем родстве', пинать воздух 'бездельничать'; за счет использования в качестве одного из компонентов звукоподражательных слов: играть в тынаны 'лентяйничать' («Вот хожу по избе, ничего не делаю, играю в тынаны»), беззубый талалá 'старый, выживший из ума человек', шóша да ерóша 'всякий сброд' («Собрались шоша да ероша, добрый человек туда и не сунется »); за счет использования необычных сравнений: как баран на библии 'о мало знающем человеке' («Ты сама как баран на библии, и нас учишь»), как бутылка тёмный, серый как пробка 'о необразованном, отсталом человеке' («Темный как бутылка ты, не понимаешь ничего, ты серый как пробка; больше бы знал — не был бы как бутылка тёмный»); за счет использования в составе фразеологической единицы эмоциональных слов: залить зéнки (бéльмы, глотку, фонарй) 'напиться пьяным' («Заводи мотоцикл, когда трезвый, а не когда бельмы нальёшь»), протянуть, лапы, дрыгалы задрать, откинуть копыта (коньки), коньки отбросить — в значении 'умереть, скончаться' («Забулдыгу и не жалко, хоть коньки отбросил»); за счет привлечения паронимических сближений, внутренних рифм и т. д.: на ухо не сядет муха 'о человеке решительном, умеющем за себя постоять' («На ухо не сядет муха, значит фартовый парень»), дурак дураком и уши колпаком 'тупой, бестолковый человек', шалтай-болтай 'бродяга, лентяй', чúдечко на блюдечке 'неудачник'.

Экспрессивность фразеологических единиц диалекта, характеризующихся мотивированностью, создается также за счет разнообразных средств: за счет гиперболлизации мотивировочного признака, выраженного фразеологической единицей, например, жуёт рукав кто-нибудь 'глуп, неразвит' («Будто я рукав жую, ничего не понимаю»), жевать рукавицу 'говорить невнятно', шестом головы не достать у кого-нибудь 'об очень зазнавшемся человеке' («Мне б в свои молодые годы так одеваться, как сейчас молодежь одеётся, мне б и шестом головы не достать»), лезть на стенку 'приходить в крайнее иступление' («Она так кричала, от уж дурным матом, на стенку лезла»), хочет лопнуть 'об очень полном

человеке', льда в крещенье не выпросишь 'о крайне скупом человеке', за ушами пищит 'быстро, с удовольствием есть';

за счет выражения фразеологизмом представлений об алогичных, нереальных действиях, состояниях, признаках: **в ухо залезть** 'приложить все силы' («Баба в ухо залезет, а мужика проведёт»), **горбушку ломать** 'много работать, изнурять себя тяжелой работой' («А я горбушку ломал на её»), **за смертью посылать** 'о медлительном, нерасторопном человеке' («Тебя только за смертью и посылать»), **живая погибель** 'об очень опасном деле, месте и т. п.', **душа на ниточке варится** 'едва жив';

за счет использования в составе фразеологизма экспрессивных единиц: **давать песняка** 'громко петь' («Идёшь по улице и песняка даёшь»), **дурниной орать** 'плакать сильно, навзрыд' («Девчонка дурниной орёт»), **заорать голосом** 'громко закричать', **набузовать бока** 'отколотить кого-либо', **в дымину, в дымище** 'очень, сильно' («Это мой родной супруг шёл в дымину пьяный». «Пьяный в дымище, сидит, рассуждает»);

за счет использования необычных сравнений, в том числе свернутых: **знать как свои персты** 'очень хорошо знать' («Я знаю тайгу как свои персты»), **как грязи** 'очень много' («Други ходят /за ягодами/, так прямо как грязи»), **сделать лапшой** 'сильно побить градом' («У нас сильный град лапшой сделал все огурцы»), **лежать на одре** 'сильно болеть' («Я два года на одре лежал, ноги парил, парил»), **назудиться как суслик** 'чрезмерно опьянеть', **дерюжиной кричать** 'громко кричать, благим матом', **мамай воевал** 'о большом беспорядке, хаосе в чем-либо';

за счет использования в составе фразеологизмов звукоподражаний, паронимических сближений, внутренней рифмы: **в тартарары** 'очень далеко', **втётёриться по уши** 'сильно влюбиться', **голый-полый** 'очень плохо одетый' («Он деньгами не рад, уходил голый-полый»), **крючки да багрычки** 'об уродливых маленьких огурцах', **куча могуча**, 'очень много' («В доме стол да лавка, и ребят куча могуча»), **нагатый-босатый** 'очень бедный' («А что мы, нагаты-босаты, приняли? И калеки пооставались»);

за счет использования разного рода тавтологических выражений, что составляет один из самых продуктивных средств выражения экспрессивности фразеологических единиц — посредством удвоения мотивации: **воюшкой выть** 'громко, во весь голос плакать' («Мать воюшкой воет»); **лѣжкой лежать** 'долго лежать, не вставая' («Я лѣжкой никогда не лежал, не болел сильно долго». «Прошлый год у них сын потонул, так все лѣжкой лежали»), **ливнем литься** 'сильно литься' («Ливнем кровь лилась»), **лазѡм лезть** 'лезть нагло, нахально' («Свицья лазом лезет в огород, огѣчина не помогает»), **зиму-зимски** 'всю зиму напролет', **лето-лѣтски** 'всѣ лето напролет' («Всю зиму-зимски в избе и лето-летски»), **доход-доходяга** 'об учень худом, тощем человеке', **провальѣм провалиться** 'пропасть без следа'.

В составе фразеологизмов имеются как безобразные, так и образные единицы. Безобразные фразеологизмы представлены небольшим количеством и, как правило, имеют тематическую закрепленность. Так, например, значительная часть так называемых темпоральных фразеологических единиц (**всѣ время, встарь годѧ** 'в старину, в давние годы') безобразна. Большинство же фразеологических оборотов образно и главную роль в выражении их образности играет мотивированность.

Образность мотивированных фразеологических единиц создается за счет конкретности, наглядности тех представлений, которые положены в основу фразеологизма, которая неизменно дополняется метафоризацией или метонимизацией фразеологической единицы в целом (**протянуть ноги** 'умереть', **жевать рукавицу** 'говорить невнятно') или отдельных её компонентов (**деревянная голова** 'глупый, тупой', **голова мякинная** 'бестолковый'), в связи с чем образность фразеологической единицы, в отличие от лексической, как правило, слагается из всех трех компонентов образности — конкретности, картинности, красочности — одновременно, в их синтезе: **потерять года** 'состариться' («Рано она потеряла года, уж седьм вся»), **лечь в душу** 'полюбиться, понравиться' («Ну раз она в душу легла ему, дак станется»), **ломать гору** 'переходить, переваливать через гору', **сердце исхѡдится** 'о томительном ощущении в области сердца', **взяться землѣй** 'побледнеть, приобрести землистосерый цвет лица' («Батюшки, Андрей Андреич землей взялся». «Ба-

ушка уж землей взялась, отдохнуть легла старуха, устала»).

Отличительной чертой образности мотивированных фразеологических единиц диалекта, как и литературного языка, является вторичная метафоризация или метонимизация, например, **болтать языком** → **брякать** (звякать, блекотать, брехать, бляеть) **языком**, **дурака корчить** 'ломаться, кривляться' → 'лентяйничать, бездельничать' («И Лёша тут дурака корчил, вся почернела через него, учился плохо»), **помешаться рассудком** → **помешаться головой** (мозгами, мозгой).

Мотивированность фразеологизмов оказывает воздействие на их лексическую сочетаемость. Так, например, фразеологический оборот **хоть бревно пускай** 'большое количество, масса' употребляется только по отношению к жидкости («А крови на мосту было хоть бревно пускай»), фразеологизмы **хоть (хошь) косо́й косо́и**, **хоть лопато́й гребѝ** 'очень много' употребляются только с названиями грибов («Обабочек хошь косо́й косо́и, оберёшь, а на утро опять сто́льки». «А то оцѝ казачкѝ растут, время им, так хоть лопато́й гребѝ»), фразеологические единицы **нога́ми толочь**, **нога́ми пиха́й** 'очень много' сочетаются только с одушевленными существительными («Щук нога́ми толочь в то́й речке». «А тепе́рь господ ного́й пиха́й: и машины, и манцыклѝты; раньше-то господ мало было»), фразеологизм **ни крохотки** (крохоточки, крохотины, крохотинки), **крѝхотки нет**, как правило, указывают на отсутствие хлеба, пищевых продуктов («Хлеба ни крохотки не осталось». «Медку нынче ни крохотинки нет»).

Ослабление мотивированности фразеологических единиц приводит к увеличению числа возможных контекстов их употребления (Л. А. Ивашко), т. е. к расширению их лексической сочетаемости. Так, фразеологизм **ни грамма** (граммины, граммюшки) 'нисколько', употреблявшийся сначала только в сочетании с названиями пищевых продуктов («Хлеб го́ра́з /очень/ вредит коро́вы, я хлеба ни грамини́ны не даю». «Пить не́льзя ни граммюшки»), теперь с ослаблением его мотивированности и в говорах, и в городском просторечии сочетается с названиями и других тематических групп («Ни грамма хуторов нет». «Сего́дни не сохне /сено/, ни грамма не сохне». «Ни грамма бы не протекло»). Другой пример:

фразеологизм **хоть грёбом** (гребком) **гребни** 'очень много' также обнаруживает ослабление своей мотивированности, так как начинает употребляться не только в сочетании с неодушевленными существительными (названиями грибов, ягод), но и — одушевленными («Молодёжи ...хоть гребом гребни»).

Широкой сочетаемостью характеризуются немотивированные фразеологические единицы.

В составе диалектной фразеологии, как и лексики, наблюдаются различные процессы, связанные с мотивированностью фразеологизмов. Это — процесс лексикализации внутренней формы фразеологизма, процесс демотивации, процесс ремотивации. Процесс лексикализации внутренней формы фразеологического оборота и процесс его демотивации представляют собой выражение действующей в языке и диалекте тенденции к произвольности языкового знака, процесс ремотивации фразеологических единиц — результат действия таких тенденций как тенденция к мотивированности языкового знака и тенденция к его экспрессивности.

Лексикализация внутренней формы фразеологизма состоит в «окаменении» отдельных его компонентов, в утрате ими своего значения при сохранении их соотносительности с соответствующим словом языка или диалекта. Результат лексикализации внутренней формы мы обнаруживаем в следующих фразеологических единицах: **красным-красно** 'много, в большом количестве', которая используется и по отношению к ягодам не красного цвета («Черники тут красным-красно». «Смородины выросло красным-красно»); **ни грамма** 'нисколько', которая употребляется с названиями людей («Мужик гожий, а детей у него больше нет ни грамма»), с названиями действий и состояний («Свинья ... прямо ни колечки не ходит, ни грамма не ходит, окаянная». «Ни грамма сердце не болело»); **ни крохи** (крохтинки) 'ничуть, нисколько', которая сочетается с именованиями действий, состояний («Я ныне всю ночь не спала, ни крохтинки, даже глаза не заводила»); **ни беса, ни духа, ни омота, ни чёрта** 'совсем нет, совсем не', которые сочетаются с названиями конкретных предметов («Угурцов ни духа нет») и с глаголами («Картовка ни беса не растёт». «Серп ... ни духа не режет». «Четыре недели в школу проходила, да так и осталась тепляком таким

безграмотным, ни омота не знаешь»), сопровождаемыми отрицательной частицей.

Демотивация фразеологических единиц представляет собой утрату ими мотивированности, что обусловлено, как правило, архаизацией компонентов фразеологической единицы. Результатом демотивации являются такие фразеологизмы, как **турусы на колесах** 'вздор', **бить баклуши** 'бездельничать', **шнїпари чесать** 'лентяйничать', **брїнды бить** — в том же значении.

Ремотивация фразеологических единиц состоит в усилении их мотивированности либо за счет замены немотивированного компонента мотивированным, например, **нести нетурусу** 'говорить вздор' → **городить нетурусицу**, **лынду бить** 'сидеть сложа руки, ничего не делать' → **лынду петь**; либо за счет включения в состав фразеологизма новых компонентов, например, **выставлять зубы** 'смеяться, хохотать' → **выставлять зубы на просушку**, **дурак дураком** 'очень глупый' → **дурак дураком и уши колпаком** и — **дурак дураком и уши холодные, как баран** 'глупый, тупой' → **как баран глумленный, видеть** (тебя, его, их...) **в гробу** 'совсем не хочется видеть кого-л.' → **видеть** (тебя, его, их...) **в гробу в белых тапочках**.

Процесс ремотивации приводит к увеличению экспрессивных, образных фразеологических единиц в системе диалекта.

§ 3. Фразеологическая синонимия диалекта

Синонимия диалектной фразеологии — чрезвычайно развитое явление, но лишь в определенных тематических группах, в таких, например, как группы фразеологизмов, характеризующие человека, его действия и состояния, фразеологизмы с количественным (квантитативные) и временным (темпоральные) значением. Бедна синонимией фразеология, связанная с производственно-промысловой сферой человеческой деятельности.

Фразеологическими синонимами являются такие фразеологические единицы, которые имеют общее денотативное значение, одну и ту же или близкую эмоционально-экспрессивную характеристику, но разную образную основу. Последнее отличает фразеологические синонимы от фразеологических вариантов.

Классифицируют фразеологические синонимы с опорой на два критерия: лексико-грамматический и семантический. С учетом первого критерия выделяются глагольные фразеологические синонимы (сделаться без памяти, выбиться из чувств, быть в чужих чувствах с общим значением 'потерять сознание'), атрибутивно-предикативные фразеологические синонимы (доход-доходяга, одно основанье, стена души, натянуть струны да играть, хоть в щель пролезть с общим значением 'худой, тощий'), наречные фразеологические синонимы (со всего белого свету, без ума, во всю голову, на всю еслину, на крик, на весь упор, лихим матом, во весь рот с общим значением 'очень громко /кричать/'), фразеологические синонимы с предметным, именным значением (пень горелый, деревенский лапоть, тёмная бутылка с общим значением 'серый, неграмотный, ничего не знающий человек').

С учетом второго критерия выделяются синонимические ряды фразеологических единиц с одним и тем же денотативным значением:

'бездельничать' — палец о палец не стукнуть, не ударить камень о камень, палку об палку не переломить, нога на ногу сидеть, ноги в потолок, жевать ногти, лапу сосать, гонять собак, волкам сено косить, коровам хвосты крутить, с песку веревку вить;

'болтать, пустословить' — молоть языком, зубы чесать, балясы точить, бить блинником, лясы строить, барахлить барахлю, огород городить, трезвонить в лапоть, бузу пороть, разговоры размузыкивать;

'умереть' — отправиться на горку, угодить под ёлку, пойти на прах, уйти в земельный отдел, сыграть в ящик, в Могилёв съездить, протянуть ноги, осушить лапы, отбросить коньки, испустить дух;

'очень много' — хоть лопатой гребь, хоть косой коси, дождем не смочить, как у цыгана коней, как грязи, конца-краю нет, до пропасти, до гибели, тьма проваленная, хоть завались, глаз не берёт.

Основная функция фразеологических синонимов — экспрессивная: «Неправду говорят — это сарафанная почта, сарафанное радио». «Простой тот, простофиля, с максимцем, с глупиной». «Эта бабка с дурчинкой, с максимцем». «А больная маленько не развита, в пы-

линку маленько, маленько не хватáе». «Не растёт ничего на поле, косой не поймать, цыганке в зубу поковырять нечем». Именно эта функция стимулирует возникновение большинства фразеологических синонимов русских народных говоров.

3. Типы диалектных фразеологических различий

Фразеологические различия русских народных говоров мало изучены. Объясняется это частично тем, что диалектная фразеология вообще меньше исследована, чем диалектная лексика, а также тем, что фразеология, составляя в основном экспрессивный фонд любого русского говора, очень подвижна, изменчива, трудно поддается фиксации и сбору; кроме того, фразеологические единицы диалекта характеризуются диффузностью семантики в значительно большей мере, чем лексические единицы, что в немалой степени осложняет возможность сопоставительного анализа фразеологии разных русских говоров. Отсутствие достаточного количества работ, отражающих системное изучение фразеологии отдельных говоров русского языка, делает невозможным рассмотрение диалектных фразеологических различий на уровне фрагментов микросистем (на данном этапе развития диалектологической науки), а вопрос о диалектных фразеологических различиях на уровне отдельного фразеологизма может быть решен в настоящее время в самом общем виде.

Диалектные фразеологические различия представлены двумя основными типами: противопоставленными и непровопоставленными. Для противопоставленных фразеологических различий, как и различий лексических, характерно собственно языковое противопоставление — наличие в каждом из говоров фразеологизма, соотносящегося либо в плане выражения, либо в плане содержания. В связи с этим противопоставленные фразеологические различия делятся на собственно фразеологические (Б I) и вариантные (Б II) (схема 10).

Собственно фразеологические диалектные различия основаны на противопоставлении разных фразеологиче-

ДИАЛЕКТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

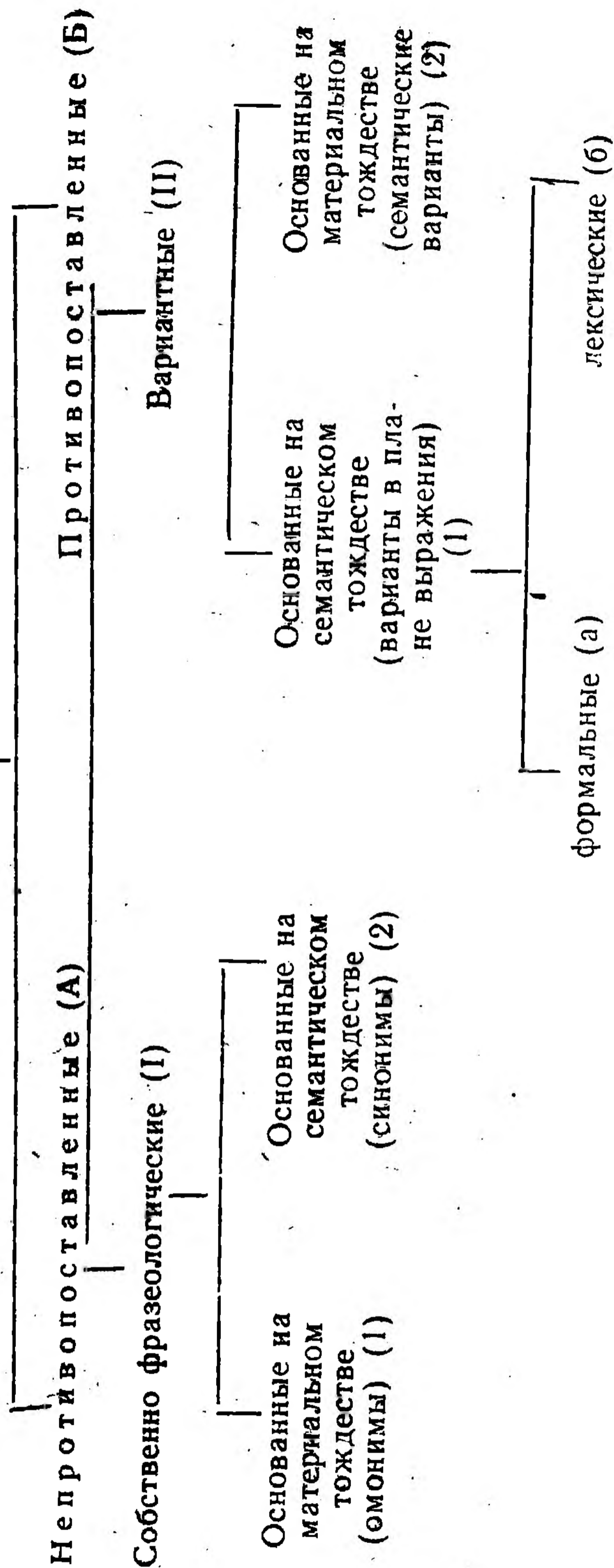

Схема 10

ских единиц, имеющих или идентичную семантику при отсутствии общности в плане выражения (Б I 2) — это разнодиалектные фразеологические синонимы, например гонять лодыря—валять ваньку, 'бездельничать', ба́лы собирать — лясы строить 'болтать, пустословить', не все дома — февраль в голове — умом недовольный 'слабоумный'; или идентичную форму выражения при отсутствии общности в семантике (Б I I) — это разнодиалектные фразеологические омонимы: как перст в глазу 'единственный, дорогой' — как перст в глазу 'тщательно, заботливо', без ума 'неразумно, не по-хозяйски' — без ума 'очень, сильно'.

Вариантные диалектные различия, опирающиеся на противопоставление вариантов одного и того же фразеологизма, делятся на две группы в зависимости от того, что лежит в основе противопоставления: семантическое тождество или тождество материальное.

На основе материального тождества при некотором различии в семантике противопоставляются разнодиалектные семантически варианты фразеологических единиц (Б II 2): не переплюнет через губу 'ленивый' — не переплюнет через губу 'гордый, заносчивый', ровно чурка с глазами 'подслеповатый, сонный, вялый человек' — ровно чурка с глазами 'неприветливый, тупой и угрюмый человек', гай да мага́й 'ни уму ни сердцу, ни рыба ни мясо' — гай да мага́й 'ни туда ни сюда'.

На основе семантического тождества при некотором различии в плане выражения противопоставляются разнодиалектные фразеологические варианты (Б II 1), которые представлены формальными (Б II 1 а) и лексическими (Б II 1 б) вариантными фразеологизмами. Примеры противопоставленных формальных вариантов фразеологических единиц: глаза туманить 'обманывать, вводить в заблуждение' — глаза затуманивать, когда чёрт в кула́чку не бьёт 'очень рано' — когда черти в кула́чки не бьют; примеры противопоставленных лексических вариантов фразеологических единиц: болтать языком — шлёпать языком — молоть языком — бо-рúздить языком — лоскотать языком — ляпать языком — трепать языком и др., быкам хвосты крутить 'плохо работать, бездельничать' — коровам хвосты крутить, умом тронуться — умом помешаться — умом рехнуться.

Противопоставленные диалектные фразеологические различия могут быть присущи как говорам большого ареала, например, иркутским и архангельским, омским и смоленским; так и говорам малого ареала, т. е. близким говорам, говорам одной диалектной группы. В качестве иллюстрации приводим противопоставленные фразеологизмы в контекстном употреблении, записанные в регионе псковских говоров: «*Бьют языком, спать не дают*». «*Лоскочешь языком, пустые речи*». «*Ты не ляпай своим дурным языком, слова умного не скажешь*». «*Хватит языком стебать, пошли сено ворочать*». «*Народ языком шлёпает*». «*Иди, бей язык о зубы*». «*Ты всё не в след баруздишь языком*» и т. д.

Противопоставленные фразеологические различия, как и лексические, известны двучленные и многочленные (примеры см. выше).

Непротивопоставленные фразеологические различия, чрезвычайно редки и наблюдаются, как правило, в составе фразеологических единиц, обслуживающих производственно-промысловую сферу. К их числу относятся фразеологизмы, связанные с обозначением понятий кедрового (бить шишки 'заготавливать кедровый орех'), ямского (прийти с одним бичом 'потерпеть убытки, занимаясь извозом', сидеть на биче 'заниматься пассажирским извозом') и других промыслов.

ЛИТЕРАТУРА

Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981.

Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск: Наука СО, 1980.

Третий раздел

ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВАРИ

Значение словарей непреходяще. Словари являются «... наиболее ценными и серьезными лексикологическими трудами, основой для планомерного описания и обобщающего исследования лексики языка» (В. В. Виноградов, О. С. Ахманова, В. В. Иванов).

Словари — это подлинная сокровищница языка, «это — мир в алфавитном порядке» (А. Франс), поэтому словари по праву считают энциклопедией жизни того или иного народа. В. И. Ленин писал А. В. Луначарскому: «Недавно мне пришлось ---, к сожалению и стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарем Даля. Великолепная вещь...» *. Относясь к словарю В. Даля как к энциклопедии русской жизни, В. И. Ленин не только восхищался меткостью русского слова, народных пословиц и поговорок, но и изучал по данным Далева словарь экономику и психологию русского дореволюционного крестьянина.

Областным словарям принадлежит особое место в лексикографии. Огромное научное, историко-культурное значение диалектных словарей повышается потому, что они являются хранилищем, нередко единственным, уникальных фактов русской народно-разговорной речи, существующей только в устной форме и потому нигде не зафиксированной.

Областной словарь включает слова живой народной речи, выразительной, гибкой, точной. Именно поэтому областной словарь — «это море слов — не слов — символов, лишенных и цвета, и аромата, а слов — образов» (И. Фоняков), именно поэтому знаток и ценитель поэтики живого русского слова К. Паустовский призывал: «Мы обязаны искать и собирать повсюду по крупицам, как золотиносный песок, образцы русской речи».

История отечественной областной лексикографии и представляет собой поиск и сбор «по крупицам» языковых жемчужин.

§ 1. Областные словари досоветского периода

Русская диалектная лексикография восходит к небольшим словарикам — спискам областных слов с толкованием их значений, которые составляли любознательные люди разных социальных групп: путешественники, писатели, общественные деятели, должностные лица. Целенаправленный характер любительскому собирательству «провинциальных» слов придадо организованное в 1811 г. «Общество любителей российской сло-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 121.

весности», а позднее; в середине XIX в., — Второе отделение Академии наук и Русское географическое общество, способствовавшие сбору диалектных материалов и их частичной публикации.

На основе собранного материала в 1852 г. Академия наук издает «Опыт областного великорусского словаря» под редакцией А. Х. Востокова и А. И. Коркунова, а в 1858 г. «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». Приведем образцы словарных статей (даются в современном написании):

ЛИСЬЯ ТЕМНОТА. Самая темная пора ночи перед рассветом. С и б и р.

ЛИСТВА, ы, с. ж. собир. Листья на дереве. Кур. Судж.

ЛИСТВО, а, с. ср. собир. то же, что листва. Псков. Твер.

ЛИСТОПАДНАЯ, пр. Болезнь лихорадка, если ею заболевают осенью. С и б и р.

Издание «Опыта» и «Дополнения» к нему явилось важной вехой в истории лексикографии: это был первый областной словарь сводного типа, введший в научный оборот огромный лексический материал (около 400 000 слов и выражений) и проложивший путь областной лексикографии.

Вскоре, в 1863—1866 гг., выходит в свет четырехтомный лексикографический труд-гигант — «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (свыше 200 000 слов), словарь, который и по объему, и по количеству представленных слов и фразеологизмов остался непревзойденным и по сей день. Словарь В. И. Даля не является собственно областным словарем: он включает лексику письменной и устной речи XIX в., но основу его составляет диалектная лексика и фразеология, частично заимствованная составителем из опубликованных и рукописных источников, а большей частью (около 80 000 слов) собранная В. И. Далем самостоятельно в течение всей его жизни. Поэтому Далев словарь В. И. Ленин определил как «областнический» словарь. «Толковый словарь» Даля занимает одно из самых почетных мест в истории русской областной лексикографии.

Отличительной чертой словаря В. Даля является гнездовой принцип представления словарного материала. Образец словарной статьи:

БАСА ж. сев. БАС? м. ярс. краса, красота, хорошество, нарядность, изящество; украшение, наряд, украса, прикраса. *То и баса, что руса коса. Сколько прибасов ни надевай, а басы не прибудет.* БАСИНА, БАСОТА ж. то же, но более как свойство, качество; казистость. *Бася (басина, басота) приглядится, а ум пригодится.*

«Толковый словарь» В. Даля получил высокую оценку соотечественников: он был удостоен Ломоносовской премии. Словарь несколько раз переиздавался. Второе издание словаря (1880—1882 гг.) было дополнено материалами Я. К. Грота, П. Шейна, И. Ф. Наумова. Третье издание (1903 г.) вышло под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ, который внёс дополнительные словарные данные и внёс значительные редакторские правки в словарь.

Период конца XIX — начала XX вв. был ознаменован публикацией ряда областных словарей определенных регионов. Это — «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» (1885 г.) А. О. Подвысоцкого, «Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении» (1898 г.) Г. И. Куликовского, «Материалы для объяснительного словаря вятского говора» (1907 г.) Н. М. Мазнецова, «Кашинский словарь» (1901 г.) И. Т. Смирнова, «Областной словарь Колымского русского наречия» (1901) В. Г. Богораза, «Смоленский областной словарь» (1914 г.) В. Н. Добровольского и ряд других.

В период XIX—начала XX вв. был заложен фундамент русской областной лексикографии. В это время вырабатывались принципы отбора слов в областной словарь, шлифовалась структура словарной статьи, предлагались разные способы толкования областных слов, разные стилистические пометы; шел поиск источников диалектного словаря. Тип областного дифференциального словаря, охватывающего главным образом диалектную лексику, был господствующим для рассматриваемого периода.

§ 2. Областные словари советского периода

Первым областным словарем советской эпохи был «Донской словарь» А. В. Миртова (1929 г.), включав-

ший около 7 000 слов малоизвестных тогда говоров бывшей Области Войска Донского.

Небывалого размаха лексикографическое изучение диалектов в нашей стране достигло в 50—80-е годы. Продолжая традиции русской лексикографии, советские диалектологи создают словари дифференциального типа. Среди них преобладают словари, охватывающие лексику и фразеологию отдельных диалектных массивов, характеризующихся определенным единством, — словари одной диалектной группы. В их числе: «Курско-орловский словарь» С. М. Кардашевского (1956—1960 гг.), «Краткий ярославский областной словарь» Г. Г. Мельниченко (1961 г.), «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» В. Н. Немченко, А. И. Сеницы и Т. Ф. Мурниковой (1963 г.), «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» и «Дополнение» к нему (1964—1975 гг., в 5-ти томах), «Словарь русских говоров Среднего Урала» (1964—1983, т. 1—4), «Словарь говоров Подмосковья» А. Ф. Ивановой (1969 г.), «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири» Н. Т. Бухаревой и А. И. Фёдорова (1972 г.), «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» О. П. Беляевой (1973 г.), «Иркутский областной словарь» (1973—1979 гг., вып. 1—3), «Словарь русских донских говоров» (1975—1976 гг., т. 1—3), «Словарь русских говоров Новосибирской области» (1979 г.), «Архангельский областной словарь» (1980—1983 гг., вып. 1—3) и ряд других.

К словарям названного типа примыкает также дифференциальный словарь одной диалектной группы, но охватывающий лексику, общую для говоров и городского просторечия, т. е. диалектно-просторечную лексику, — это «Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья» О. И. Блиновой, В. В. Палагиной, С. В. Сыпченко (1977 г.). Структура словарной статьи названного словаря та же, что и в дифференциальных словарях, включающих только диалектную лексику и фразеологию:

ЛАДНЫЙ, ая, ое. Хорошо сложенный, статный — *И гляди-ка, моя девка ладна стала* (Том. Мол. Майк.). *Смотрю, девки ходят, а я их до этого ешишо не знал. Одна уж нравилась мне, така ладная вся была и шустрая* (Том. Пар. Луг.).

ЛАПТЕМ ЩИ ХЛЕБАТЬ. О чьей-либо некультурности, отсталости. *Тёмны были, ничё не знали, лаптем щи хлебали* (Том. Крив. Ник.).

В отличие от дифференциальных словарей отдельных регионов сводным, многодиалектным, является «Словарь русских народных говоров» (1965—1983, вып. 1—19) под редакцией Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Это — фундаментальное издание, «новый Даль», включающее всю зафиксированную в каких-либо источниках диалектную лексику и фразеологию периода XIX—XX вв. В соответствии с типом словаря находятся и его словарные статьи.

КОЖАНКИ и КОЖАНКИ, мн. (ед. кожанка и кожанка, ж.). 1. Кожаные рукавицы. Ср. Урал, 1971. Том. □ Кожанки. Белозер. Новг., 1852. Новг., Олон., Прионеж. КАССР, Киров., Перм., Урал., Сиб., Бурят. АССР. □ Кожанки. Енис., 1865. Заонеж. Олон., Пиңеж. Арх., Вельск., Кадн., Волог., Чусов., Перм., Свердл., Tobол., Енис. ◆ Верхние кожаные рукавицы, надеваемые поверх вязаных варежек. □ Кожанки. Ирбит. Перм., Tobол., 1852. *К кожанкам-то надо приделать надолонки, поизносились уж, а напалки и вовсе худы.* Перм. Вят., Урал., Tobол., Новосибир., Краснояр.

2. Кожанки. Кожаные сапоги. Кашин. Твер., 1897. Моск., Углич., Яросл., Костром.

3. Кожанки. Кожаные подошвы. Новосибир., 1964—1965.

«Словарь русских народных говоров» рассчитан на несколько десятков выпусков.

Особенностью лексикографического изучения диалектной лексики новейшего периода является создание региональных словарей разных типов. Кроме издания толковых дифференциальных словарей, известны попытки составления полного словаря говора или группы близких говоров. Такой словарь призван охватить всю лексику диалекта, включая диалектно-просторечную и общерусскую. Так, словарь полного типа представляет «Псковский областной словарь с историческими данными» (1967—1983, вып. 1—15), включающий всю выявленную лексику современных псковских говоров. Принципы организации «Псковского областного словаря» использованы составителями «Словаря брянских

говоров» (1976—1983, вып. 1—3). Составляется полный словарь говора д. Акчим, Красновишерского района, Пермской области. Первый том словаря содержит около 5 000 слов на первые три буквы алфавита.

Особый тип словаря составляет «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (1969 г.) под редакцией И. А. Оссовецкого. Своеобразие его не только в том, что это словарь одного говора, но и в том, что он является опытом лексикографического описания диалектных слов с присущими им связями с общерусскими единицами говора. Так, например, слово **весна** в деулинском говоре отмечено в диалектном значении 'тёплое время года', в этом же говоре слово **весна** употребляется и в общерусском значении 'период между зимой и летом', в данном случае в словарь вводится слово **весна** в том и другом значении. См.:

ВЕСНА́, (в'асна́), -е и ы вин. п. в'есну, род п., мн., в'есно́в, ж.

1. Весна. *В'асна́ да заўзв'ин'яа, патом л'эта б'удит' (1) ...*

2. Период между зимой и осенью; вообще теплое время года. *Как сн'ех с'л'ез'ит' и дъ с'ьн'т'абр'а — фс'о в'асна́ ... (2).*

Деулинский словарь занимает промежуточное положение между полным словарем и словарем дифференциального типа.

Необычный тип регионального словаря представляет и уже называвшийся «Псковский областной словарь»: в него включается как лексика современных псковских говоров, так и словарный материал из древнепсковских и старопсковских памятников письменности XIII—XVIII вв. Например:

ВОЗДЕРЖИВАТЬ: < Воздерживать себя. Вести строгий образ жизни, ограничивая себя согласно предписаниям религии. *Так ана́ себя́ воздѣрживѣт. Печ. Заходы.*

ВОЗДѢТЬ, сов., что. Поднять, вытянуть вверх. *Князь же Александръ воздѣ въ руцѣ на небо и рече: Суди ми боже. Лет. П., л. 159.*

«Региональный словарь на широком историческом фоне — принципиально новое дело в мировом языкозна-

нии», — писал инициатор создания словаря проф. Б. А. Ларин.

Диалектная лексикография новейшего времени не исчерпывается названными типами словарей. Единственным пока в отечественной лексикографии является «Диалектный словарь личности» В. П. Тимофеева (1971 г.), иначе — идиолектный словарь, охватывающий областные слова (2705) и фразеологизмы (87 единиц) одной носительницы говора — уроженки д. Усольцевой Шатровского района Курганской области.

Двумя изданиями вышел «Опыт обратного диалектного словаря» под редакцией М. Н. Янценецкой (1973 г., 1979 г.), подготовленный на материале «Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» и его рукописных картотек, хранящихся в кабинете русского языка Томского университета. Слова в словаре, как и положено в обратных словарях, расположены в алфавитном порядке с учетом чтения слова справа налево:

ЧУГУ́НКА	СКЛАДЫ́НКА	ТРАВЯ́НКА
МЕДУ́НКА	ПОЛЫ́НКА	ВОЛВЯ́НКА
СЕДУ́НКА	ПАСЫ́НКА	ЛИСТВЯ́НКА
РЕЗУ́НКА	КЛУБЯ́НКА	ЛЕДЯ́НКА
ЛУ́НКА	ГОЛУБЯ́НКА	ВОДЯ́НКА

Еще издан ряд обратных словарей: «Русский диалектный инверсарий» В. Г. Головина и др. (1974 г.), «Обратный индекс к Словарю говоров Подмосковья» А. Ф. Ивановой (1976 г.), «Обратный словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья» Г. Н. Котовой (1977 г.).

Новый тип словаря представляет «Мотивационный диалектный словарь» (говоры Среднего Приобья)» (1982—1983 гг., т. 1—2) под редакцией О. И. Блиновой, в котором объединены мотивированные слова диалекта с частотной актуализацией мотивационных отношений. Это тип системного словаря, отражающего один из видов системных отношений в лексике говора. В словарных статьях приводятся лексические (ЛМ) и структурные (СМ) мо-

тиваторы заглавного слова, с которыми оно употребляется в диалектной речи. См. образец словарной статьи:
БЕЛКОВАТЬ, кúю, кúешь, несов. Охотиться на белок.
ЛМ: белка (71).

СМ: кротовáть (5), лосевáть (5), мышковáть (1), рябковáть (4), соболевáть (4), утковáть (2) — охотиться (соответственно) на кротов, лосей, мышей, рябчиков и т. д.

— Я по тайге охотничал и белковал: белок ловили в тайге (Колп. Бар.). Ходили белковать — это старый белкáш, белок убивáт. Ходили и кротовать — кротов ловили, их сдавали, шкурки на дохи шли (Том. Яр.).

§ 3. Типы диалектных словарей

«Одним из первых вопросов лексикографии, — писал Л. В. Щерба, — является, конечно, вопрос о различных типах словарей».

Типы областных словарей, как и словарей литературного языка, определяются тем, каковы объект лексикографирования, предмет лексикографирования, цель лексикографирования и способ подачи лексикографируемого материала (схема 11).

1. В зависимости от объекта лексикографирования различаются типы словарей, основанные на двух противоположениях.

Противоположение первое (А) предусматривает дихотомию микросистема (один говор) — макросистема (группа говоров), чему соответствуют три типа словарей:

1) словарь одного говора (например, «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» М., 1969);

2) однодиалектный словарь (словарь диалектной группы, т. е. группы близких говоров; например, «Опыт словаря Калининской области» Т. В. Кирилловой, Н. С. Бондарчук, В. П. Куликовой, А. А. Беловой. Калинин, 1972);

3) многодиалектный словарь, или сводный словарь (примером такого словаря является «Словарь русских народных говоров». М.-Л., 1965—1983, вып. 1—19).

Противоположение второе (Б) предусматривает дихотомию язык — речь, чему соответствует два типа словарей:

1) словарь диалекта (говора) (например, «Словарь русских говоров Кузбасса», Новосибирск, 1976);

2) словарь идиолекта, или идиолектный словарь (например, «Диалектный словарь личности» В. П. Тимофеева. Шадринск, 1971).

ТИПЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ

I.	А	а) лексическая микросистема	1. Словарь одного говора
		б) лексическая макросистема	2. Однодиалектный словарь 3. Многодиалектный словарь
II.	Б	а) лексика языка	1. Словарь диалекта (говора)
		б) лексика речи	2. Идиолектный словарь
III.	Цель	а) вся лексика	1. Полный словарь
		б) часть лексики	2. Дифференциальный словарь
		α) внешний критерий	1) Собственно диалектный 2) Диалектно-просторечный
		β) внутренний критерий	1) Синонимический 2) Антонимический 3) Мотивационный 4) Терминологический
IV.	способ подачи		1. Толковый 2. Этимологический 3. Сравнительно-исторический 4. Частотный
			1. Прямой 2. Обратный

Схема 11

II. В зависимости от предмета лексикографирования различаются словари полные и дифференциальные. Полные словари охватывают всю лексику говора диалектной группы (см.: «Псковский областной словарь с историческими данными». Л., 1967—1983, вып. 1—5), дифференциальные словари — часть лексики говора или диалектной группы.

Отбор слов в дифференциальный словарь может осуществляться, исходя из разных критериев: внешнего по отношению к говору и внутреннего.

С учетом внешнего критерия в дифференциальный словарь включается лексика говора, выделенная в итоге сопоставления ее с лексикой других форм национального языка, — словарь собственно диалектной лексики, или областной (например, «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова. М., 1980; «Живая речь кольских поморов» И. С. Меркурьева. Мурманск, 1979), словарь диалектно-просторечной лексики («Словарь просторечий русских говоров среднего Приобья» О. И. Блиновой, В. В. Палагиной, С. В. Сыпченко. Томск, 1977), возможен словарь общерусской лексики диалекта.

С учетом внутреннего критерия в дифференциальный словарь включаются слова говора, находящиеся в разного рода системных отношениях — синонимических, антонимических, вариантных, мотивационных и т. п. Отсюда — синонимический словарь диалекта, антонимический словарь, словарь вариантной лексики, мотивационный словарь (например, «Мотивационный диалектный словарь (Говоры Среднего Приобья)» под редакцией О. И. Блиновой. Томск, 1982—1983 гг. т. 1—2). К ним примыкают терминологические, тематические словари говоров (например, ряд тематических словарей, выполненных на материале говоров Полесья, представлен в кн.: «Лексика Полесья (Материалы для полесского диалектного словаря)» под редакцией Н. И. Толстого. М., 1968).

III. В зависимости от цели лексикографирования словарного состава говора или говоров выделяются словари толковые (например, «Архангельский областной словарь» под редакцией О. Г. Гецовой. М., 1980—1983, т. 1—3, многие другие областные словари), этимологические (рукописный «Опыт диалектного этимологи-

ческого словаря (на материале говоров Среднего Приобья)» И. Альмендингер и А. Костомаровой (1968 г.) хранится в кабинете русского языка Томского университета), сравнительно — исторические, частотные и др.

IV. В зависимости от способа подачи лексикографируемого материала — в прямом или обратном алфавитном порядке он подается — различаются словари говоров прямые («Словарь говоров Соликамского района Пермской области» О. П. Беляевой. Пермь, 1973; прямыми является большинство изданных областных словарей) и обратные (например, «Опыт обратного диалектного словаря» под редакцией М. Н. Яценецкой. Томск, 1973).

Кроме того, возможно выделение и других типов региональных словарей.

С учетом представленной типологии словарей можно дать более полную характеристику любому из имеющихся диалектных словарей. Так, «Словарь русских народных говоров» — многодиалектный, дифференциальный словарь собственно диалектных слов, толковый, прямой; «Диалектный словарь личности» — идиолектный, дифференциальный словарь областных слов, прямой, толковый; «Русский диалектный инверсарий» — многодиалектный дифференциальный словарь собственно диалектных слов, обратный; «Словарь брянских говоров» — однодиалектный, полный словарь, толковый, прямой; «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» — словарь одного говора, полудифференциальный, толковый, прямой; «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири» — словарь многодиалектный, словарь собственно диалектной фразеологии (т. е. дифференциальный), толковый, прямой.

Четкое представление о типе регионального словаря и основных его параметрах важно при разработке ряда лексикографических вопросов: о назначении словаря, о принципах его составления, о критериях отбора лексики и фразеологии в словарь, о построении словарной статьи и т. д.

Успехи областной лексикографии являются залогом новых достижений диалектной лексикологии и фразеологии.

ЛИТЕРАТУРА

Ивашко Л. А. Лексика. — В кн.: Русская диалектология. М.: Высшая школа, 1972, гл. 4, с. 278—294.

Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М.: Наука, 1979, гл. I, с. 14—56.

Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л.: Наука, 1961.

Филин Ф. П. Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. — В кн.: VII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М.: Наука, 1973, с. 347—377.

ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВАРИ

- Архангельский областной словарь/Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980, вып. 1; 1982, вып. 2; 1983, вып. 3.
- Беляева О. П. Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
- Блинова О. И., Палагина В. В., Сынченко С. В. Словарь просторечий русских говоров среднего Приобья. Томск, 1977.
- Большакова Э. С., Кудряшова Н. П. и др. Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. А-Г, Саранск, 1978.
- Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
- Головин В. Г. и др. Русский диалектный инверсарий. Самарканд, 1974.
- Грандилевский А. Родина Ломоносова. Областной крестьянский говор. — В кн.: Сборник ОРЯС, 1907, т. 83, № 5.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 1—4.
- Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Дополнение к Опыту великорусского словаря. Спб., 1858.
- Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
- Иркутский областной словарь /Под ред. Н. А. Бобрякова. Иркутск, 1973—1979, вып. 1—3.
- Кардашевский С. М. Курско-Орловский словарь. — Уч. зап. /Московск. области. пед. ин-та, 1956, т. 35, вып. 3; 1957, т. 48, вып. 4; 1960, т. 88, вып. 5.
- Кириллова В. Т., Бондарчук Н. С. и др. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
- Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. Спб., 1898.
- Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
- Меркурьев И. С. Краткий мурманский областной словарь. В кн.: Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Миртов А. В. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.
- Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья) /Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982, т. 1 (А-О), 1983, т. 2 (П-Я).
- Немченко В. Н. и др. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.

Обратный словарь среднеобских говоров /Под ред. М. Н. Яценецкой. — В кн.: Диалектное словообразование. Очерки и материалы. Томск, 1979.

Опыт областного великорусского словаря. Спб., 1852.

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Спб., 1885.

Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—1983, вып. 1—5.

Словарь брянских говоров /Под ред. В. И. Чагишевой. Л., 1976—1983, вып. 1—3.

Словарь русских говоров Новосибирской области /Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979.

Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964—1983, вып. 1—4.

Словарь русских говоров южных районов Красноярского края /Под ред. В. Н. Роговой. Красноярск, 1968.

Словарь русских говоров Кузбасса /Под ред. О. А. Любимовой. Новосибирск, 1976.

Словарь русских народных говоров /Под ред. Ф. П. Филина. М.—Л., 1965—1983, вып. 1—19.

Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби /Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1964—1967, т. 1—3.

Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнения /Под ред. О. И. Блиновой и В. В. Палагиной. Томск, 1975, ч. 1—2.

Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) /Под ред. И. А. Оссовета. М., 1969.

Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири. Составители Н. Т. Бухарева и А. И. Федоров. Новосибирск, 1972.

Среднеобский словарь (Дополнение) /Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1983, ч. 1.

Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.

Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение. Диалектология как наука	5
Предмет диалектологии	5
Задачи диалектологии	8
Значение диалектологии	11
§ 1. Диалектология и современный русский литературный язык	11
§ 2. Диалектология и история русского языка	14
§ 3. Диалектология и этимология	16
§ 4. Диалектология и топонимика	19
§ 5. Диалектология и стилистика художественной речи	21
§ 6. Диалектология и методика преподавания русского языка и литературы в школе	24
§ 7. Диалектология и исторические науки	27
Литература	29
ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. Диалектная лексикология и фразеология.	
Диалектная лексикография	30
Первый раздел. Лексика русских народных говоров	32
1. Словарный состав говора (общая характеристика)	32
§ 1. Лексика диалекта в его соотношении с другими формами русского языка	34
§ 2. Лексика диалекта в ареальном аспекте	37
§ 3. Лексика диалекта с точки зрения экспрессивно-стилистической дифференциации	38
§ 4. Лексика диалекта с точки зрения сферы ее употребления	44
§ 5. Лексика диалекта с точки зрения ее активного и пассивного употребления	46
§ 6. Лексика говоров с точки зрения ее происхождения	49
*2. Лексика говора как система	52
§ 1. Вариантность слов	54
а. Лексико-фонетические варианты слова	54
б. Морфологические варианты слова	58
в. Лексико-семантические варианты слова	62
§ 2. Мотивированность слов	66
§ 3. Синонимия	75
3. Типы диалектных лексических различий	78

§ 1. Типы диалектных лексических различий на уровне слова	81
§ 2. Диалектные лексические различия на уровне фрагментов микросистем	85
Литература	88
Второй раздел. Фразеология русских народных говоров	88
1. Фразеологический состав говора (общая характеристика)	88
§ 1. Фразеология говора в ее соотношении с другими формами русского языка	90
§ 2. Фразеология говоров в ареальном аспекте	91
§ 3. Фразеология говора в аспекте эмоционально-экспрессивной дифференциации	93
§ 4. Сфера употребления фразеологических единиц диалекта	98
§ 5. Фразеология говора в ее отношении к активному и пассивному запасу	99
§ 6. Источники диалектной фразеологии	100
2. Фразеология говора как система	102
§ 1. Вариантность диалектной фразеологии	103
§ 2. Фразеологические единицы диалекта и мотивированность	105
§ 3. Фразеологическая синонимия диалекта	112
3. Типы диалектных фразеологических различий	114
Литература	117
Третий раздел. Диалектные словари	117
§ 1. Областные словари досоветского периода	118
§ 2. Областные словари советского периода	120
§ 3. Типы диалектных словарей	125
Литература	129
Диалектные словари	130